

Федеральное агентство по образованию
ГОУ ВПО Тульский государственный педагогический
университет им. Л. Н. Толстого

Г. В. Токарев

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Учебное пособие

Тула
Издательство ТГПУ им. Л. Н. Толстого
2009

ББК 81-923

T51

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор *С. А. Кошарная*

(Белгородский государственный университет);

доктор филологических наук, профессор *А. Т. Хроленко*

(Курский государственный университет)

Токарев, Г. В.

T51 Лингвокультурология: Учеб. пособие / Г. В. Токарев.– Тула:
Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2009.– 135 с.

ISBN 978-5-87954-468-8

В пособии рассматриваются основные аспекты лингвокультурологии, особое внимание уделяется средствам и способам кодирования культурного знания в русском языке.

Предназначено для студентов и аспирантов филологических и культурологических специальностей, а также для учителей.

ББК 81-923

ISBN 978-5-87954-468-8

© Г. В. Токарев, 2009

© Издательство ТГПУ

им. Л. Н. Толстого, 2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

Компетентностный подход в современном образовании ставит задачу формирования у учащихся учебных заведений разного уровня развитие лингвокультурной (культурно-языковой, культуроведческой компетенции). Поэтому в рамках подготовки филологов обязателен курс «Лингвокультурология», который может быть включён в учебный план как дисциплина по выбору. Цель данного курса – формирование у учащихся умения культурной референции. Настоящее учебное пособие может быть использовано преподавателями, студентами, магистрантами, аспирантами в учебном процессе.

Наблюдения над культурной спецификой языковых единиц проводились несколько сотен лет назад, однако научное обоснование лингвокультурология получила в XX в. В научный оборот привнесён большой багаж новых понятий, методов. Многие из них не получили ещё широкого распространения. В связи с этим лингвокультурология представляет собой отрасль знания, которая до сих пор не стала отработанным предметом дидактики. Предлагаемое учебное пособие представляет собой один из первых дидактических опытов в данной области и дополняет уже известные методические издания. Книга В. А. Масловой «Лингвокультурология» отражает глубокий анализ проблемы «Язык – культура – человек». Большое внимание автор уделяет истории и теоретическим основам лингвокультурологии, две главы посвящены рассмотрению специфики вербализации образа человека в языковой картине мира. Учебно-методическое пособие И. Ю. Токаревой предлагает уникальную методическую интерпретацию лингвокультурологии, направленную на формирование культуроведческой компетенции. В книге отражён системный подход к фактам языка, рассматриваемым в категориях культуры.

В учебном пособии мы пытались обобщить, упорядочить и в доступной форме преподнести читателю сложные вопросы лингвокультурологической теории. Цель учебника – сформировать представление о разделах лингвокультурологии, её объекте и предмете, основных понятиях и методах, познакомить с наиболее существенными и интересными достижениями.

Приведённый в конце каждого параграфа список литературы поможет организовать самостоятельную работу при изучении той или иной темы.

Лингвокультурологию следует читать студентам старших курсов, аспирантам и магистрантам, то есть тем, кто уже имеет хорошие знания в области теории языка и культуры.

Глава 1

ВВЕДЕНИЕ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЮ

Всякий языковед, изучающий язык данной культуры, тем самым непременно становится исследователем той культуры, к продуктам которой принадлежит избранный им язык.

Г. О. Винокур

1.1. Понятие лингвокультурологии как лингвистической дисциплины. Предмет и задачи лингвокультурологии

Проблема взаимоотношения языка и культуры появилась в трудах отечественных и зарубежных лингвистов несколько сотен лет назад и, несмотря на это, не утратила своей актуальности и в настоящее время. Развитие семасиологических и ономасиологических теорий сделало очевидным понимание языка как средства, с помощью которого возможно исследование стоящих за ним ментальных структур. Во 2-й половине XX в. появляется новая наука – лингвокультурология, призванная дать ответ на вопросы о том, как культура кодируется языком, какую культурную информацию несут те или иные языковые единицы, и др. Эта лингвистическая отрасль – порождение парадигмы научных исследований рубежа веков, культивирующей знания интегрированного типа, принцип антропоцентризма при изучении явлений действительности.

В последние десятилетия появился целый ряд фундаментальных работ, в которых намечен методологический аппарат данной науки, предложены оригинальные методы описания языкового материала, сделаны важные теоретические обобщения в ходе анализа языковых фактов. Однако при всей ценности данных исследований приходится констатировать, что лингвокультурология нуждается в уточнении своего категориально-теоретического аппарата. Будучи наукой синкретичного типа, она использует знания, накопленные когнитологией, психолингвистикой, культурологией, семиотикой. Между тем лингвокультурология формирует свой подход к анализу взаимодействия единиц языка, культуры, мыш-

ления. В частности, Н. Ф. Алефиренко отмечает: «К числу когнитивных феноменов в лингвокультурологии относятся главным образом феномены типа *off-line*: долговременная память, система категорий и категоризация, структуры представления знаний, лексикон и т. д. Феномены, ответственные за использование языка в реальном времени, типа *on-line* (оперативная память, внимание, активизация) могут использоваться лишь частично...» [Алефиренко, 2002, 166]. При этом нередко лингвокультурологические исследования отражают механическое заимствование терминологии смежных дисциплин, что приводит не к решению, а к ещё большему усложнению поставленных перед новой отраслью знания проблем, решить которые возможно при изучении базовых концептов культуры. В русистике последних лет появилось много работ, посвящённых описанию базовых ментальных категорий русской культуры. Объектом рассмотрения стали такие концепты, как «Бог» (Листрова-Правда Ю. Т., 2001; Печёнкина О. Ю., 2001), «Долг» (Кошелёв А. Д., 2000), «Женщина» (Артёмова А. В., 2000; и др.), «Закон» (Палашевская И. В., 2001), «Любовь» (Вильмс Л. Е., 1997), «Обман» (Панченко Н. Н., 1999), «Русскость» (Фархутдинова Ф. Ф., 2000), «Судьба» (Гак В. Г., 1994; Топоров В. Н., 1994; Чернейко Л. О., 1996; и др.), «Счастье» (Воркачёв С. Г., 2002) и др. Между тем «Труд», являясь базовым концептом русской культуры, имеет лишь фрагментарное отражение в науке (Гоннова Т. В., 1997; Иванова Л. А., 2002; Кормакова Е. В., 1999; Петрухина Е. В., 1999; и др.). Своеобразную летопись современных исследований концептов представляет «Антология концептов» под редакцией В. И. Карасика и И. А. Стернина.

Лингвокультурология оформилась как самостоятельная лингвистическая дисциплина в конце XX в. Специфика, предмет, задачи этой отрасли определены в трудах В. Н. Телия, Н. Ф. Алефиренко, В. В. Воробьёва, В. И. Карасика, В. А. Масловой, Ю. С. Степанова, В. М. Шаклеина, Ф. Ф. Фархутдиновой, А. Т. Хроленко и др. В современной русистике сложилось следующее определение лингвокультурологии.

Лингвокультурология – научная дисциплина, изучающая процессы и результаты воплощения материальной и духовной культуры в живой язык, взаимодействие языка и культуры. Лингвокультурология является частью этнолингвистики. Специфика лингвокультурологии заключается в том, что она рассматривает взаимоотношения языка и культуры в синхронной перспективе, охватывает не только безэквивалентные единицы (типа *лапти, валенки, самовар* и т. п.).

А. Т. Хроленко различает лингвокультурологию и лингвокультуроведение, к которому он относит комплекс дисциплин (лингвофольклористику, этнолингвистику и др.), изучающих язык в тесной связи с духовной

культурой народа. Ученый считает, что лингвокультурология имеет вне-национальный статус.

Предмет лингвокультурологии – синхронно действующие средства и способы взаимодействия языка и культуры.

Основные задачи лингвокультурологии:

- установить способы и средства хранения культурной информации в языковой семантике;
- создать модель национальной картины мира с опорой на данные языка;
- создать и обосновать теоретический аппарат, поскольку лингвокультурология является молодой дисциплиной.

Методологическую базу лингвокультурологии составляют:

- системный подход к вербальным репрезентациям культуры;
- деятельностный подход, определяющий единство деятельности и сознания, позволяющий представить речемыслительную деятельность как объяснительный принцип;

• аксиологический, культурологический, герменевтический подходы, позволяющие интерпретировать языковые явления в соответствии со сформированной той или иной лингвокультурной общностью ценностной шкалой;

• философские принципы детерминизма, определяющего взаимообусловленность всех явлений действительности, и антропоцентризма, наделяющего человека статусом «классифицирующего существа» (О. Есперсен). «Антропоцентризм как особый принцип исследования заключается в том, что научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности» (Е. С. Кубрякова).

Теоретическую основу лингвокультурологии составляют:

• идеи В. фон Гумбольдта, представителей психологического направления (Х. Штейнталь, А. А. Потебня), неогумбольдтианства (Л. Вейсгербер), этнолингвистики (Ф. Боас, Э. Сепир, Б. Л. Уорф), современной когнитивистики (Р. Джекендофф, Р. И. Павилёнис, Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, А. П. Бабушкин, И. А. Стернин, Г. В. Быкова и др.);

• рационалистическая теория Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова о кумулятивной функции языка;

• положения В. Н. Телия о том, что язык и культура являются формами сознания, отражающими мировоззрение человека, и об относительном изоморфизме языка и культуры;

• взгляды В. фон Гумбольдта, Э. Сепира, Б. Уорфа, А. Вежбицкой, А. А. Потебни, Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, Ю. М. Лотмана, Ю. С. Степанова, В. Н. Телия, Н. И. Толстого и других о сущности куль-

туры, о культурно-семиотическом подходе к языковым явлениям, о способах вербального кодирования культурной информации.

1.2. Лингвокультурология и другие науки

Лингвокультурология – детище антропоцентрической парадигмы языка, которая изучает лингвистическую систему через призму человека. Появление лингвокультурологии было подготовлено развитием ряда наук. Рассмотрим взаимоотношения лингвокультурологии с другими отраслями знания.

Лингвокультурология является ветвью этнолингвистики, которая рассматривает язык в связи с историей народа, с этническими процессами. Старшей сестрой лингвокультурологии является лингвострановедение. Отличие лингвострановедения от лингвокультурологии в том, что оно является прикладной дисциплиной, готовящей человека для жизни в новых культурных условиях. Лингвострановедение интересуют прежде всего безэквивалентные факты, то есть факты одной культуры, не имеющие аналога в другой. Объект лингвострановедения довольно широк: оно изучает культурно маркированные явления, имеющие разнообразную семиотическую природу (обряды, культурные артефакты и ментофакты и др.). Главное же отличие страноведения от лингвокультурологии состоит в том, что оно не интерпретирует свои объекты, то есть не даёт ответа на вопрос *почему?*

Очевидно, что рассматриваемая нами наука связана с культурологией. Лингвокультурология использует целый ряд понятий теории культуры, охватывающих феномены как материальной, так и духовной культуры. Лингвокультурология иллюстрирует преломление законов развития культуры в сфере языка.

Лингвокультурология связана с семиотикой. Лингвокультурология акцентирует своё внимание на культурно-специфичных аспектах семиозиса, то есть процесса знакообразования. Лингвокультурологи говорят об особом типе знаков – лингвокультуре, о возможных группировках знаков в ряды, позволяющие выделить закономерности.

Лингвокультурология связана с лексической и фразеологической семантикой. Инструментарий последней помогает вскрыть лексические и фразеологические средства и способы хранения культурной информации. Знания о структуре лексического и фразеологического значения, особенностях валентности слова, социальной маркированности единиц стали основательной теоретической базой лингвокультурологии.

Будучи когнитивной наукой, лингвокультурология связана с психолингвистикой и когнитивной лингвистикой. Лингвокультурология взяла

у этих отраслей знания целый ряд понятий и методов. К ним относятся психолингвистический эксперимент, концептуальный анализ, понятия концепта, категоризации и концептуализации.

Вне всякого сомнения тот факт, что лингвокультурология связана с искусствоведением, литературоведением, лингвофольклористикой, историей, а также целым комплексом наук, представляющих для рассматриваемой нами дисциплины интерпретационную базу (фоновые знания, пресуппозиции), которая используется при объяснении культурных фактов, зафиксированных языком.

1.3. Предтечи лингвокультурологии

Появление лингвокультурологии было подготовлено трудами ряда учёных. Кратко рассмотрим основные теории, которые стали своеобразными предтечами лингвокультурологии.

Теория немецкого учёного В. фон Гумбольдта о внутренней форме языка. Основной принцип – изучение языка должно проводиться в тесной связи с мышлением человека, с культурой, в которой он живёт. Учёный считал язык выражением духа народа, его энергии. В языке находит своё выражение духовная жизнь нации. Своеобразие мышления того или иного народа находит своё отражение в форме языка. В. фон Гумбольдт различал внутреннюю и внешнюю форму языка. Внутренняя форма представляет собой принцип организации языка, внешняя форма служит выражению этого принципа. Каждый язык по-своему отражает, интерпретирует мир. Языки представляют собой не различные обозначения вещи, а дают различные её видения. Слово отражает не предмет, а понимание этого предмета. Каждый язык образует вокруг народа своеобразный круг, выйти из которого возможно, только вступив в новый круг.

Учение В. фон Гумбольдта продолжил русский исследователь А. А. Потебня, разработав основательное учение о внутренней форме слова, о её связи с образом, с мышлением человека. Мы остановимся подробно на теории А. А. Потебни ниже, при рассмотрении средств хранения культурной информации.

Учение американских лингвистов Э. Сепира и Б. Уорфа, которое получило название гипотезы лингвистической относительности, также внесло существенный вклад в развитие лингвокультурологии. Суть этой теории состоит в том, что структура языка определяет структуру мышления и способ познания внешнего мира. Каждый язык по-своему членит и представляет мир. Э. Сепир определял культуру, как то, *что* данное общество делает и думает, язык как то, *как* думают.

Большое значение для появления лингвокультурологии имела семиотическая теория культуры Ю. М. Лотмана. Ниже этому вопросу будет посвящён отдельный параграф.

1.4. Разновидности лингвокультурологии

Можно выделить несколько разновидностей лингвокультурологии. К ним относятся следующие:

1) лингвокультурология одной культуры.

В рамках этого направления изучается лингвокультурная специфика одной лингвокультурной группы, социума, лингвокультурные типы и прочее на синхронном срезе;

2) синхронно-компаративная лингвокультурология.

В рамках этого направления сравниваются лингвокультуры (например, русская и английская) одного исторического периода (работы А. Вежбицкой, М. К. Голованивской, В. И. Карасика, С. М. Подвигиной, Т. Г. Толчилкиной, О. А. Чибышевой и мн. др.);

3) диахронно-компаративная лингвокультурология.

В рамках этого направления сопоставляются разные периоды одной лингвокультуры, например русской лингвокультуры советского и постсоветского периодов.

1.5. Лингвокультурологическая интерпретация культуры

Культура часто осмысливается как мировосприятие и миропонимание того или иного народа, совокупность ненаследственной информации, результат действия законов смыслообразования, система его принципов и результатов, совокупность концептов.

Однако в понятие культуры включается не только концептуальный аспект, но и семиотический, рассматривающий механизмы, связанные с хранением знаков и текстов, с их функционированием и преобразованием, с порождением новых знаков и новой информации. Эти механизмы определяют три важнейшие функции культуры: аккумулирующую (мнемоническую, накопительную, сохраняющую), коммуникативную, генерирующую (креативную, порождающую).

Итак, культура – это не только мировоззрение и миропонимание народа, но и совокупность знаковых систем, которые это мировоззрение выражают. Теория семиотики культуры создана Ю. М. Лотманом. В этом параграфе мы изложим основные положения его учения. Культуру

Ю. М. Лотман определяет как исторически сложившийся пучок семиотических систем (языков), и каждый член культурной общности выступает как своего рода полиглот. Одна изолированная семиотическая система, сколь совершенно она организована ни была бы, не может составить культуры. Для механизма культуры необходима, как минимум, пара соотнесённых семиотических систем. Стремление к гетерогенности языков – характерная черта культуры. О минимальной культурной модели говорят, если для одной информации имеется хотя бы два различных способа кодирования. Механизм культуры состоит в том, что информация передаётся между различными кодирующими системами. Возникновение языков культуры происходит в результате расщепления наиболее активного языка или соединения двух разных языков в один. Например, естественный язык расщепился на литературный и разговорный; из языка фото и естественного языка родился язык кино. В процессе соединения различных языков в одно культурное пространство действуют две тенденции. С одной стороны, тенденция к разнообразию, увеличению числа языков, по-разному организованных; с другой – тенденция к единообразию, проявляющаяся в стремлении культуры осмыслить саму себя как единую, жёстко организованную систему. В последнем случае культура либо формирует модель самой себя, то есть на определённом этапе возникает миф культуры о себе, создаются тексты, упорядочивающие культуру (например, «Поэтическое искусство» Никола Буало), либо возникает ориентированность культуры на один язык, который занимает доминирующее положение к другим языкам, и его принципы переносятся на всю культуру в целом. Так, мы говорим о культурах, ориентированных на письменность, на рисунок, на математику (культура 2-й половины XX в.). Для примера можно привести влияние жанра романа во 2-й половине XIX в. на философию, быт, характер политической борьбы. Функционирование культуры заключается в том, что определённый участок действительности переводится на тот или иной язык культуры, который превращает «языковлённую» действительность в культурный текст, фиксирующий информацию. Процесс развития культуры никогда не бывает моноструктурным. Языки культуры постоянно находятся в состоянии взаимобмена. Одни системы воспринимают законы других, переводят их на свой язык. Ю. М. Лотман сравнивал этот процесс с взаимодействием партий различных инструментов в симфоническом оркестре. Написать изолированно историю какого-либо языка культуры – то же самое, что извлечь из оркестра партию одного инструмента.

Культура пребывает в постоянном диалоге с внешним миром, структурируя его по своему образу и подобию. Чем больше внешних

связей имеет культура, чем они разнообразнее, тем богаче культура. Внешние силы приводят в движение внутренние механизмы культуры, а не подменяют их. Более того, культура, принимая чужие тексты, начинает создавать огромное количество собственных текстов. Достаточно сопоставить большое количество текстов, принятых русской культурой в XVIII в., и огромное количество этих текстов, переработанных русской культурой в XIX в. Кроме того, культура пребывает в постоянном диалоге сама с собой, это помогает ей сохранить самобытность, усложнить свою структуру.

Процесс развития культуры стихийный, плавно переходящий из одной фазы в другую, поэтому периодизации культуры условны. Однако учёные представляют процесс развития культуры как предсказуемый. Например, исследователи Л. Н. Толстого показывают, что весь литературный процесс до Толстого как бы готовит появление творчества этого писателя. Поэтому напрашивается вывод, что предсказуемость культурного процесса в ходе исторического прогресса должна возрастать. Однако каждый новый виток развития культуры увеличивает набор возможностей для реализации её смыслов, что должно приводить к увеличению степени неопределённости культуры. Ю. М. Лотман иллюстрирует это созданием гипотетической модели развития русской истории и языка, предложенной А. В. Исаченко.

Если бы в 1478 году Новгород поразил Москву
(об одном несостоявшемся варианте истории русского языка)

Всё развитие России сложилось бы совершенно иначе, если бы в конце XV века Новгород, а не Москва, оказался руководящей, главенствующей силой объединяемой страны. И такая возможность реально существовала.

Новгород XV века был почти что европейским городом, не знавшим ни коррупции, вызванной в оккупированной части страны татарщиной, ни жуткой азиатчины московского великокняжеского и боярского быта. Опираясь на древнюю республиканско-демократическую традицию, поддерживая самые живые торговые и политические отношения со странами Запада, Новгород во главе объединённой Руси не допустил бы рокового изолирования страны от духовного и технического прогресса Европы эпохи Возрождения. Идеи гуманизма, идеи Реформации не остановились бы на границах Польши и глубоко изменили бы облик отсталой Московитии, приобщая страну к главным источникам европейской мысли. Весьма вероятно, что под влиянием Реформации в Новгороде появился бы первый перевод Библии не на почти что заумный древнеболгарский, а на живой русский язык...

Реакционная деятельность балканских эмигрантов, тянувших Москву вспять к Византии, не нашла бы себе почвы в условиях европеизации, истинная литература (а не только письменность) на русском языке появилась бы на два с половиной века раньше, и сам литературный язык отразил бы в себе не столько

шамканье московской просвирни, сколько язык просвещённых новгородцев. Литературный язык развивался бы не в оранжерейных условиях славящины, не в затхлой среде малокультурного духовенства, а в демократической среде свободного города, духовно открытого на Запад, как и на Восток. [Цит. по: Ю. М. Лотман 2002, 38.]

Ю. М. Лотман говорил, что развитие культуры происходит постепенно или по модели взрыва. Эти две формы не могут существовать одна без другой. Так, если научное открытие подобно взрыву, то его техническая реализация – постепенному развитию. Как уже говорилось, культура погружена во внешний мир. Она втягивает этот мир и выбрасывает его переработанным, организованным в соответствии со структурой своего языка. В момент, когда окружающий мир становится втянутым в пространство культуры, возникает взрыв. Взрыв – это момент динамики, в ходе которого переход в новое состояние совершается по законам случайности. В момент взрыва событие вырывается из-под власти жестокой цепи причин и следствий. Взрыв – это столкновение двух по-разному организованных языков. В момент взрыва вся система культуры находится в состоянии резкого возрастания информативности. Линия развития культуры перескакивает на новый, более сложный путь. Определяющим логику развития системы может стать любой элемент этой или другой системы. Момент взрыва есть момент непредсказуемости. Непредсказуемость предполагает набор равновероятных возможностей развития той или иной системы. В действительности реализуется только одна возможность. Затем совершившееся событие осмысляется как единственно возможное в этих условиях. Так, дуэль А. С. Пушкина с Дантесом и гибель поэта рассматриваются учёными как обусловленные, закономерные факты его жизни, развития литературного процесса. Произошедшее событие предстаёт в многослойном освещении: с одной стороны, оно связано с памятью о прожитом взрыве, с другой – приобретает черты неизбежного предначертания. Таким образом, в ретроспективном освещении взрыв начинает осмысляться как закономерное явление.

Итак, культура понимается как носитель информации, состоящий из знаков и знаковых систем, а также правил их использования. Наряду с функцией аккумулятора культура выполняет функцию генератора смыслов, который стимулирует в человеке процессы смыслообразования. Поскольку этот процесс зависит от способности человека распознавать и интерпретировать знаки, культура как система в своём историческом развитии каждый раз предстаёт в новом свете и изменяет свои свойства в отношении к действительности. Культура постоянно изменяется как объект познания, представляя каждый раз новый источник информации.

1.6. О соотношении понятий язык и культура

Проблема соотношения языка и культуры не нашла однозначного решения. Рассмотрим основные подходы к решению этой проблемы.

Суть первого подхода состоит в том, что культура воздействует на язык, то есть язык отражает изменения действительности (С. А. Атановский, Г. А. Брутян, Е. И. Кукушкин, Э. С. Маркарян).

В рамках второго подхода говорится о воздействии языка на культуру (В. фон Гумбольдт, Э. Сепир, Б. Уорф).

Кроме этого существует множество точек зрения, в рамках которых язык рассматривается как средство выражения культуры (Г. О. Винокур), компонент культуры (Ю. В. Бромлей, Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров), часть, способ существования культуры (К. Леви-Стросс) и др.

С. А. Кошарная отмечает: «Язык и культура – продукты жизнедеятельности социума. Культура вбирает в себя результаты предметной и мыслительной деятельности, которая обеспечивается и объективируется языком. При этом язык является главным средством выполнения культурой её основных функций: освоения и преобразования окружающего мира; обмена социально значимой информацией (коммуникативная функция); моделирования картины мира; накопления и хранения информации; регулятивной (регламентирующей поведение людей в обществе); воздействующей (эмоциональный фактор); адаптивной (обеспечивающей гармонию этноса с окружающим миром)» [2002, 31].

Рассмотрев общие закономерности существования культуры, перейдём к детальному изучению знаков и знаковых систем, выражающих знания человека о мире.

Литература

Алефиренко, Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н. Ф. Алефиренко.– М.: Academia, 2002.

Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая.– М.: Рус. словари, 1997.

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая.– М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1999.

Верещагин, Е. М. Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров.– М.: Рус. яз., 1980.

Гумбольдт, В. фон. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт.– М.: Прогресс, 1985.

Кошарная, С. А. Миф и язык / С. А. Кошарная.– Белгород: Изд-во БГУ, 2002.

Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман.– СПб.: Искусство СПб, 2000.

Потебня, А. А. Мысль и язык / А. А. Потебня.– М.: Лабиринт, 1999.

Сепир, Э. Язык. Введение в изучение речи / Э. Сепир.– М. – Л.: Соц-экгиз, 1934.

Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир.– М.: Прогресс, 1993.

Телия, В. Н. Русская фразеология: семантико-прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия.– М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1996.

Телия В. Н. Основные постулаты лингвокультурологии / В. Н. Телия // Филология и культура: Материалы междунар. конф. / Отв. ред. Н. Н. Болдырев.– Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 1999.

Телия, В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В. Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. – М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1999.

Хроленко, А. Т. Лингвокультуроведение: Учеб. пособие / А. Т. Хроленко.– Курск: Крона, 2000.

Глава 2

КОНЦЕПТ КУЛЬТУРЫ

Смысл – это путь, которым люди приходят к имени.

Готлоб Фреге

2.1. Концепт как элемент культуры

Итак, термин *культура* многозначный. Немецкий учёный Карл Аймермахер отмечает, что понятие культуры тождественно понятию человеческого сознания [2001, 174]. Ю. М. Лотман определял культуру как совокупность ненаследственной информации, которую накапливают, хранят и передают разнообразные коллективы человеческого общества [2002, 56], систему запретов и предписаний [2002, 88]. Таким образом, культура – результат действия процессов смыслообразования, система его принципов и продуктов. Результаты этого процесса воплощаются на ментальном уровне в виде концептов. Тем самым концепт – составляю-

щая культуры. Он является атрибутом культуры, «сгустком культуры в сознании человека» [Степанов, 2001, 43]. Концепт может иметь статус константы культуры, если существует постоянно или долгое время. Это означает, что он играет роль принципа культуры. Так, концепт «Труд» можно отнести к концептам-константам: он присутствует в русской идеосфере (концептосфере – совокупности всех концептов данной культуры) на протяжении многих лет, способствует выражению христианских принципов русской культуры.

Таким образом, в культурологическом понимании концепт – это исторически развивающаяся часть концептосферы. Культурно-семиотический подход рассматривает концепт как глобальную, многомерную единицу ментального уровня, для которой характерны следующие признаки:

- культурно-историческая обусловленность, то есть зависимость порождения тех или иных смыслов от идеологем какой-либо эпохи;
- структурированность более простыми в ментальном отношении смыслами: научными и обыденными понятиями, представлениями, культурными установками, идеологемами, стереотипами, которые могут иметь разнообразные формы репрезентации (выражения);
- неоднородность содержания, проявляющаяся в синтезе конкретного и абстрактного, рационального и эмоционального, объективного и субъективного;
- широкий объём (экстенционал);
- разнообразие типов знаковых репрезентаций, то есть способность к выражению средствами, неоднородными с точки зрения сложности, разных семиотических систем.

Структурная модель концепта определяется характером входящего в него содержания. Можно выделить два основных типа содержания.

Первый тип включает в себя конструкты знания, обладающие ценностью и истинностью для всего человечества. Одной из типичных ситуаций смыслообразования выступает ситуация научного творчества. Учёный пользуется принятой в мире парадигмой знаний. Слой концепта, содержащий знания этого типа, назовём универсальным. Универсальными могут быть научные и обыденные понятия, культурные установки и стереотипы. Например, культурная установка *человеку необходимо трудиться / каждый человек должен трудиться; не откладывая дела*, стереотипы *труд приносит пользу обществу; хороший специалист имеет многолетний опыт работы* являются универсальными на данном синхронном срезе. Учёные насчитывают до 70 культурных универсалий. К основным относятся: речь vs. язык, искусство, мифология, наука, религия, семья, собственность, правительство, война.

Второй тип включает в себя национально специфические знания, которые продуцируются лингвокультурной общностью, то есть группой, объединённой совокупностью признаков (язык, история, культура, религия и пр.). Слой концепта, содержащий знания этого типа, назовём культурным. Культурный слой концепта содержательно неоднороден. Это обусловлено дифференциацией лингвокультурной общности как субъекта, продуцирующего смысл, на более мелкие группы – социумы, то есть группы, выделяемые по общности профессии, возраста, конфессии, уровня образования, хобби и др. Н. И. Толстой отмечал, что в культуре можно выделить четыре разновидности: «культуру образованного слоя, “книжную”, или элитарную, культуру народную, крестьянскую, культуру промежуточную, соответствующую просторечию, которую обычно называют “культурой для народа” или третьей культурой, и для полноты картины и более чёткого параллелизма ещё традиционно-профессиональную субкультуру (пастушескую, пчеловодческую, гончарную и др. на селе, торгово-ремесленную – в городе)» [1995, 16–17]. Так, паремии о труде отражают ценность времени в народной (крестьянской) культуре и ценность инструмента в профессиональной: *сей и холь яровое в мае, так будет зимой добро; овсы да льны в августе смотри; в октябре та бабам и работа, что льны приспевать; до солнца пройти три покоса – не будешь ходить босо / кабы не клин да не мох, так бы плотник издох; без веретена пряжи не спрядешь; кому до чего, а кузнецу до наковальни*. Классификация культуры, предложенная Н. И. Толстым, отражает стративный характер общества XIX в. Безусловно, каждый исторический период формирует свой набор культурных стратов.

В культурный слой концепта входит информация о социальном рейтинге концепта: в одни культурно-исторические периоды концепт может приобретать особую социальную значимость, в другие – утрачивать её. В качестве примера можно привести значимость труда на предыдущих этапах развития русской культуры, воплощённую в модусных компонентах языковых единиц разного типа: *в дальних краях ремесло кормит; мастер на все руки; ничто так, как труд, не облагораживает человека*, и скептическое отношение к честному труду в нынешнее время, которое отражается, например, в эмоционально-оценочных коннотациях газетных заголовков: *«Как избежать безработицы, если никто не хочет работать»* («Комсомольская правда», 19.07.91), *«Работа не волк, но что-то звериное в ней есть»* («Аргументы и факты», № 50, 2000), *«Не хотим быть трудом, хотим быть капиталом»* («Комсомольская правда», 11.12.91).

Неотъемлемой частью процесса изменения социального рейтинга концепта является актуализация входящих в него смыслов. Выше мы

говорили, что составляющие концепта подвержены актуальной дифференциации: одни аспекты уходят в пассивный слой, другие составляют ядерную часть. Несмотря на возможность протекания данных процессов, ядерная часть концепта отличается той или иной степенью стабильности, которая обусловлена фактором социально-исторической преемственности. Инвариантное содержание ядерной части концептов детерминировано архетипами, особенностями национального менталитета, глубинной структуры, определяющей на протяжении длительного времени этническое и национальное своеобразие и характеризующейся большой стабильностью.

Вне всякого сомнения, предложенная классификация мыслящих субъектов условна, поскольку один и тот же субъект продуцирует как универсальные, так и культурно-специфичные смыслы. Д. С. Лихачёв отмечал, что в сознании человека может сочетаться несколько концептосфер: «Одна концептосфера может сочетаться с другой – скажем, концептосфера русского языка в целом, но в ней концептосфера инженера-практика, а в ней концептосфера семьи, а в ней индивидуальная концептосфера» [1997, 282].

Ю. С. Степанов учит, что концепты могут быть как априорные (имеющие один или небольшое число существенных, актуальных признаков, представленных в виде коллективного бессознательного, широкую сферу применения; чаще всего постоянные, «рамочные», по Готфриду Лейбницу, чистые), так и апостериорные, по Г. Лейбницу, эмпирические (с плотным ядром). Априорные концепты человек использует как данное. Они не зависят от его опыта. Апостериорные – всегда проведены индивидуумом через себя, продуманы и прочувствованы им. Рамочными концептами являются «Цивилизация», «Интеллигенция» и др., эмпирическими – «Груд», «Любовь» и др.

В зависимости от характера семиотического процесса концепты могут быть определены как идеологически детерминированные и эволюционные. Репрезентации эволюционных концептов позволяют проследить развитие семиотического процесса, идеологически детерминированных – нет. Примером эволюционного концепта может быть «Любовь», поскольку каждая культурная эпоха включает в него свои смыслы, оставляя инвариантную часть. Концепт «Пятилетка» является идеологически детерминированным, так как существовал только в советскую эпоху.

Итак, концепт является способом существования и организации культуры. Структурируя культуру и указывая на динамику культурно-когнитивных процессов, он обеспечивает связь между различными эпохами и стилями культуры. Концепт не только отражает, но и задаёт опре-

делённый угол зрения на объективный мир и тем самым закрепляет и организует те или иные ценности, помогает человеку ориентироваться в том или ином культурном пространстве. Он отражает этнический характер лингвокультурной общности, сущность которого заключается в определённом типе реакций на явления окружающего мира.

2.2. Разнообразие смыслов, включённых в концепт

Итак, концепт культуры структурирован разнообразными смыслами: научными и обыденными понятиями, представлениями, стереотипами, культурными установками, идеологемами. Что представляют собой эти ментальные единицы?

Представления – это ощущения, которые возникают у человека при его взаимодействии со средой. Представления отражают наивную (обыденную, в противовес научной) картину мира.

Представления могут репрезентироваться посредством натурфактов и артефактов. Например, с именинным снопом связывали представления об особой созидательной силе, обеспечивающей плодородие земли. Считалось, что вся продуцирующая сила земли сосредоточивалась в первом и последнем снопах, которым приписывались магические свойства: эти артефакты служили оберегом от сглаза, болезни. Существовала и иная традиция: последние колосья не вырывались, а завязывались в сноп, а затем прижимались («заламывались») камнем к земле, тем самым ей возвращалась вложенная в урожай сила. Количество звёзд на небе связывалось с представлениями о будущем урожае или приплоде домашнего скота. В основе данного представления, вероятно, лежали количественные и цветовые ассоциации: число звёзд связывалось с числом телят, ягнят и пр., а цвет звезды отдалённо напоминал цвет ягнёнка (очевидно, не последнюю роль при формировании этого представления играло звучание слов «ярки» (о звёздах) и «ярки» («овцы»), включённых в паремию: *яркие звёзды породят белых ярок*.

Кроме представлений, наивную картину мира структурируют культурные установки, идеологемы, стереотипы, обыденные понятия.

Культурные установки – это «совокупность знаний о поведении в ситуации общения, определяемых культурной традицией» [Болдырев, 2001, 33]. В результате взаимодействия с другими индивидами человек осознаёт себя как члена коллектива, продуктами этого взаимодействия являются эталонизированные образцы поведения (культурные установки), имеющие характер рекомендации, правила, закона: трудись в поте лица, занимайся существенными делами и др. Вооружаясь этими образ-

цами, человек усваивает «правила игры»: он узнаёт, как себя вести в той или иной ситуации, как следует отнестись к тому или иному явлению, какую оценку получит, совершив тот или иной поступок и т. п., то есть овладевает культурно обусловленными сценариями поведения. Так, в сказе Николая Семёновича Лескова «Левша» изображено, как тульские мастера, получив от генерала Платова задание выполнить царский наказ, начинают это непростое дело с паломничества к иконе Св. Николая (глава 7 сказа). Тем самым тульские мастера следуют действующей в то время культурной установке, отражённой в «Домострое»: «...всякое дело начать... прежде всего – святым образом поклониться трижды в землю... а кто может молитву сказать... с тем и начать всякое дело, ибо ему божья милость сопутствует...».

Особым видом культурных установок являются **идеологемы**. Они используются на определённом культурном срезе и меняются при переходе от одной культурной модели к другой. Идеологемы включают в себя набор актуализированных в тот или иной период ценностей. Так, в период буржуазных революций в Европе были актуальны такие ценности, как свобода, равенство, братство, человек, которые были включены в идеологемы типа: *каждый имеет право выразить своё мнение; все люди равны в социальном отношении*. Однако в период Реставрации произошло забвение этих принципов, перемещение их в прошлое. Идеологемы отличаются от культурных установок высокой сложностью, императивностью, безапелляционностью. Ср.: христианскую культурную установку *трудись в поте лица*, указывающую человеку на способ существования в обществе, и идеологему *труд должен быть свободным*, в которой акцентируется ценность «свобода». Из приведённых примеров ясно, что культурные установки и идеологемы могут сосуществовать. Ещё одним отличием культурных установок от идеологем является возможная противоречивость установок и обязательная согласованность идеологем на одном культурном срезе. Так, культурной установке *честно трудись* противопоставлена *нет смысла честно трудиться*. Ср.: *трудом праведным не наживёшь палат каменных / трудовая денешка до веку живёт; где работно, там и густо, а в ленивом доме пусто; кто рано встает, у того копейка растёт*.

Культурным установкам близки по своим функциям и сущности стереотипы. **Стереотип** – это стандартное мнение, измеряющее деятельность той или иной социальной группы или индивида. Стереотипы упорядочивают знания, противопоставляя при этом своё чужому, помогают человеку ориентироваться в жизни. Если культурные установки мы сравнили с правилами игры, то стереотипы можно сопоставить с ориентира-

ми, координатами этой игры. В качестве примера стереотипов можно привести стандартные мнения о национальностях: немцы – пунктуальны, китайцы – трудолюбивы, цыгане – обманщики, воры, и т. д.

Среди стереотипов различают гетеростереотипы, то есть внешние стереотипы, которые сложились у представителей одной культуры о другой, и автостереотипы, то есть мифы о самих себе, существующие внутри одной культуры. Так, русские считают немцев пунктуальными, себя – открытыми, добродушными, гостеприимными людьми.

Культурные установки, идеологемы, стереотипы, с одной стороны, формируются теми или иными социумами, с другой – они объединяют людей в группы, противопоставляют одну группу другой, что обуславливает их культурную маркированность.

Концепт может структурироваться **обыденными** (наивными, нестрогими) **понятиями**. Исследователи понятий обычно выделяют понятия в строгом и нестрогом (широком) смысле. Для наивных понятий характерны чёткие содержательные характеристики. Обыденное понятие отличается от представления более высокой степенью обобщённости и объективированности, отсутствием эмоционально-оценочных смыслов, от научного понятия – минимальным набором признаков: оно обобщает наиболее существенные черты той или иной реалии. Отсюда следует, что основной способ образования обыденных понятий – обобщение: **бобыль, кулак, будний день, молоток** и пр.

Рассмотрим содержание обыденного понятия (в настоящее время утратившего свою актуальность) **тягло** – ‘мера земли, которую обрабатывает одна немногодетная семья’. Оно имеет чёткий экстенционал (объём) ‘мера земли’. Интенционал (содержание) понятия закрыт, включает 4 наиболее существенных признака: ‘обработка’, ‘семья’, ‘одна’, ‘немногодетная’. Обобщённость и объективированность данного понятия проявляется в узуальности содержащегося в нём смысла, забвении внутренней формы, отсутствии эмоционально-оценочных смыслов.

Обыденные понятия могут соотноситься, вступать в функциональные омонимические отношения с представлениями и научными понятиями. Так, содержание обыденного понятия **зарплата** включает в себя следующие признаки: ‘деньги, полученные за работу в течение месяца’. Представления о **зарплате** связаны со сроками её выплаты, размером, основным местом работы и пр. Очевидно, что эти представления отличаются по набору признаков от коррелирующего понятия, например, в немецкой картине мира. Научное понятие **заработная плата** охватывает историю возникновения этого явления, теорию добавочной стоимости, социальные и политические аспекты и т. д.

Представления в наибольшей степени зависят от культурной ситуации, наряду с обыденными понятиями они являются элементами наивной картины мира, относятся к культурно маркированным единицам.

Какова природа научного понятия? Под **научным понятием** понимают «результат обобщения предметов некоторого класса и мысленного выделения самого этого класса по определённой совокупности общих для предметов этого класса – и в совокупности отличительных для них – признаков...» [Войшвилло, 1989, 91].

Научное понятие представляет собой высший вид ментальных репрезентаций. Переход от представления к понятию осмысливается как переход от чувственной ступени познания к абстрактному мышлению.

Понятие представляет собой расчленённое, многопризнаковое, аналитичное мыслительное образование. Интенционал (содержание) научного понятия открыт, новые признаки явления с развитием науки и техники могут добавляться. Количество этих признаков не регламентируется: чем больше признаков, тем лучше разработано понятие. При этом набор признаков не вариативен, как у представлений, а фиксирован. Например, понятие **интенсивность труда** включает в себя следующий набор признаков ‘степень напряжённости’, ‘труд’, ‘производительность’, ‘рабочее время’, ‘производство’, ‘рационализация’ и др. Основные признаки данного научного понятия фиксируются его дефиницией: ‘степень напряжённости труда, ограниченная рабочим временем, обусловленная степенью рациональности в процессе производства и являющаяся одним из факторов производительности труда’. Содержание научных понятий характеризуется высокой степенью объективности, чёткости, ясности (что обусловлено их апостериорностью), отсутствием эмоциональных компонентов: **нормы труда, трудовой стаж** и др. Специфика научных понятий, по наблюдениям Е. К. Войшвилло, состоит в их необразном отражении действительности.

Среди традиционных признаков научного понятия называют и такие: оно входит в состав той или иной теории, является единицей той или иной классификации. Например, научное понятие **заработная плата** входит в теорию добавочной стоимости, является гипонимом для понятия **национальный доход**, гиперонимом для понятий **сдельная заработная плата, повременная заработная плата**.

Научные понятия имеют специфические приёмы образования: анализ, синтез, сравнение, обобщение, абстрагирование, идеализация.

Каждый из рассмотренных типов ментальных единиц является элементом наивной или научной картины мира. Концепт в лингвокультурологической интерпретации – категория, связывающая фрагменты как

научной, так и наивной картин мира. Так, концепт «Труд» включает в свой состав представления, культурные установки, идеологемы, стереотипы, обыденные и научные понятия, что обусловлено признаками культурно-исторической детерминированности и содержательной целостности концепта. Как наивные, так и научные ментальные единицы могут участвовать в концептуализации одного и того же фрагмента идеосферы. Кроме этого, как мы могли видеть, из представлений могут развиваться научные понятия. Лингвокультурологию интересуют прежде всего наивные знания.

Рассмотренные ментальные единицы характеризуются особой значимостью для человека, социума, лингвокультурной группы, всего человечества в целом. Значимость представлений, культурных установок, стереотипов и прочего состоит в том, что они играют роль идеалов, эталонов, принципов, с учётом которых тот или иной субъект регулирует своё поведение. В зависимости от того, какой субъект культивирует ценности, их можно дифференцировать как личностные, социальные, национальные, общечеловеческие.

Так, для героя рассказа Б. Полевого «Вклад» Захарыча ценностью являются профессиональные умения, которые требуют от человека веры и полной самоотдачи: ***«Профессия – она вещь святая! В неё, брат, верить надо».***

Для иллюстрации социальных ценностей приведём отрывок из очерка Г. И. Успенского «Власть земли», где сопоставляются ценности петербургского интеллигента и крестьянина: ***«Вам, например, петербургскому интеллигентному чиновнику, жизнь не так легка: вы работаете в министерстве до пяти часов подённую, чтобы выработать средства к жизни... Жизнь для вас – особь статья: Сара Бернар, Зембрих, почести, политика. ...Вы в департаменте совсем другой, чем дома или в театре. А крестьянин-земледелец везде один и тот же: он трудится и живёт интересами этого же труда... Результат вашей жизни, положим, хоть плотная банковая книжка; банковая книжка пахаря тут же всегда с ним – в его радости, что ёдро, что овсы вязались шибко... Вам нужен кабинет – для себя, салон – для общества, классная для детей... для пахаря-мужика нужна одна изба, потому что все живут одним – землёй...»*** Приведённый отрывок отчётливо освещает ценности чиновника: деньги, квартира, должность и пр. – и крестьянина: погода, урожай, земля.

Таким образом, интенционал концепта представляет собой всю историю человеческой мысли по данной теме, аспекты содержания концеп-

та могут быть охарактеризованы как старые или новые, актуальные или неактуальные.

2.3. Концепт и архетип

Исследования по культурологии, психоанализу, лингвистике, философии показывают, что существуют более сложные в аспекте содержания ментальные единицы – предельные понятия, архетипы, праобразы коллективного бессознательного [Юнг, 1992; Снитко, 1999]. **Архетип** представляет собой возможность возникновения тех или иных образов, представлений и пр., которые хранятся в подсознании индивида. Карл Густав Юнг указывал, что архетип – «не врождённое представление, а врождённая возможность представления», «априорные идеи», «регулирующие принципы формирования творчески оформленного материала» [1992, 116]. Архетипические структуры не обусловлены личным опытом, наследуются человеком от предшествующих поколений. Инвариантность архетипических структур определяется значимостью их содержания, «проверенностью», многообразием практик ряда поколений. Содержанием инварианта архетипа является усреднённый тип психических реакций на окружающий мир.

Для данной ментальной категории характерен абсолютный объём и содержание, стремящееся к нулю. Они создают своеобразную рамку для продуцирования или интерпретации концептов. Так, Т. Н. Снитко показывает, что при истолковании восточных концептов следует исходить из принципа целостности, западных – аналитичности. К архетипическим представлениям, лежащим, например, в основе концептуализации труда, относится жизнеобеспечивающая ценность данного вида деятельности.

Если концепты структурируют картину мира, соотносятся с миром вещей, то архетипы (предельные понятия) «держат», представляют его как целое.

Специфика репрезентации предельных понятий заключается в том, что они не находят прямого отражения языковыми средствами.

Итак, концепт по отношению к представлениям, наивным и научным понятиям, культурным установкам, идеологемам, стереотипам выступает как макроструктура. Эти единицы – части, точнее, строевые элементы концепта. В свою очередь, концепт находится в зависимости от архетипов. Соотношение ментальных категорий можно представить в виде схемы, предложенной на рисунке 1.

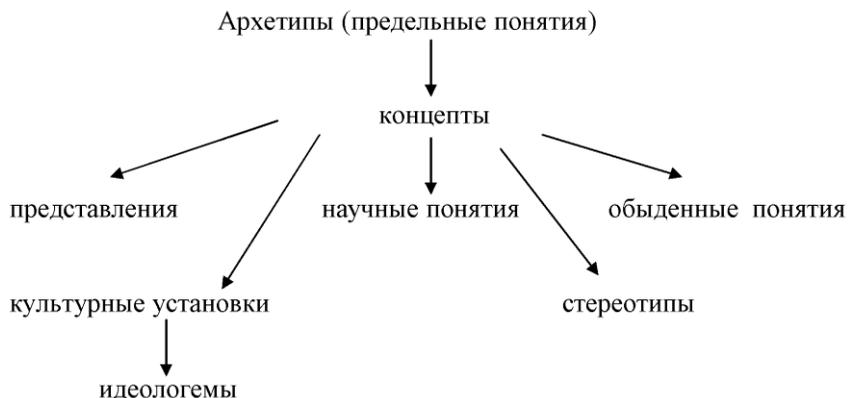


Рис. 1. Соотношение ментальных категорий

2.4. Особенности русского характера

Для проведения лингвокультурологических исследований большой интерес представляют материалы истории, философии, этнографии, психологии, культурологи, социологии о русском характере. Широкое распространение получили работы Н. А. Бердяева («Душа России. Судьба России»), И. А. Ильина («О русской идее», «О России»), Л. П. Карсавина («Восток, Запад и русская идея»), Н. О. Лосского («Характер русского народа»), Л. А. Тихомирова («Что такое Россия?») и др. Под характером понимают «совокупность устойчивых индивидуальных особенностей личности, складывающуюся и проявляющуюся в деятельности и общении, обуславливая типичные для неё способы поведения» [Психологический словарь, 1990, 436]. Лингвокультурология возьмёт на себя контролирующую роль правильности теоретических положений этих наук.

Говоря о чертах русского характера, мы прежде всего имеем в виду те, которые отличают его от характера людей других общностей. Как мы сможем убедиться, эти черты трудно трактовать как положительные или отрицательные, поскольку положительные черты зачастую переходят в негативные, отрицательные видоизменяются в положительные. Поэтому черты русского характера мы обозначаем в виде антиномий.

Эскизно наметим основные координаты русского характера. Изучение таких вопросов не может быть полным, в любом случае что-то остаётся неучётным. Надо отметить, что русский характер представляет

собой сложную амальгаму западных и восточных архетипов. Русская история отражает попеременное влияние Востока и Запада.

- Деспотизм, жестокость vs. доброта, ласковость. «Доброта не исключала, впрочем, свирепости и жестокости в известных случаях; те же писатели, которые хвалят доброту славян, рассказывают ужасы об обращении их с пленными, с проповедниками христианства... так часто бывает у людей и целых народов, добрых по природе, но предоставленных влечениям одной только природы» (С. М. Соловьев). «Русский народ очень терпелив и терпит до самой крайности; но когда конец положит своему терпению, то ничто не может его удержать, чтобы не преклонился на жестокость» (А. Н. Радищев).

- Анархизм, бунт vs. рабство, законопослушность. «Россия – самая безгосударственная, самая анархическая страна в мире. И русский народ – самый аполитический народ, никогда не умевший устраивать свою землю» (Н. А. Бердяев). Но одновременно можно утверждать, что «Россия – самая государственная и самая бюрократическая страна в мире, все в России превращается в орудие политики. Русский народ создал могущественнейшее в мире государство, величайшую империю» (Н. А. Бердяев).

- Индивидуализм vs. коллективизм. (Н. А. Бердяев).

- Смирение vs. наглость. (Н. А. Бердяев).

- Набожность, ортодоксальность vs. безбожие, нигилизм. «Основная, наиболее глубокая черта характера русского народа есть его религиозность и связанное с нею искание абсолютного добра, следовательно, такого добра, которое осуществимо лишь в Царстве Божием» (Н. А. Лосский). «Русское православие не имеет своего оправдания культуры, в нём был нигилистический элемент в отношении ко всему, что творит человек в этом мире» (Н. А. Бердяев).

- Гостеприимство vs. недоброжелательство. «Недоброжелательство – основная черта русских нравов: в народе оно выражается насмешливостью, а в высшем кругу – невниманием и холодностью» (А. С. Пушкин). «Славянин, выходя из дому, оставлял дверь отворенною и пищу готовую для странника. Купцы, ремесленники охотно посещали славян, между которыми не было для них ни воров, ни разбойников» (Н. М. Карамзин).

- Подозрительность, конфликтность, уживающаяся со «склонностью к всемирной отзывчивости и всепримирению» (Ф. М. Достоевский).

- Сочувствие, сострадание, жалостливость, стремление помочь. «Русский человек способен выносить страдание лучше западного, и вместе с тем он исключительно чувствителен к страданию, он более сострадателен, чем человек западный» (Н. А. Бердяев).

- Гордость vs. готовность к самоунижению, самобичеванию, покаянию (А. И. Солженицын). «Дикая свирепость не была отличительным их характером. Славянское племя вообще имело более склонности к жизни мирной, чем воинственной... Если ни вторжения неприятелей, ни внутренние раздоры не воспламеняли их страстей, любили жизнь мирную, охотно занимались земледелием, отличались добродушием и своим гостеприимством удивляли просвещенных греков, оставив эту добродетель самым отдаленным потомкам» (Н. Г. Устрялов). «Всякий настоящий русский, если только он не насилует собственной природы, смертельно боится перехвалить свое – и правильно делает, потому что ему это не идет. Нам не дано самоутверждаться – ни индивидуально, ни национально – с той как бы невинностью, как бы чистой совестью, с тем отсутствием сомнений и проблем, как это удается порой другим. Но русские эксцессы самоиронии, “самоедства”, отлично известные из всего опыта нашей культуры, тоже опасное искушение» (С. С. Аверинцев).

- Жизнестойкость. «Все вынесло, все преодолело это упругое племя, пока пробилось на широкую дорогу своей исторической жизни» (Д. И. Иловайский). «Племена славян и антов сходны по своему образу жизни, по своим нравам, по своей любви к свободе; их никоим образом нельзя склонить к рабству или подчинению в своей стране. Они многочисленны, выносливы, легко переносят жар, холод, наготу, недостаток в пище. К прибывающим к ним иноземцам они относятся ласково, оказывая им знаки своего расположения» (Маврикий Стратег).

- Созерцательность, лень, пассивность vs. предприимчивость, смекалка, хитрость. «Из всех способностей, которыми природа щедро оделила славянорусское племя, наиболее драгоценными являются, конечно, его предприимчивость, мужество и способность созидательная» (Д. И. Иловайский).

- Статичность vs. стремление к переменам. «Русскому присуща устремленность к чему-то бесконечному. У русских всегда есть жажда иной жизни, иного мира, всегда есть недовольство тем, что есть. <...> Странничество – очень характерное русское явление, в такой степени незнакомое Западу. Странник ходит по необъятной русской земле, никогда не оседает и ни к чему не прикрепляется» (Н. А. Бердяев).

- Мягкость, податливость vs. твёрдость духа. «Внешняя мягкость славянского существа допустила без сильного противодействия вторжение и господство чуждого элемента, но тягучее ядро, прикрытое этою мягкою внешностью, сделало невозможными, чтобы славянская сущность потерпела какое-нибудь внутреннее изменение от этого чуждого элемента. Так, в сравнительно очень короткое время чужие властители

совершенно переродились в славян, и варяжская династия стала и по крови, и по духу такою же русскою, как самый низший слой собственно русского народа» (Г. Рюккерт).

- Аскетизм, неодобрение богатства, склонность к социальной справедливости и равенству, неуважение чужой частной собственности, одобрение воровства как меры достижения социальной справедливости.

- Любовь к морализации, философствованию. «Русскому народу свойственно философствовать. Русский безграмотный мужик любит ставить вопрос философического характера – о смысле жизни, о Боге, о вечной жизни, о зле и неправде, о том, как осуществить Царство Божие»

(Н. А. Бердяев).

- Этническая толерантность, открытость. «Русский человек живет прежде всего сердцем и воображением и лишь потом волею и умом. Поэтому средний европеец стыдится искренности, совести и доброты как “глупости”; русский человек, наоборот, ждет от человека прежде всего доброты, совести и искренности. Европейское правосознание формально, черство и уравнительно; русское – бесформенно, добродушно и справедливо. Европейец, воспитанный Римом, презирает про себя другие народы (и европейские тоже) и желает властвовать над ними; за то требует внутри государства формальной “свободы” и формальной “демократии”. Русский человек всегда наслаждался естественной свободой своего пространства... Он всегда “удивлялся” другим народам, добродушно с ними уживался и ненавидел только вторгающихся порабитителей, он ценил свободу духа выше формальной правовой свободы. Из всего этого выросло глубокое различие между западной и восточнорусской культурой. У нас вся культура – иная, своя, притом потому, что у нас иной, особый духовный уклад. У нас совсем иные храмы, иное богослужение, иная доброта, иная храбрость, иной семейный уклад; у нас совсем другая литература, другая музыка, театр, живопись, танец; не такая наука, не такая медицина, не такой суд, не такое отношение к преступлению, не такое чувство ранга, не такое отношение к нашим героям, гениям и царям. И притом наша душа открыта для западной культуры: мы ее видим, изучаем, знаем и если есть чему, то учимся у нее... У нас есть дар вчувствования и перевоплощения. У европейцев этого дара нет. Они понимают только то, что на них похоже, но и то, искажая все на свой лад. Для них русское инородно, беспокойно, чуждо, странно, непривлекательно» (И. А. Ильин).

- Беспринципность vs. принципиальность, честность. «Подлое низкопоклонство и заискивание перед татарами, стремление извлечь из

татарского режима побольше личных выгод, хотя бы ценой предательства, унижения и компромиссов с совестью, – все это, несомненно, существовало, и притом в очень значительной мере. Несомненно, существовали случаи и полного ренегатства, вплоть до перемены веры из карьерных соображений» (Н. С. Трубецкой).

Среди учёных бытует мнение, что черты национального характера формируются под влиянием ландшафта, исторических событий, религиозной специфики. Такие качества, как широта души, максимализм, пассивность, деспотичность, доброта и некоторые другие были детерминированы необъятными просторами и суровым характером русской природы (Н. А. Бердяев, «О власти пространств над русскою душою»). «Власть шири над русской душой порождает целый ряд русских качеств и русских недостатков. Русская лень, беспечность, недостаток инициативы, слабо развитое чувство ответственности с этим связаны. Ширь русской земли и ширь русской души давили русскую энергию, открывая возможность движения в сторону экстенсивности. Эта ширь не требовала интенсивной энергии и интенсивной культуры. <...> Огромность русских пространств не способствовала выработке в русском человеке самодисциплины и самостоятельности...» (И. Сикорский). Коллективизм, соборность, сострадание, самобичевание были воспитаны православной религией.

Безусловно, это далеко не исчерпывающий список черт характера. Многие из перечисленных признаков вызывают неприятие. Задача лингвокультурологии – объективировать названные качества характера.

Литература

Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин.– Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996.

Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика: Курс лекций / Н. Н. Болдырев.– Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 2001.

Войшвилло, Е. К. Понятие как форма мышления / Е. К. Войшвилло.– М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1989.

Лихачёв, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Русская словесность. Антология / Под ред. В. П. Нерознака.– М.: Academia, 1997.

Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман.– СПб.: Искусство СПб, 2000.

Пелипенко, А. А. Культура как система / А. А. Пелипенко, И. Г. Яковенко. – М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1998.

Попова, З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин.– Воронеж: Истоки, 2001.

Попова, З. Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З. Д. Попова, И. А. Стернин.– Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1999.

Психологический словарь. – М.: Политиздат, 1990.

Снитко, Т. Н. Предельные понятия в западной и восточной лингвокультурах / Т. Н. Снитко.– Пятигорск: Изд-во Пятигор. гос. лингвист. ун-та, 1999.

Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования / Ю. С. Степанов.– М.: Академ. проект, 2001.

Токарев, Г. В. Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентаций концепта «Труд» в русском языке) / Г. В. Токарев.– Волгоград: Перемена, 2003.

Юнг, К. Г. Феномен духа в искусстве и науке / К. Г. Юнг // Собр. соч.: В 19 т.– М.: Ренессанс, 1992.– Т. 15.

Глава 3

ВИДЫ КАТЕГОРИЗАЦИИ ЗНАНИЙ

3.1. Понятие категоризации знания

Категоризация – сложный процесс познавательной деятельности человека, который включает в себя (а) образование категорий, обобщающих продукты концептуализации, (б) соотнесение со сформированными категориями новых знаний об устройстве мира, (в) структурирование знаний в виде фрейма, сценария и др., а также (г) классификацию языковых единиц, репрезентирующих данные ментальные величины. Под **категорией** следует понимать ментальные и языковые группы элементов, выделяемые на основании того или иного признака (признаков), общности функций. Категория не только является результатом отражения действительности, но и выражает специфику её понимания. Процессы категоризации, суть которых заключается в объективации результатов когниции, тесно связаны с механизмами кодирования. Эти механизмы являются «матрицей семантизации окружающего мира» [Алефиренко, 2001, 82], то есть категоризация отражает не только то, какими знаниями мы владеем и как их применяем, но и формы и способы сохранения знаний.

Существует несколько подходов к пониманию сущности категоризации и её объективации в языке. Рассмотрим их.

3.2. Традиционный подход к категоризации

Традиционными являются учения, восходящие к трудам Аристотеля и Платона. Сущность этого подхода заключается в том, что все единицы, входящие в ту или иную категорию, должны обладать *одинаковым набором существенных признаков*, иметь тождественный статус в процессе категоризации. Данный подход осуществляется при составлении той или иной классификации. Например, семантическая классификация лексики предполагает наличие у всех элементов, образующих категорию, общей архисемы и одной или нескольких одинаковых дифференциальных сем в зависимости от уровня классификации. Так, терминологию самоварного промысла можно разделить на восемь групп: наименования технологических процессов и операций, инструментов, дефектов, материалов, видов продукции, профессий, приспособлений, инструментов. Каждая из указанных групп выделяется на основании общности архисемы, которая обозначена в названии лексической совокупности. Тематическая группа «Инструменты» имеет три уровня классификации. Каждая подгруппа включает в свой состав термины, дефиниции которых обладают общей дифференциальной семой, соответствующей тому или иному уровню классификации:

1-й уровень. Общая дифференциальная сема 'обрабатываемый материал': *деревообрабатывающий/металлообрабатывающий инструмент*;

2-й уровень – в группе «Металлообрабатывающий инструмент». Общая дифференциальная сема 'функция инструмента': *крепёжный, чистящий, сверлильный, раскроечный, гибочный, режущий, отделочный инструмент*;

3-й уровень – в группе «Отделочный инструмент». Общая дифференциальная сема 'молоток': *выемочный, кубовой, ленточный, отливной молотки, наводильник* ('самоварный восьмигранный молоток, которым оттягивают стенки самовара'), *киянка* ('деревянный молоток').

3.3. Прототипическая категоризация

Другой подход основывается на трудах Л. фон Витгенштейна. В науке этот подход получил название теории *фамильного* (семейного) *сходства*. Сущность этой теории заключается в том, что тождественные

признаки могут встречаться не у всех членов категории, а лишь у некоторых, причём набор признаков может варьироваться. Прототипом этой категории стали признаки членов одной человеческой семьи: одни родственники имеют общие черты характера, другие – внешнего сходства и т. п. Учение Л. фон Витгенштейна дала возможность для развития теории прототипов, представленной, в частности, в трудах Э. Рош.

Результаты процесса категоризации при данном подходе можно распределить по трём уровням: **суперординатному** (наиболее высокому, абстрактному, указывающему на родовые понятия), **базисному** и **субординатному** (включающему в себя единицы, детально характеризующие отдельные стороны какого-либо явления или именующие неактуальные объекты действительности). Наибольший интерес представляют те единицы, которые являются составляющими базисного уровня, ибо они представляют собой «скелет» культурно значимой концептуальной структуры данной категории. Единицы, входящие в базисный уровень, называют прототипами. **Прототип** – привилегированный член, лучший образец той или иной категории, в наиболее полной форме отвечающий сути явления, проявляющий наилучшим образом свойства, характерные и для других её членов. Вокруг него группируются все остальные представители категории. Статус прототипа всегда культурно значим, поскольку прототипы отражают стереотипы, функционирующие в той или иной лингвокультурной общности. Так, в англосаксонской культуре прототипом птицы является малиновка, а в русской – ворона.

Если при логическом подходе к процессу категоризации значения, формирующие ту или иную категорию или субкатеорию, имеют однотипную структуру, интегральные для той или иной категории семы обладают тождественным статусом в структуре значения, то при прототипическом – одинаковые по содержанию семы, как мы видели выше, могут иметь разный статус: быть архисемой, входить в дифференциальную, потенциальную или коннотативную часть семемы.

Полное лингвокультурологическое описание концепта невозможно без совмещения принципов одной и другой теории: «...мы нуждаемся в синтезе двух традиций, а не в предпочтении одной в ущерб другой. В семантическом анализе есть, конечно, место для прототипов, но есть место и для вариантов – одно не исключает другого» [Вежицкая, 1997, 201]. Если классическая теория наилучшим образом отражает процессы научной категоризации, то прототипическая – наивной.

Для лингвокультурологического исследования большой интерес представляет базисный уровень категоризации, в котором «сконцентрированы максимально релевантные для обыденного сознания свойства»

[Кубрякова, 1996, 14]. Единицы этого уровня частотны, структурно просты, высокоинформативны.

Культурная специфика категоризации проявляется и в связи частей в составе категории (как мы сможем увидеть далее, это касается как концептуальных категорий, например сценариев, так и языковых, например коррелятов синонимических или антонимических оппозиций). Так, смысл 'делай дело своевременно' структурируется в русской и англосаксонской культурах в виде сценариев, вербализованных внутренними формами языковых единиц. Ср.: *make hay while the sun* (буквально 'готовь сено, пока солнце сияет' – акцент делается на том, что работу нужно осуществить до вечера) / *коси, коса, пока роса* (указанный вид деятельности должен быть осуществлён утром).

Если в русском языке синонимы слова *труженик* указывают на отношение к работе (*работяга, трудяга, трудоголик*), на связь с концептом «Любовь» (*трудолюб*), то в немецком языке синонимический ряд *rastlos Arbeitende* ('работающий без передышки'); *der Werktätige* ('работающий на заводе') [СНС] отражает иные сценарии в понимании человека труда: он осмысливается через место осуществления трудовой деятельности либо через соотнесение с концептом «Отдых». Связь компонентов в составе категории определяется сферой опыта, который в каждой культуре разный.

Если подходить к категоризации с позиций номинализма, её объектом становятся только слова. При этом единицы концептуального уровня остаются вне описания. При реалистическом подходе категоризация отражает естественное положение вещей в природе. В этом случае без внимания остаются концептуальные особенности той или иной картины мира и специфические способы её вербализации. Наиболее точно подходит к процессам категоризации концептуализм, учитывающий не только вербальный уровень, но и промежуточный между словами и референтами – концептуальный.

Концептуализация – процесс, протекающий на ментальном уровне, категоризация касается уровня как концептуального, так и языкового. Рассмотрим культурные аспекты категоризации на концептуальном и языковом уровнях.

3.4. Типы ментальной упаковки знаний

Исследование механизмов вербализации культурного знания требует изучения отношений концепта с более простыми, структурирующими его смыслами: научными и обыденными понятиями, представлениями,

культурными установками, идеологемами, стереотипами, а также выяснения специфики их презентации в русском языке.

Рассмотренные мыслительные сущности могут иметь тот или иной тип «ментальной упаковки». Входящие в концепт смыслы структурируются в виде гештальта, фрейма, сценария.

Тот или иной смысл может быть «упакован» в виде **концептуального гештальта**, под которым, вслед за Д. Лакоффом, понимается целостный образ, совмещающий в себе чувственное и рациональное [Лакофф, 1990]. Определение того или иного гештальта связано с выявлением базового образа (матрицы), который является общим для ряда внутренних форм языковых единиц, репрезентирующих один и тот же концепт. Например, части самовара ремесленник называл *щёчки, бородка, носик, ножки, ручки* – все эти названия соотносятся с базовым образом «человек».

Данный тип «упаковки» обычно актуален на начальных этапах познания, поскольку является прежде всего результатом пассивного, эмоционально-чувственного восприятия явления.

Под **фреймом** М. Минский, Т. А. Ван Дейк, Ч. Филлмор и некоторые другие ученые учили понимать социально обусловленную структуру знаний, представляющую тот или иной концепт (или его составляющую). Фрейм организует понимание и категоризует опыт, описывает то, что в данном обществе является типичным. Например, пословицей *либо трынка-волынка, либо прялка-моталка* объективировано два фрейма: «трынка-волынка», в который включаются представления о досуге, гулянии, праздном времяпрепровождении, и «прялка-моталка», вербализующем знания о работе. Паремия *дом не велик, да лежать не велит* репрезентирует фрейм «дом», включающий в свой объём знания о ведении домашнего хозяйства.

Фреймы состоят из слотов. **Слот** (пустой узел) – это элемент фрейма, имеющий строго очерченный объём, но не обладающий содержанием. Это свойство слота позволяет идентичные виды знания включать в один фрейм. Иными словами, тот или иной слот в зависимости от ситуации заполняется переменными (конкретными данными той или иной ситуации). Например, фрейм «дом: домашнее хозяйство» можно представить в виде следующей структуры слотов: «ремонтные работы», «уборка», «стирка», «приготовление пищи», «уход за детьми», «содержание домашних животных» и пр. Понятно, что не все слоты данного фрейма могут быть заполнены. Например, в рассказе Ф. А. Абрамова «Деревянные кони» репрезентируется данный фрейм, при этом указывается незаполненность слота «уход за детьми»: *«Максим... довольно равнодушный к своему хозяйству, как большинство бездетных мужчин, в последний*

выходной не разгибал спины: перебрал каменку в бане, поправил изгородь вокруг дома, разделал на чурки с весны лежавшие под окошками еловые кряжи...»

В зависимости от объёма содержания структурируемого знания можно выделить гиперфреймы и гипофреймы (субфреймы). Так, к гиперфреймам можно отнести фрейм «Труд» (структура данного фрейма дана ниже), к субфреймам – рассмотренные выше фреймы «дом», «прялка-моталка» и т. п.

Если фрейм или его слот репрезентируется словом, фразеологической единицей, паремией, его квалифицируют как **лингвистически релевантный**: *пахота, сенокос, тягловые повинности, мирская запашка, крутить баранку* (фрейм «труд водителя машины»), *бабе красна – мужику соха* (фреймы «прядение», «пахота»). Если репрезентация возможна только в форме текста, фрейм квалифицируется как **лингвистически нерелевантный**. Например, фрейм «выкладывание печей» является лингвистически нерелевантным, так как он не имеет однословных или устойчивых многословных репрезентаций и выражается только текстом. Так, частично он объективируется в рассказе А. Т. Твардовского «Печники». Лингвистическая релевантность vs. нерелевантность слота/фрейма говорит о степени его актуальности для сознания говорящих, поскольку наличие в языке той или иной языковой единицы свидетельствует о постоянной потребности у членов лингвокультурной общности или социума репрезентировать те или иные смыслы.

Тесно связаны с фреймом сцены, сценарии и скрипты. Все перечисленные виды концептуальной «упаковки» обусловлены понятием ситуации. **Ситуация** предполагает систему внешних по отношению к субъекту условий. Те или иные ситуации отражаются в нашем сознании в виде образов (пропозиций, картин), где можно рассмотреть участников ситуации, их функции, обстоятельства, в которых разворачивается ситуация. Совокупность выделенных компонентов образует **сцену**. Сцены, следуя одна за другой, развиваются по определённому **сценарию**. Стереотипный, типичный сценарий называют **скриптом**. В качестве примера языковой репрезентации скрипта можно привести пословицы: *на Семён день до обеда паши, а после обеда пахаря и вальком погоняй; сей рассаду до Егорья, будет щей вдоволь*. Так, первая паремия объективирует сценарий Семёнова дня (1 сентября), дня, который по старому стилю был началом нового года. В этот день завершались работы в поле: заканчивался сбор урожая, озимый посев. С этого дня обычно начинали в избе зажигать огонь. По Семёнову дню предсказывали осеннюю погоду. Он открывал период женских работ («бабьего лета»): засолку огурцов, раскладывание

льна и подобное. Всё это заставляло русского крестьянина придавать этому дню особое значение, считать его точкой отсчёта нового периода жизни. Указанная совокупность информации формировала фоновые знания главного участника этого сценария – русского мужика-хозяина. Первого сентября, на Семёнов день, ему нужно было до обеда закончить полевые работы (первая группа следующих друг за другом сцен, эксплицируемых в пословице) и отпустить наёмных работников (вторая группа сцен). Регулярность данного сценария придала ему стереотипный характер, то есть перевела в ранг скриптов.

Скрипты и сценарии отражают национальную специфику концептуализации тех или иных категорий. Во-первых, набор и порядок следования сцен в разных культурах не всегда совпадает. Например, репрезентация смысла «прилагать излишнее старание к простому делу» в русском языке вербализуется внутренней формой, указывающей на сценарий «открывать ларец», а в английском – «есть вишню»: *a larчик просто открывался / to make two bites of a cherry* (буквально: ‘съесть вишню, раскусив её на две половинки’). Во-вторых, воспроизводимость того или иного сценария говорит о соответствии его стереотипам, культурным установкам, сложившимся в обществе ценностям. Ввиду того что скрипт отражает стереотипные ситуации, он может быть соотнесён с базисным уровнем категоризации.

Моделирование концепта весьма относительно, поскольку даже при самом тщательном конструировании что-то остаётся неучтённым. В то же время эта процедура необходима для решения задачи описания концепта. Приведём пример. Так, концепт «Труд» может быть представлен в виде фрейма. Назовём слоты этого фрейма:

- планирование деятельности, целеполагание;
- желание vs. нежелание работать;
- причины деятельности;
- способность к труду;
- объём работы;
- экономическая ценность работы;
- сложность работы;
- процесс, его фазы: начальная, срединная, конечная;
- виды трудовой деятельности;
- исполнитель деятельности (возрастная, гендерная, специальная, морально-этическая, национальная, физическая, социальная характеристики);
- морально-этическая оценка трудовой деятельности;
- социальная характеристика трудовой деятельности;
- время протекания процесса;
- место протекания процесса;
- способ осуществления деятельности;

- качество осуществляемой деятельности;
- мера (интенсивность) осуществляемой деятельности;
- средства осуществления деятельности (ручные vs. неручные, механические vs. немеханические, специальные vs. неспециальные, основные vs. дополнительные);
- материал, из которого что-либо производится (хороший vs. плохой, естественный vs. искусственный, дорогой vs. дешёвый);
- изделие (его качество, объём, форма, ценность);
- вознаграждение (материальное vs. моральное);
- функции трудовой деятельности;
- результаты труда.

Сценарная структура данного концепта выглядит следующим образом:

- подготовка к работе (замысел, планирование, подготовка рабочего места, материалов, инструмента);
- начальная фаза работы;
- внесение коррективов в планы;
- срединная фаза работы;
- отдых во время работы;
- конечная фаза;
- завершение работы;
- отдых после работы;
- оценка качества и результатов трудовой деятельности;
- получение вознаграждения.

Как видим, концепт «Труд» имеет достаточно сложную модель, что свидетельствует о его значимости для русской лингвокультурной общности. «Чем важнее в культурном отношении предмет, тем больше у него “параметров”, тем больше он “параметризован”» [Степанов, 2001, 697].

Лингвокультурологический подход к концепту отличается от взглядов когнитологов, рассматривающих фреймы, сцены, гештальты и прочее как способ структурирования содержания всего концепта и выделяющих на этом основании концепты-фреймы, концепты-гештальты, концепты-сценарии и др. (см. работы А. П. Бабушкина, Н. Н. Болдырева, З. Д. Поповой, И. А. Стернина и др.). Многомерность лингвокультурологического концепта, структурируемого более простыми смыслами – научными и обыденными понятиями, представлениями, культурными установками, идеологемами, стереотипами, позволяет установить, что каждый из этих смыслов избирает ту или иную форму репрезентации.

Таким образом, процессы категоризации на концептуальном уровне включают в себя оформление экстенционалов ментальных сущностей, связаны со структурированием их интенционалов и обусловлены много-

образом человеческих практик, а значит, имеют культурно маркированный характер. В ходе рассмотрения величин, структурирующих концепт, указывалась их культурная релевантность: представления, культурные установки, идеологемы, стереотипы, наивные понятия имеют обычно культурно маркированное содержание, научные понятия – универсальны. Культурная специфика ментальных сущностей может выражаться и в особенностях концептуальной категоризации. Это означает, что концепт может включать в свой интенционал как культурно релевантные, так и нерелевантные смыслы.

Литература

Алефиренко, Н. Ф. Этноязыковое кодирование смысла и культура / Н. Ф. Алефиренко // Филология и культура: Материалы 3-й междунар. конф. Ч. 2. / Отв. ред. Н. Н. Болдырев.– Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 2001.

Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая.– М.: Рус. словари, 1997.

Дейк, Ван Т. А. Контекст и познание: Фреймы знаний и понимание речевых актов / Т. А. Ван Дейк // Язык. Познание. Коммуникация.– М.: Изд-во Благовещен. гуманитарного колледжа, 1989.

Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова и др.– М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1996.

Лакофф, Д. Метафоры, которыми мы живём / Д. Лакофф, М. Джонсон // Теория метафоры / Под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Жирмунской.– М.: Прогресс, 1990.

Манерко, Л. А. Категоризация в языке науки и техники / Л. А. Манерко // Когнитивные аспекты языковой категоризации: Сб. науч. тр.– Рязань: Изд-во Рязан. гос. пед. ун-та, 2000.

Манерко, Л. А. Новая методика исследования категоризации в лингвистике / Л. А. Манерко // Вестн. МГУ. Сер. 9: Филология.– 2000.– № 2.

Минский, М. Фреймы для представления знаний / М. Минский.– М.: Энергия, 1979.

Попова, З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин.– Воронеж: Истоки, 2001.

Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования / Ю. С. Степанов.– М.: Академ. проект, 2001.

Глава 4

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО ЗНАНИЯ

Язык есть достояние, наиболее существенным образом принадлежащее народу, самое живое выражение его характера, самая энергичная связь его с общей культурой.

И. Блунчли

4.1. Структурно-семантическая категоризация

Процессы категоризации протекают не только в концептуальной сфере, но и в области номинации. Последний вид категоризации называют структурно-семантическим. Результатами структурно-семантической категоризации являются различные по структуре воспроизводимые единицы: слова, фразеологизмы, паремии, афоризмы. Характер информации определяет специфику структурно-семантической категоризации. Каждый культурный страт (тип культуры) имеет свои преимущественные формы вербальной репрезентации. Так, концептуальная система народной культуры отражается преимущественно пословицами и фразеологизмами, элитарная – афоризмами и т. п. А. В. Кравченко по этому поводу отмечает: «...разные типы знаков, будучи членами единой репрезентативной системы, с необходимостью отражают определённые аспекты концептуальной картины мира, или знание о мире» [1999, б].

Способы номинации могут указывать на степень развития языкового сознания. Так, на ранних этапах развития производства наиболее активны способы не прямой косвенной номинации (в частности, метафоризации) и внутреннего заимствования, которые отражают работу наивного сознания, на более поздних – составной терминологизации, являющейся следствием классификационности научного сознания. Ср.: *ямочки, конюшки* (объективируют представления ремесленника о деталях гармонике) / *слуховая настройка сточенных язычков* (вербализует уровни классификации: *настройка сточенных язычков слуховая vs. машинная*).

Широкое использование прямой нерасчленённой номинации определяется когнитивной универсальностью данного способа. С одной

стороны, данный способ объективирует неактуальные для лингвокультурной общности смыслы, с другой – наиболее актуальные, отражающие этапы классификации. Ср.: *станок для ввинчивания опок; трудовое соглашение / молот рубильный, битильный, сварильный, разымальный, выправляльный.*

Специфика вербализации тех или иных смыслов, структурирующих концепт, имеет когнитивную основу. С. Шаумян отмечает: «...средства выражения и то, что они выражают, взаимосвязаны и дополняют друг друга. Никакое значение не существует отдельно от структуры знака» [2001, 160].

Таким образом, результатом процессов репрезентации и категоризации являются языковые картины мира, отражающие системы ценностей, действующие культурные коды. Если процессы языковой репрезентации связаны с выражением смысла, внедрением его в «тело» того или иного знака, то процессы категоризации – с его «размещением», «языковой пропиской» (сравнение В. Н. Телия), включением в языковую систему. Культурные аспекты репрезентации проявляются в том, как воплотился в знак (обозначен) тот или иной смысл. Культурная маркированность языковой категоризации отражается в том, как он интерпретирован в языке. Эти процессы находят своё воплощение в значении и значимости языковой единицы – способах хранения культурной информации в русском языке.

4.2. Понятие культурного кода

Выше мы говорили о размытости объёма (экстенционала) концепта культуры. Размытость экстенциональной характеристики проявляется в отсутствии чётких границ его содержания и отчасти находит своё выражение в том, что концепт относится к тому типу ментальных единиц, который имеет множество репрезентаций в разных языках культуры (живописи, музыке, танце, естественном языке и др.). Так, для репрезентации концепта «Труд» используются различные средства естественного языка – слова, фразеологизмы, пословицы: *страда; золотые руки; кто с агротехникой дружит – об урожае не тужит* и др., язык живописи (картины А. Г. Венецианова «На пашне. Весна», «На жатве. Лето»; А. Е. Архипова «Прачки»; и др.), кино (кинофильмы «Свинарка и пастух», «Высота», «Крестьяне» и др.).

Культура с точки зрения своих репрезентаций аспектуализируется, то есть членится на ряды. Эти ряды выделяются на основе семиотического подхода, сущность которого состоит в том, что культура (концепты культуры) могут репрезентироваться разными семиотическими средства-

ми. Творения разных языков культуры – живописи, музыки, кино и, главное, естественного языка – могут группироваться по признаку общего ментального содержания в семиотические ряды.

Общее содержание, лежащее в основе семиотического ряда, организуется культурным кодом. **Культурный код** в семиотике культуры определяется как «система означивания, то есть сформированная стереотипами лингвокультурного сознания совокупность знаков и механизмов» [Алефиренко, 2002, 61–62]. Эти механизмы используются в двух процессах: 1) при образовании смыслов; 2) при их репрезентации (выражении). Таким образом, культурный код – это своего рода матрица, определяющая способ мышления и обозначения. Код культуры направляет, определяет содержание и формы репрезентаций. Его можно представить как сетку, которую культура «набрасывает» на окружающий мир.

М. Л. Ковшова указывает, что культурный код «означает соответствие между планом выражения и планом содержания знака; кодом задаётся значимость знака, а интерпретатор эту значимость определяет, “расшифровывает”, то есть понимает знак. Код, по метонимии, обозначает класс знаков и правила их “прочтения” интерпретатором, которые, в свою очередь, обусловлены той или иной культурой, в которой они будут прочтены, тем или иным культурным хронотопом, культурной компетенцией интерпретатора и т. п. Код вырабатывается и осуществляет свою функцию в культуре» [2007, 30].

Коды культуры соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека. Так, в культуре известны биоморфный, фетишный, анимический, акциональный и другие виды культурных кодов, которые восходят к ранним формам религии. Культурный код можно определить по базовому образу в результате обобщения внутренних форм однотипных косвенных номинаций. Так, базовым образом антропоморфного культурного кода будет «человек», фетишного – «предмет», биоморфного – «растение»/«животное», анимического – «природная стихия», акционального – «действие», и т. д. Надо отметить, что акциональный код нередко отражает ритуальные действия, то есть те, что совершаются по строго установленному порядку, традиционным способом и в определённое время. Например, на концептуальном уровне биоморфный код находит своё отражение в базовом образе домашнего или дикого животного, насекомого. Это выражается номинациями типа: *тянуть воз; укатили сивку крутые горки; мал муравей, да горы ворокает*; в литературных образах басни И. А. Крылова «Стрекоза и муравей», повести Л. Н. Толстого «Холстомер», сказке М. Е. Салтыкова-Щедрина «Коняга» и др. А внутренняя форма устойчивой единицы *перемывать косточки* соотносится с акциональным кодом и указывает на ритуальное действие

вторичного захоронения для снятия заклятия с умершего нераскаявшегося грешника, чья вина распространяется на живых родственников. Чтобы снять заклятие, косточки мыли и снова перезахоранивали.

Количество культурных кодов невелико и разнообразие культур обусловлено комбинацией, трансформацией известных культурных кодов. В. В. Красных отмечает, что набор кодов культуры для человечества универсален. «Однако их проявления, удельный вес каждого из них в определённой культуре, а также метафоры, в которых они реализуются, всегда национально детерминированы и обуславливаются конкретной культурой» [Красных, 2002, 232]. Так, знания о вместилище человеческой души в языках одинаково выражаются антропоморфным кодом. Однако в индоевропейских языках избирается образ сердца, в африканских – селезёнки.

4.3. Семиотические ряды

В зависимости от принципа (синхронического или диахронического), положенного в основу выделения семиотических рядов, среди них можно увидеть три типа:

- 1) ряды, которые выделяются на одном временном срезе, – парадигмы, стили эпохи;
- 2) ряды, которые отражают эволюцию концепта от эпохи к эпохе, – эволюционные ряды;
- 3) ряды, которые выделяются по принципу панхронии, то есть без учёта хронологического фактора, – ментальные изоглоссы.

Рассмотрим семиотические ряды разных типов.

Культурные парадигмы выделяются на одном временном срезе. В качестве примера можно привести русский амфир, он был распространён в период с 1800 по 1840-е годы. Можно говорить о стилях мышления, которые находят своё отражение в научных принципах и методах. Например, для середины и начала XX в. был характерен структурализм, для конца XX в. и начала XXI в. – антропоцентризм. Эпохи организуются в первую очередь идеологемами, благодаря которым и становится возможным отделить одну эпоху от другой. Например, идеологемами амфира являются следующие: образец государственности – Римская империя; сильное государство определяется военной мощью. Всё это нашло отражение в использовании элементов римского искусства, военной эмблематики и т. д. Иллюстрацией может послужить бюст Петра I, выполненный Б. К. Растрелли, портрет Петра III, созданный А. П. Антроповым, и др.

Эволюционные ряды реконструируются на диахроническом срезе. Они показывают становление и развитие концепта, эволюцию сознания, динамику культурных установок, идеологием, стереотипов. Указанная динамика представляет собой эволюционный семиотический процесс.

Эволюционный семиотический ряд можно показать на примере эволюции изображения человеческого лица. Ряд «икона → парсуна → портрет» демонстрирует переход от плоского, безжизненного изображения к объёмному, эмоциональному.

Своеобразный эволюционный семиотический ряд представляет динамика семантической структуры многозначного слова. Так, если раньше слово *работа* указывало на то, что трудовая деятельность связана с рабством, то современные значения показывают, что работа понимается как одна из целенаправленных человеческих практик, служащих созданию материальных и духовных ценностей.

Тот или иной культурный код проявляется и в **ментальных изоглоссах**: те или иные тождественные смыслы находят своё выражение в разные промежутки времени и в разных культурах. Причём эти процессы носят непредсказуемый характер. Примером могут быть картины Ф. Гойи «Колосс» (начало XVIII в., Испания) и рисунок Б. Кустодиева «Москва. Вступление» (начало XX в., Россия), пьеса Д. Кейджа «4.33» (пианист 4 минуты 33 секунды сидит за роялем и ничего не играет) и картина «Чёрный квадрат» К. Малевича.

В разное время и в разных культурах становятся социально значимыми мысли философов, писателей, общественных деятелей. Здесь мы имеем в виду мудрые мысли, ставшие в нашей культуре афоризмами. Творцами этих изречений являются люди, жившие в разные эпохи, имевшие разные взгляды. Однако между ними существует связь, проявляющаяся в том, что они понимали что-либо одинаково. Ср.: «Труд – отец удовольствия» (Стендаль, XIX в.); «Сознание плодотворности труда есть одно из самых лучших удовольствий» (французский писатель-моралист Л. де Клапье Вовенарг, XVIII в.); «Без труда нет наслаждения» (немецкий мыслитель А. Бебель, конец XIX – начало XX в.).

Таким образом, культура существует по определённым законам, которые вскрываются через анализ знаковых систем.

4.4. Понятие лингвокультураны

Лингвистическую разновидность семиотического ряда будем называть **лингвосемиотическим рядом**: как вол; как лошадь; кляча; коняга; в одной упряжке; тянуть лямку; похвала клячу, да в соху; вола зовут

не пиво пить, а хотят на нём воду возить и др. Разновидностью эволюционных лингвосемиотических рядов можно считать, например, историческую динамику семем, составляющих семантическую структуру многозначного слова. Лингвосемиотические ряды в синхронном аспекте (парадигмы эпохи) могут быть представлены, например, синонимическим рядом.

Члены одного лингвосемиотического ряда являются представителями абстрактной единицы – лингвокультуремы.

Лингвокультурема отражает результаты взаимодействия двух семиотических систем – языка и культуры, а значит, неоднородна по своей сущности. Этот факт определяет сложность семиотической природы этой единицы.

Рассмотрим знаковую природу лингвокультуремы. Означающее лингвокультуремы включает в себя элементы культурной и языковой систем, то есть может быть представлено в виде бинарной структуры, частями которой является культурное и языковое означаемое.

Сущность культурного означаемого составляют культурные установки, идеологемы, стереотипы и др. Культурное означаемое лингвокультуремы, представленной приведённым лингвосемиотическим рядом, определяют установка *не выполняй непосильную работу* и стереотип *русский человек очень много трудится*.

Языковым означаемым являются продукты интерпретации тех или иных блоков значений языковых единиц культурными установками, идеологемами, стереотипами. Языковое означаемое описываемой лингвокультуремы представляют следующие компоненты:

- базовый языковой образ, репрезентирующий гештальт «домашнее тягловое животное», который соотносится с указанным стереотипом: обычный русский человек работает столько, как если бы был домашним тягловым животным;
- интенсификация значения, являющаяся результатом культурной интерпретации образа: если человек выполняет ту же работу, что и животное, он очень много работает;
- отрицательная оценка, отражающая итоги соотнесения культурной интерпретации внутренней формы с установкой *не выполняй непосильную работу*;
- эмотивность неодобрения, которая является результатом культурной интерпретации образа и оценки и выражается в типовой эмоциональной реакции на данные знаки: когда используют приведённые языковые единицы, испытай эмоцию неодобрения.

Таким образом, культурное и языковое означаемые взаимосвязаны. Эта взаимосвязь эксплицирует взаимодействие системы языка и культуры.

Лингвосемиотический ряд, представляющий ту или иную лингвокультуру, может соотноситься с одним или несколькими культурными кодами. Это означает, что лингвокультура отражает тот или иной код культуры. В данном случае лингвокультура соотносится с биоморфным культурным кодом.

В одну лингвокультуру могут входить языковые единицы, коррелирующие с разными кодами культуры. Так, паремии: *бобы не грибы, не посеяв, не взойдут / масло само не родится* – имеют тождественное денотативно-сигнификативное содержание ‘чтобы получить результат, нужно потрудиться’, но восходят к разным кодам культуры – биоморфному и антропоморфному соответственно. Ср. также: *заржаветь у дела* (фетишный код) / *завалиться за делом* (акциональный код); *короче насечь, легче везть* (акциональный код) / *каково руки родят, таково плеча носят* (антропоморфный код) и др.

Означающее лингвокультуры представлено системой возможных для репрезентации данного смысла языковых единиц, отношений между ними. Языковое означаемое рассматриваемой лингвокультуры репрезентировано словами, фразеологическими единицами, паремиями.

Таким образом, знаковая специфика лингвокультуры проявляется в том, что имеет инвариантное означаемое и вариативное означающее.

Лингвокультура соединяет и культурную, и языковую семиотические системы. Это находит своё отражение в том, что, с одной стороны, культурная информация воплощается в одном из блоков значения, с другой – культурно значимые языковые единицы репрезентируют, предопределяют, охраняют культурно значимые способы поведения. На это свойство культурно маркированных единиц обратил внимание ещё В. фон Гумбольдт: «Обратное действие языка тем определённое, что через него всё созданное народами в прошлом воздействует на индивида. Влияние характера языка на субъективный мир неоспоримо» [1984, 105].

Помимо категоризирующей, также важнейшими функциями лингвокультуры являются: связующая (осуществление связи языка и культуры); кумулятивная (хранение культурной информации в языке); моделирующе-гносеологическая (отражение и определение сценариев поведения человека в культурном пространстве).

4.5. Понятия символярия, текста и тезауруса культуры

Символярий культуры – это совокупность знаков различных семиотических систем, обладающих культурной семантикой. Так, совокупность репрезентаций концепта «Любовь» образует его культурный символярий.

Единицы культурного символярия появляются и функционируют в том или ином **культурном тексте** – знаковом пространстве, неоднородном или однородном по своей семиотической природе. Для понятия культурного текста безразличен факт лингвистической выраженности. В. Н. Телия отмечает: «Текст культуры – любого вида знаковое пространство, во временных рамках которого имеет... место культурномаркированная деятельность...» [1999, 20]. Культурный текст является полем презентации концепта культуры. Для культурного текста безразличен факт лингвистической выраженности. Так, картина Тициана «Любовь божественная и любовь земная», трактат Стендаля «О любви», скульптуры Афродиты, иконы Богоматери и подобное представляют собой культурные тексты, репрезентируемые одним из языков культуры – языком скульптуры, живописи, естественным языком. Более сложную природу имеют такие культурные тексты, как кино, драматическая постановка, опера, обряд и пр. Для их презентации используются два и более языков культуры. Например, обряд шествия с плугом (авсень) репрезентируется системой артефактов (искусственно созданных предметов), магических действий, пением заклинательных песен. Перед Святками имитировали процесс пахания земли, при этом заклинали плуг, пели засевальные песни («*На счастье, на здоровье, на новое лето, роди, Боже, жито пшеницу и лукавую пашницу*»), поскольку русский крестьянин верил не столько в силу орудия, сколько в силу заклинания, которое могло заставить орудие делать то, что надо. Для выдуманного посева собирали зёрна со всех дворов. Считалось, что такая «подготовка» к посеву обеспечит хороший урожай.

Культура часто отождествляется с текстом. Для этого есть определённые основания. Культура, как и текст, представляет собой комплекс информации. Культура, как и текст, характеризуются структурой. (Структура культуры проявляется в её внутреннем единстве, иерархии ценностей, противопоставленности одной культуры другой.) Отношения культуры с другими культурами часто сопоставляются с отношениями интертекстуальности, то есть связи одного текста с другими текстами. Отношения культуры – некультура аналогичны оппозиции текст – внетекстовая деятельность. При этом упускается из виду одно из важных обстоятельств: культура, в отличие от текста, не имеет ясно обозначенных границ. При многообразии сходств правильнее было бы говорить о привативных (отношение части и целого) связях культуры и текста. Текст всегда составляющая культуры. Это выражается в том, что текст нуждается во внешнем факторе: в авторе, читателе, другом тексте. Иначе текст исключается из культуры и перестаёт существовать.

Текст культуры играет ту или иную социальную роль, которая выражается в способности обслуживать определённые потребности создающего текст коллектива.

Текст целостен и идиоматичен. Эти его признаки особенно ярко подчёркивает явление текста в тексте, то есть явление, когда «обломок» текста, вырванный из своих естественных смысловых связей, механически вносится в другое смысловое пространство. Здесь он может играть роль смыслового катализатора, менять характер основного смысла, остаться незамеченным. Текст в тексте отражает переключение из одной семиотической системы в другую, создаёт мощный импульс для генерирования смысла. Изменение способа кодирования повышает условность текста, подчёркивает его границы. Примером текста в тексте может быть пьедестал скульптуры, рамка картины, цитаты и эпитафии. Другие тексты могут вводиться в текст фрагментарно. В этом случае предполагается, что адресат развернёт эти зёрна в тексты. Такие включения могут читаться и как однородные с окружающим их текстом, и как разнородные с ним. Примером текста в тексте является памятник Николаю I, выполненный по проекту А. А. Монферрана скульптуром П. И. Клодтом и установленный на площади перед Исаакиевским собором. Кроме скульптуры царя и коня, отдельные тексты представляют собой скульптуры, рельефы и барельефы пьедестала. Скульптуры четырёх женщин олицетворяют Правосудие, Силу, Веру и Мудрость, то, чего, пожалуй, не хватало царю. Рельефы изображают русское, славянское и кавказское оружие, напоминая о военных победах России и намекая на её слабость во время правления Николая I. Барельефы – подавление восстания в 1825 г.; подавление холерного бунта в июне 1831 г.; награждение М. М. Сперанского, проходившее в Грановитой палате в 1832 г., за издание полного свода законов; поездка по только что открытой Московской железной дороге (1851 г.) – повествуют о незначительных делах царя за 30 лет царствования.

В каких отношениях находятся симболарий культуры и текст культуры? Понятия *симболарий культуры* и *текст культуры* являются смежными. И культурный симболарий, и культурный текст представляют собой совокупность культурно маркированных знаков. Однако **симболарий культуры** включает в себя парадигматический аспект этой совокупности (перечни культурно маркированных знаков), а текст культуры – синтагматический, функциональный.

Систематизация отношений между смыслами, репрезентированными единицами культурного текста, приводит к получению **тезауруса культуры**. Тезаурус культуры – это упорядоченное представление содержания текста. Тезаурус культуры по отношению к текстам культуры является неким инвариантом, конструктом, представляющим собой абстрактную модель действительности. В этом смысле понятие тезауруса культуры совпадает с понятием *концептуальной картины мира*. Можно сказать, что тезаурус культуры – это структурированная картина мира.

Тезаурус культуры включает в себя не только объективную модель мира, но и ту или иную аксиологическую иерархию. Так, представление тезауруса концепта «Жизнь» связано:

- 1) с собиранием единиц разных языков, текстов, которые его репрезентируют;
 - 2) с определением их смысловых аспектов;
 - 3) со систематизацией этих смысловых отношений как тождественных, привативных, эквивалентных, актуальных, неактуальных и др.
- Взаимосвязь рассмотренных понятий отразим на рисунке 2.



Рис. 2. Семиотический и ментальный аспект культуры

Культурные тексты и образуемые ими тезаурусы определяют как *вторичные моделирующие знаковые системы*. Так, например, литературную модель романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина», художественный мир этого романа семиологии определяют как вторичную моделирующую знаковую систему. Вторичными эти системы называются потому, что материалом для них служит естественный язык или средства другого языка, которым они пользуются. Эти системы являются искусственно созданными. Они отличаются от системы естественного языка и строятся по его образу и подобию.

Литература

Алефиренко, Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н. Ф. Алефиренко.– М.: Academia, 2002.

Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт.– М.: Прогресс, 1984.

Кравченко, А. В. Классификация знаков и проблема взаимосвязи языка и знания / А. В. Кравченко // *Вопр. языкознания.*– 1999.– № 6.

Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / В. В. Красных.– М.: Гнозис, 2002.

Ковшова, М. Л. Культурный код как элемент культурной интерпретации фразеологизмов в лингвокультурологической парадигме исследования / М. Л. Ковшова.– Тула: Петровская Гора, 2007.

Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования / Ю. С. Степанов.– М.: Академ. проект, 2001.

Телия, В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В. Н. Телия // *Фразеология в контексте культуры.*– М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1999.

Шаумян, С. О. понятия языкового знака / С. О. Шаумян // *Язык и культура. Факты и ценности: К 70-летию Ю. С. Степанова* / Под ред. Е. С. Кубряковой.– М.: Шк. «Яз. славянской культуры», 2001.

Глава 5

ПОНЯТИЕ

КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Я знаю, что это такое, до тех пор, пока
меня не спросят, что это такое.

Блаженный Августин

5.1. Культурно-языковая компетенция в ряду смежных компетенций

Развитие философии, психологии, лингвистики показало, что список способностей, связанных с овладением языком, не может не включать культурно-языковой (лингвокультурной) компетенции.

Существование лингвокультурной компетенции доказывается тем, что человек может знать язык, но не владеть связанным с ним культурным кодом, не уметь интерпретировать факты языка в категориях культуры. Особенно отчётливо этот факт проявляется при изучении иностранного языка.

Культурно-языковая компетенция является самостоятельной структурой, отдельной от языковой (знание лексики и грамматики языка) и коммуникативной (умение употреблять языковые единицы в устной и письменной речи) компетенций. Очевидно, что человек может использовать язык, но не владеть теми знаниями, которые делают индивида своим в той или иной лингвокультурной общности.

Наше мнение подкрепляется позицией ряда учёных. Г. Ю. Богданович отмечает, что «культурная компетенция не совпадает с языковой» [2004, 5]. «Переключение языковой компетенции в культурную основано на интерпретации языковых знаков в категориях культурного кода, владение такого рода интерпретацией и есть культурно-языковая компетенция» [Телия, 1996, 227].

В основе лингвокультурной компетенции лежит лингвокультурная интерпретанта, то есть культурно маркированное воздействие, в силу которого соответствующая вещь оказывается для интерпретатора знаком. Это означает, что объектом лингвокультурной компетенции, в отличие от языковой, коммуникативной и других смежных компетенций, являются культурно маркированные языковые факты, используемые лингвокультурной общностью.

Здесь следует вспомнить об одном важном законе семиотики: диапазоне знаковости. Данный закон постулирует, что наблюдатель видит на один уровень больше, чем тот, кто пользуется системой. Этот закон имеет важное следствие. Люди пользуются системой естественного языка. Это находит своё выражение в реализации языковой и коммуникативной компетенции, умении интерпретировать грамматические и речевые факты. Например, употребление сказуемого в форме женского рода в предложении *Врач Петрова закончила приём* иллюстрирует сформированную грамматическую компетенцию: сказуемое следует согласовывать не с приложением, а с определяемым словом. Извинения и прощание коммуниканта как ответ на фразу *Врач Петрова закончила приём* говорят о сформированной коммуникативной компетенции.

В чём же заключается лингвокультурная компетенция? В умении видеть и интерпретировать языковые факты в контексте той или иной культуры, которое можно назвать **культурной референцией**. Знание культурных коннотаций слова, умение учесть эти коннотации в акте комму-

никации указывают на сформированную языковую и коммуникативную компетенции. Умение же увидеть данное явление, объяснить причины появления коннотаций составляют суть лингвокультурной компетенции.

Лингвокультурная компетенция является производной от языковой и коммуникативной. Только человек в достаточной степени владеющий грамматикой и прагматикой языка способен правильно интерпретировать факты данного языка в категориях культуры. Лингвокультурная компетенция тесно связана с собственно языковой и коммуникативной (речевой): с одной стороны, овладение лингвистической семантикой обуславливает успешное развитие других видов мышления, является своеобразным «входом» в культурное пространство, а с другой – «вход» и функционирование в культурном пространстве возможны только в процессе контакта (усвоения и порождения) с теми или иными текстами культуры. Результатом взаимодействия этих сущностей является та часть языкового мышления, которая перерабатывает и формирует систему культурных смыслов, способов и средств их хранения в языке; способность устанавливать, осмыслять себя и другого как разделяющего ту или иную систему установок, ценностей, код культуры, правильное кодирование и декодирование культурной информации в тексте. В. И. Карасик отмечает, что «для адекватной коммуникации необходимым требованием является наличие не только микропресуппозиции, но и макропресуппозиции, то есть знакомство коммуникантов с одними и теми же элементами когнитивной базы того национально-культурного сообщества, на языке которого осуществляется общение» [2002, 7].

5.2. Сущность культурно-языковой компетенции

Содержание культурно-языковой способности составляют фоновые знания, которые формируются в результате семантического анализа ситуации деятельности и общения.

Культурно-языковую компетенцию можно представить как систему, в которую входят следующие составляющие:

- 1) знание культурных традиций (культурной специфики);
- 2) знание средств и способов воплощения культуры в язык;
- 3) знание достаточного набора культурно значимых языковых единиц, выражаемых ими оценок и вызываемых ими эмоций;
- 4) умение распознавать культурно маркированные языковые факты, соотносить языковые единицы с соответствующими артефактами и ментофактами культуры;
- 5) умение использовать культурно значимые языковые единицы;

б) умение интерпретировать вербальные тексты в категориях культуры;

7) умение составлять вербальные тексты в соответствии с современной культурной традицией.

Культурно-языковая компетенция тесно связана с законами семантики, которые для говорящих на родном языке не формулируются. Она во многом отражает подсознательное освоение целой системы отношений, состоящих в членении и понимании мира и выражаемых системными отношениями между языковыми единицами (синонимией, антонимией, тематическими группами слов и пр.).

Литература

Богданович, Г. Ю. Языковая компетенция личности в поликультурной ситуации / Г. Ю. Богданович // Гуманитарные исследования. – 2004. – № 3. – Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет». – С. 5–11.

Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002.

Телия, В. Н. Русская фразеология: семантико-прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1996.

Глава 6

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ И СИСТЕМА ЯЗЫКА. КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ФОНЕТИКИ И ГРАФИКИ

Существует более живое свидетельство о народах, чем кости, оружие, и могилы: это язык.

Я. Гримм

6.1. Лингвокультурология и система языка

Язык – гетерогенная система, то есть он представляет собой систему подсистем. Подсистема, или языковой уровень, выделяется на основе

существования функциональной единицы. Традиционно говорят о пяти уровнях языка. Соотношение функциональных единиц языка и речи и уровней языка рассмотрим в таблице 1.

Таблица 1

Уровни языка и функциональные единицы

Уровни языка	Единица языка	Единица речи
Синтаксический	Модель словосочетания, предложения	Высказывание
Морфологический	Форма слова	Словоформа
Морфемный	Морфема	Морф
Лексико-семантический	Слово	Лексико-семантический вариант
Фонетический	Фонема	Звук

Лингвокультурология соотносится с каждой из подсистем языка. Можно выделить фонетическую лингвокультурологию, графическую лингвокультурологию, лексико-фразеологическую лингвокультурологию, грамматическую лингвокультурологию, лингвокультурологическую прагматику. Или, другими словами, говорить о культурных аспектах фонетики, графики, грамматики и т. д. Однако культурные особенности каждой из перечисленных разновидностей лингвокультурологии изучены не в одинаковой мере хорошо. Наиболее подробно исследованы средства и способы кодирования культуры в лексике и фразеологии. В этом учебнике мы рассмотрим именно лексико-семантический аспект лингвокультурологии и лишь обозначим культурогенные точки в каждом уровне языка.

6.2. Культурные аспекты фонетики

Фонетическая система включает в себя небогатый культурно маркированный материал. Это связано прежде всего с особенностями основной функциональной единицы этого языкового уровня – фонемы, которая в рамках традиционного языкознания считается одноплановой единицей, то есть единицей, не имеющей значения. В русистике представлена концепция звукосимволизма, однако данное направление пока не нашло одобрения в учёном мире в виду своей эскизности. Данная причина не даёт возможности сделать звукосимволическую теорию объектом лингвокультурологии. Однако это не означает, что фонетическая система во всех языках универсальна. Пожалуй, освоение фонетической системой чужого языка, выражающееся в правильном использовании интонационных конструкций, артикулировании отдельных звуков, является наиболее

сложной задачей. Безусловно, при использовании языка как родного, человек самостоятельно овладевает всеми закономерностями фонетической системы, причём делает это стихийно, неосознанно.

Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров отмечают: «В лингвистической литературе описано явление, получившее название критерия шибболета. Суть его проста: на основании некоторых... признаков в произношении говорящего окружающие судят о нём, получая сведения о его прошлом и настоящем...» [1983, 185]. Очевидно, что указанные особенности произношения: *У нас в Рязани хрибы с глазами: их ядят, а они хлят* / *С Масквы, с пасада скалашнава ряда* / *Болого во Володимере стокан испить* / *Вяцкие ребята хвацкие* / *В Котельнице три мельнич: паровича, водянича и ветринича* – несут информацию о территориальной и социальной принадлежности человека. Фонетические особенности, просодические характеристики являются проявлением географической идентичности языковой личности.

Несомненно, культурогенны и такие орфоэпические факты, как:

В глуши, в деревне все вам скучно,
А мы... ничем мы не блесим,
Хоть вам и рады простодушно.
(А. Пушкин)

Скорее, путник одинокий,
Закройся буркою широкой.
(М. Лермонтов)

Эй, Борис,
Получи и распишись!
(С. Маршак)

Столетье за столетьем пронеслося,
Ещё никто не разрешил вопроса.
(Ф. Тютчев)

В лоне площади пологой
Пробивается трава,
Месяц острый, круторогий,
Башни – свечи божества...
(А. Блок)

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.
(А. Пушкин)

Условия формирования, изменения старшей и младшей, московской и петербургской орфоэпических норм происходило под влиянием культурно-исторических факторов, а использование той или иной нормы может стать основанием для культурного портрета языковой личности.

Мы предполагаем, что и принцип восходящей звучности (закон открытого слога) в какой-то степени обусловлен особенностями русского ландшафта: бескрайней равниной, по которой разливаются звуки русских песен. В. Ключевский отмечал: «Грудно сказать, насколько степь широкая, раздольная, как величает её песня, своим простором, которому конца-краю нет, воспитывала в древнерусском южанине чувство шири и дали, представление о просторном горизонте, окоёме, как говорили в старину; во всяком случае, не лесная Россия образовала это представление» («Курс русской истории», лекция 4).

Фонетическая система не менее (а может, даже более!) идиоматична в культурном аспекте, чем другие системы языка. Об этом свидетельствуют многочисленные каламбуры, которые на другой язык перевести невозможно.

6.3. Графическая лингвокультурология

Графика любого языка характеризуется высокой степенью культурогенности. Алфавиты отражают систему ценностей лингвокультурной общности, продуцируют многообразные культурно-специфические единицы.

Н. Ф. Алефиренко отмечает: «Первая фраза, написанная человеческой рукой по-славянски, известна всему просвещённому славянскому миру: “Искони было Слово, и Слово к Богу, и Бог был Слово”. Так зазвучала славянская азбука, так начал своё триумфальное шествие третий литературный язык средневековой Европы» [2002, 342].

Величие этой азбуки в том, что её организация, форма букв, их порядок, числовое значение и семантика имён представляют собой элементы единого славянского культурного космоса. Это нечто большее, чем простой буквенный ряд, бесстрастно составленный по подобию греческого алфавита. Это знаковая система, в основу которой положена оригинальная философия миропонимания, направленная на широкое приобщение славян-язычников к христианству, и отражение высокой лингвистической культуры, обеспечивавшее славянской азбуке уникальную поэтичность. Вместе с тем она приобщала славян к языку феодальной книжности, высококоразвитой греческой культуре, неисчерпаемой сокровищнице античной цивилизации.

Алфавит можно считать одной из самых идиоматичных языковых сущностей, поскольку носители языка давно утратили интерпретанту, позволяющую осознать культурный смысл алфавита. В художественной форме на это указала современная писательница Т. Толстая в романе «Кысь». Один из его героев говорит: «... *Человек есть перекрёсток двух бездн, равно бездонных и непостижимых: мир внешний и мир внутренний. И подобно тому, как светила, кометы, туманности и прочие небесные тела движутся по законам нам мало известным, но строго предопределённым... так и нравственные законы, при всём нашем несовершенстве, предопределены, прочерчены алмазным резцом на скрижалях совести! Огненными буквами – в книге бытия! И пусть эта книга скрыта от наших близоруких глаз, пусть таится она в долине туманов, за семью воротами, пусть перепутаны её страницы, дик и невнятен алфавит, но всё же есть она... Жизнь наша... есть поиск этой книги, бессонный путь в глухом лесу, блуждание на ощупь, нечаянное обретение».*

Названия букв кириллицы соотносятся со словами разных частей речи. Это позволяет утверждать, что азбука являлась своеобразным текстом, в котором были скрыты культурные ценности, истины, законы славянского социума. Эти представления отражены внутренней формой фразеологических единиц *азбучная истина, держаться буквы закона*. Названия букв соотносятся с существительными, глаголами, наречиями и другими частями речи: *веди, глаголи, есть, живете, мыслите, рьци; азъ, нашъ, онъ; зело, како, твёрдо; и, иже, отъ*. Названия букв можно объединить в отдельные словосочетания: *слово твёрдо, нашъ онъ покои*, грамматические основы: *люди мыслите, живете земля, добро есть*.

В то же время славянская азбука была своеобразной моделью славянских языков.

Очертания букв построены на трёх геометрических фигурах: кресте, треугольнике, круге. Крест символизирует Христа, его распятие, круг – единство, бесконечность, совершенство, треугольник – всевидящее око Бога. Первая буква глаголицы похожа на крест. В. А. Истрин отмечал, что такое начертание первой буквы указывало на то, что «изучение азбуки – богоугодное дело и поэтому должно начинаться с крестного знамения» [1988, 79].

Учёные считают, что азбука имеет так называемые сакральные точки. Языковым выражением этой сакральности является повышенная активность названий букв к образованию от них устойчивых единиц. Таки-ми сакральными точками азбуки являются буквы *азъ, буки, глаголь, фертъ, фита, ять, ижица* (*начинать с азов, ни аза, азы науки... и др.*).

Значимость славянской азбуки подчёркивается тем, что часть названий букв славянских азбук стала основой для устойчивых выражений благодаря сходству своего внешнего вида с теми или иными явлениями действительности: *смотреть глаголем, на глагол лезет, миновать глаголя, стоять фертом, ходить фертом, перечеркнуть хером, старый юс, прописать ижицу*. Буквы *ять, фита, ижица* стали символом обучения грамоте: *от фиты подвело животы; фита да ижица – к ленивому плеть движется; сам ни аза в глаза, а людей ижицей тычет; выучить на ять*, поскольку они были, по сути, буквами-дублетами. Постичь их употребление означало постичь секреты орфографии того времени). Таким образом, азбука концентрирует в себе вечные общечеловеческие истины.

Безусловно, культурный потенциал графики очерчивается не только алфавитом. Культурно значимыми могут быть особенности написания: справа налево, слева направо, сверху вниз. По мнению ряда учёных, этот факт обусловлен особенностями хозяйственных (направлением плуга при вспашке поля) и религиозных традиций (например, движением руки при крещении).

Важным показателем является употребление заглавной буквы. Так, в немецком языке с прописной буквы пишутся все существительные, что подчёркивает ценность предметности. В английском языке с большой буквы пишется местоимение *я – I*, что подчёркивает особый статус концепта *Privacy*. Графика является в высокой степени культурогенной и проецирует свой потенциал на лексику и фразеологию.

Литература

Алефиренко, Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания, культуры / Н. Ф. Алефиренко.– М.: Academia, 2002.

Истрин, В. А. 1100 лет славянской азбуке / В. А. Истрин.– М.: Наука, 1988.

Миронова, И. Б. Символика древних славянских букв / И. Б. Миронова // Кирилло-Мефодиевские чтения.– Самара, 1991.

Толстая, Т. Ксы / Т. Толстая.– М., 2001.

Шмелёва, Т. В. Идиомы и паремии «кириллического происхождения» / Т. В. Шмелева // Фразеологизм и слово в языке и речи. – Великий Новгород: НГУ им. Ярослава Мудрого, 2007.– С. 281–287.

Глава 7

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКОЙ

Слово есть не только явление природы,
но также принцип культуры.

Г. Шнем

7.1. Отражение культурной информации в денотативно-сигнификативном блоке лексического и фразеологического значения

Лексический фонд языка называют верхним слоем лингвокультуры. Это связано с тем, что культурные смыслы в первую очередь покрывают лексическую и фразеологическую семантику и характеризуются относительной ясностью при их выявлении.

Лексические и фразеологические способы хранения культурной информации являются наиболее изученными. Это связано прежде всего с тем, что слово и фразеологизм, в отличие от фонемы, имеют очевидный план содержания, а культурная информация отражается прежде всего в семантике языковых единиц. Кроме того, слова, фразеологизмы, в отличие от текстов, отличаются компактностью, что, несомненно, упрощает их лингвокультурологическое описание.

Культурная маркированность лексического и фразеологического значения, значимости проявляется в том, что данные семантические величины способны как отражать те или иные культурные смыслы, так и интерпретировать универсальные кванты знания в соответствии с действующими культурными установками, стереотипами. Рассмотрим эти процессы. Решение поставленной задачи требует описания структуры лексического и фразеологического значения, отражающей процессы семантической категоризации.

Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров определяют пространство значения как «реальное таксонимическое отображение эмпирического и теоретического (абстрагирующего) знания о мире, в которое вплетается культурно-языковой опыт данной языковой общности» [1980, 7]. Лин-

лингвокультурологический подход к языку характеризуется пониманием значения как определённым образом категоризованной информации.

В настоящее время является общепризнанным представление лексического значения как системы, состоящей из двух блоков: денотативно-сигнификативного и прагматического.

Денотативный компонент значения, с одной стороны, несёт информацию об образе (представлении) типовой реалии (реалеме), которую обозначает данное слово, с другой – обеспечивает связь реалемы с конкретным референтом. Денотативный компонент объективирует экстенционал того или иного понятия, иными словами, указывает на класс явлений, в который входит данный референт, тем самым денотативный компонент показывает, с какой лексико-семантической группой соотносится то или иное значение. Из сказанного следует, что денотативный компонент значения отражает процессы структурирования языковой картины мира. Данные процессы культурно маркированы, поскольку соотношение явления с тем или иным лексико-семантическим классом слов может быть обусловлено идеологемами.

Проиллюстрируем это положение. Слово *предприниматель* ‘капиталист – владелец промышленного и торгового и т. п. предприятия’ [МАС] входит в лексико-семантическую группу «Общественный класс», на что указывает сема ‘капиталист’. Лексико-семантическая категоризация отражает советские идеологемы, направленные на чёткую классовую дифференциацию общества. В постсоветское время значение данного слова меняется: ‘тот, кто имеет своё дело, владеет предприятием или на свой риск занимается какой-либо экономической деятельностью, приносящей личный доход’ [ТСЯИ]. Данное словозначение включено в лексико-семантическую группу «Характеристика лица по способу осуществления трудовой деятельности». Если учесть, что экстенционал значения находит своё отражение в архисеме, то можно сделать вывод, что ряд значений имеет культурно маркированную родовую лексическую сему (архисему). Нетрудно заметить, что изменения в экстенционале обусловлены модификацией интенционала, воплощённого в сигнификативном компоненте значения.

Сигнификативный компонент включает в себя часть признаков понятия (представления) о реалии. Он объективирует не все признаки, а только те, с помощью которых возможно отличить одно явление от другого. Очевидно, что набор существенных признаков для той или иной лингвокультурной общности в определённое время может быть разным. Выбор существенных признаков находится в зависимости от системы актуализированных в данное время ценностей. Так, слово *кулак* в XIX в.

включало в сигнификат признаки ‘скупой’, ‘крепкий’, ‘перекупщик’ [СД]. Приведённые признаки отражают хозяйственный статус зажиточного крестьянина. В советское время смена культурных установок, парадигмы ценностей привела к актуализации иных признаков ‘богатый’, ‘собственник’, ‘эксплуататор’, указывающих на социальный статус. Интенционал находит своё отражение прежде всего в дифференциальных семмах. Из чего следует, что культурно маркированными могут быть дифференциальные семы.

Приведённые примеры иллюстрируют интерпретирующую функцию архисемы и дифференциальных сем. Архисема и дифференциальные семы могут отражать культурную информацию и иным способом. Данные семы способны репрезентировать не имеющие эквивалентов, присущие только этой культуре смыслы. Семы, выполняющие подобную функцию, мы находим в составе значений безэквивалентной лексики: *барщина* ‘даровой принудительный труд крестьян на помещика при крепостном праве’, *трудодень* ‘единица учёта труда в колхозах, определяющая долю колхозника в доходах’ [МАС] и др.

Помимо сигнификативного в денотативно-сигнификативный блок входят образный, оценочный, интенсивный компоненты.

Содержание **образного компонента** (внутренней формы) отсылает говорящего к тому или иному гештальту, сцене, сценарию, фрейму. Например, внутренняя форма фразеологических единиц *рот на барщине* соотносится с фреймом «барщина», *снимать пенки* – сценарием снятия пенки, *раз плюнуть* – сценой плевка, *на холостом ходу* – гештальтом «станок». Образность строится на развёртывании одного или нескольких сигнификативных признаков. Внутренняя форма номинации определяется тем признаком, который выбирается в качестве различительного и кладётся в основу наименования». Например, значение фразеологической единицы *воротить горы* включает в себя следующие сигнификативные признаки: ‘делать большое дело, требующее огромных усилий’ [ФСМ]. Внутренняя форма данной языковой единицы основана на развёртывании признаков ‘большой’, ‘огромные усилия’.

Процедура определения внутренней формы состоит в буквальном прочтении той или иной единицы. Д. О. Добровольский сравнил мир внутренних форм с «сюрреалистическим миром, обитатели которого толкут воду в ступе, бьются головой о стену». Совокупность однотипных внутренних форм позволяет реконструировать базовый образ, языковую репрезентацию концептуального гештальта, фрейма, скрипта и др. Например, буквальное прочтение языковых единиц: *один и дома горюет, а двое и в поле воюют; один в поле не воин; отболмбится, трудармия,*

труддесант – указывает на базовый образ «война». Базовые образы отражают тот или иной культурный код. Так, например, указанный базовый образ соответствует акциональному культурному коду, продуктивному во все периоды развития концепта «Труд», что, вероятно, обусловлено содержанием данного концепта.

Внутренние формы объективируют сложившиеся в лингвокультурной общности представления, вербализуют стереотипы осмысления тех или иных явлений. «Имя (слово, тело знака) – это та культурная рамка, которая накладывается на культурный опыт каждого человека, прошедшего социализацию в определённой культуре», – отмечает Н. В. Уфимцева [2000, 90]. Так, русское сознание представляет работу в цветовой гамме: *работа черна, да денежка бела; тёмное дело; белопашенный, чернопашенный*. Стереотипом честной и вместе с тем выгодной работы является белый цвет; нечестной, тяжёлой, неприбыльной – чёрный. Такие стереотипы основывались на символическом значении белого и чёрного цвета: белый цвет был символом красоты, чистоты, света, в противоположность ему чёрный – символом безобразия, печали, ненависти, смерти, грязи [Потебня, 2000, 28–31].

В. фон Гумбольдт подчёркивал важность внутренних форм в объективации когнитивных процессов: «Мы видим тут подлинную картину хода мысли и сцепления идей...» [1984, 182].

Выбор внутренней формы культурно значим. Так, в русском языке *лиса* выступает квазистереотипом хитрости, в португальском – зла. В русском языке *свинья* – грязный человек, в корейском – ленивый и обжорливый. Русские назвали смородину по обонятельному признаку (от *смердеть*), белорусы – по локальному (произрастает на реке: *парэчки*). Образ русской идиомы *когда рак на горе свистнет* соответствует английскому *когда свиньи полетят*, киргизскому – *когда хвост ишака коснётся земли*. М. Л. Ковшова считает, что «значимость тех или иных реалий для человека в его повседневной практике, служащей упорядочению мира, в его ритуальных действиях, создающих окультуренный ход жизни, послужила вовлечению этих реалий в систему культурных смыслов, и реалии стали носителями культурных смыслов. Именно это обусловило “попадание” образов данных реалий в тропическую основу» языковой единицы [2007, 32].

С сигнификативным и образным тесно связан **интенсивный компонент**. Содержание этого компонента можно представить в виде шкалы, контрпунктами которой будут точки со значением ‘очень’ vs. ‘не очень’. Интенсификация обусловлена фоновыми знаниями членов лингвокультурной общности или внутренней формой. Это означает, что интенсифи-

кация связана со сложившимися в данной культуре представлениями и стереотипами, то есть интенсивная сема культурно маркирована, а также что интенсивность может иметь как концептуальную, так и языковую природу.

Так, в русском языке существует около 40 фразеологических единиц, характеризующих различные степени интенсивности выполнения работы: *засучив рукава, до упаду, высунув язык, без передышки, хоть разорвись* и др. Степень интенсификации определяется содержанием внутренней формы, положенной в основу фразеологической номинации. Наибольшей интенсификацией обладают фразеологизмы, внутренние формы которых объективируют физическую «надорванность»: *до кровавого пота, семь потов сошло* и др. Интенсивная сема данных языковых единиц имеет языковую природу и входит в зону коннотаций.

Интенсификация значений *перетрудиться* ‘продолжительной работой, трудом сильно утомиться’, *предобрсовестный* ‘очень добросовестный’ и др. [МАС] определяется коррелирующим с значением концептуальным содержанием.

7.2. Отражение культурной информации в оценочном компоненте лексического и фразеологического значения

С сигнификативным, денотативным, образным компонентами значения связан **оценочный компонент**. По словам Н. Н. Болдырева, специфика оценочной категоризации заключается в том, что «тот или иной объект не причисляется к какой-либо естественной категории... его онтологический категориальный статус при этом не анализируется... Ему приписывается соответствующее положительное или отрицательное качество или характеристика...» [2002, 11–12]. Оценочный компонент является наиболее сложным в семантической структуре.

Оценка складывается из ряда компонентов. К основным относятся:

- субъект оценки, то есть тот, кто оценивает. В качестве субъекта оценки может выступать отдельно взятое лицо, лингвокультурная группа или социум. Языковая личность обладает национальным характером, особенности которого могут влиять на выбор объекта и оснований оценки;
- объект оценки, то есть предмет, лицо, событие, которым приписывается определённая ценность. В объекте выделяются оцениваемые признаки (аспекты). Объект оценки культурно маркирован, так как выбор того или иного явления или признака для оценки указывает на его актуальность для лингвокультурной общности. Так, в XIX в. объектом оценки

становилось умение девушки прясть и ткать (к 14 годам она должна была овладеть этими умениями). Неумение это делать было объектом оценки: *неткаха* ‘девушка, не умеющая выткать кросны’, *бесподставочная* ‘девушка, не умеющая поставить стан без подсказки матери’ [СД];

- сама оценка: абсолютная (хорошо, плохо, безразлично) или сравнительная (лучше, хуже, равноценно);
 - основание оценки (та или иная культурная установка, стереотип).
- Основание оценки может быть культурно маркированным, так как составляющие её ментальные категории могут иметь культурно обусловленную природу.

Так, субъектом отрицательной оценки слова *частник* ‘частный торговец, предприниматель’ [МАС] является русская советская лингвокультурная общность. Объектом оценки становится признак участия/неучастия человека в коллективном труде, особенно важный в годы первых пятилеток для советских людей. Основанием оценки являются культурные установки и стереотипы *необходимо искоренять частника как класс, в социалистическом обществе труд имеет общественный характер, частный предприниматель является классовым врагом пролетариата*.

Совокупность этих компонентов составляет оценочную модальность – «связь, устанавливаемую между ценностной ориентацией говорящего/слушающего и обозначаемой реалией... оцениваемой положительно или отрицательно по какому-либо основанию ... в соответствии со “стандартом” бытия вещей или положения дел в некоторой картине мира, лежащим в основе норм оценки» [Телия, 1986, 22–23].

Оценка может иметь разную природу. Это нетрудно заметить, например, при сопоставлении оценочного компонента слов *трудолюбивый* и *Золушка*. Если в значении первого слова непосредственно объективирует концептуальное содержание, что человек, обладающий данным качеством, положительно оценивается обществом, то в значении второго слова (квазиэталона) ‘о девушке, любящей труд: много работающая’ вербализуется не только (а точнее, не столько) оценка указанного в дескрипции качества, сколько оценка внутренней формы: если *X* как бы является Золушкой, то это хорошо. Кроме того, номинацией *Золушка* осуществляется оценка уже оценённого признака: быть трудолюбивым хорошо. Данный факт дал возможность В. Н. Телия говорить о двойственности оценки, «модальной двувершинности». Двувершинностью оценки обладают слова с экспрессивно окрашенным значением, имеющие живую образность. Итак, в словах данного типа можно выделить денотативную и коннотативную оценку. Рассмотрим выделенные виды оценки.

Денотативная оценка является результатом соотнесения денотативно-сигнификативной информации с действующими культурными установками и стереотипами, а значит, она объективна, входит в сигнификат значения. Денотативная оценка имеет концептуальную природу, поскольку отражает объективные признаки той или иной реалии, она ориентирована на квалификацию того или иного аспекта в предмете, отражает осознанный подход к миру. Денотативная оценка объективирует ту или иную систему культурных установок, стереотипов, идеологем, а значит, она репрезентирует культурные смыслы. Так, слово *деловой* ‘знающий и опытный в делах’ репрезентирует противоречивые культурные установки (*работай, не ленись / дела не делай, а от дела не бегай; деловая Маланья и к обедне с прялкой пришла*), что находит своё выражение в возможности реализации полярных оценок: быть деловым хорошо и быть деловым плохо.

Коннотативная оценка представляет собой результат соотнесения внутренней формы с культурными установками и фоновыми знаниями. Внутренняя форма выступает здесь в роли объекта (квазиобъекта) оценки.

Так, слово *паук* ‘о жестоком человеке, эксплуатирующем чужой труд, вымогающем у другого последнее достояние’ [БАС] имеет отрицательную коннотативную оценку, которая является результатом соотнесения языкового образа с действующими культурными установками и фоновыми знаниями. Паук относится к насекомым-хищникам, он ловит, а затем поедает насекомых, то есть свою жизнь поддерживает за счёт жизни других. Кроме того, представления о пауке связаны с чем-либо неприятным. Когда пауки живут рядом с человеком – это плохо. Существует примета: увидеть паука – к плохим новостям [СД]. Поэтому вести себя подобно пауку – плохо, ибо это прежде всего не отвечает культурной установке: живи своим трудом.

Этот вид оценки как бы надстраивается над денотативной оценкой (является эмотивно подмеченным признаком для соответствующего когнитивного), пытаясь воздействовать на адресата через обращение к тому или иному образу с целью сообщения о ценности чего-либо. Обусловленность коннотативной оценки внутренней формой показывает её бессознательную природу.

На том основании, что данный вид оценки дополняет денотативную оценочную зону, апеллирует к сигнификативным признакам посредством внутренней формы, его следует отнести к коннотациям значения.

Если денотативная оценка имеет концептуальную природу, репрезентирует те или иные культурные смыслы, то коннотативная – языковую, вследствие чего она интерпретирует культурные смыслы, поскольку жидется на объективированном языке признаке – внутренней форме слова.

Деннотативная и коннотативная оценки отличаются друг от друга интенциями говорящего. При деннотативной оценке субъект руководствуется практическим интересом. Его функция состоит в констатации объективных свойств той или иной реалии. Такая оценка носит познавательный характер. В коннотативной оценке субъект руководствуется лично-прагматическим интересом. Он не столько констатирует объективные свойства реалии, сколько интерпретирует их в том или ином прагматическом ключе. Интегральным признаком для одной и другой оценки является тождество основания оценки – культурных установок, идеологем, стереотипов.

Таким образом, оценочная сема, как деннотативная, так и коннотативная, могут быть культурно маркированными.

7.3. Отражение культурной информации в прагматическом блоке лексического и фразеологического значения

Эмотивный, стилевой, коннотативный компоненты формируют прагматический макрокомпонент, который отражает результаты взаимодействия языкового знака и пользователя, выражает отношение говорящего к действительности, к содержанию сообщения, к адресату.

Эмотивный компонент непосредственно связан с оценочным и образным. Содержание эмотивного компонента составляет эмоциональная реакция на оценку или на оценку и образ. В самых общих чертах содержание эмотивности можно рассмотреть как шкалу ‘одобряю vs. не одобряю’.

Неоднородность оценки отражается эмотивностью – языковым выражением эмоциональности. Вернёмся к нашим примерам. Так, слова *трудолюбивый* и *Золушка* объективируют положительную реакцию на знак. Однако в первом случае эта реакция обусловлена положительной оценкой, являющейся результатом соотнесения дескрипции с указанными выше культурными установками. Во втором случае вербализуется не только реакция на положительную оценку, результат соотнесения дескрипции с культурными установками, но и эмоциональное переживание внутренней формы: Золушка вызывает у члена русской лингвокультурной общности эмоциональную реакцию одобрения, сочувствия, жалости. Данный образ актуализирует в фоновых знаниях судьбу этого сказочного персонажа: Золушка терпит унижения от мачехи, много работает, но потом за свои труды вознаграждается. Таким образом, языковой символ *Золушка* имеет две эмотивные семы. Одну – основную, обусловленную

дескриптивной оценкой, другую – коннотативную, обусловленную эмоциогенностью внутренней формы.

Эмотивность позволяет более точно охарактеризовать культурно-семасиологическую природу оценки. Оценка в зависимости от своей природы обращена к стандартам или к стереотипам. Стандарт – это фиксированный набор типичных признаков того или иного явления. Образная репрезентация стандарта представляет собой стереотип явления или положения дел. Стереотипы могут размещаться на шкале оценок, то есть быть стереотипами хорошего или плохого, в этом случае они отражают нормы – нормы хорошего или плохого, поскольку норма «не есть отсутствие, ноль признака, нейтральная зона. Она соотносена с той частью шкалы оценок, на которую помещается стереотипное представление о данном объекте с соответствующим признаком» [Вольф, 1985, 54]. Денотативная оценка обращена к стандартам, коннотативная – к стереотипам.

Так, семантика слова *пробатрачить* ‘выполнять в течение какого-либо времени тяжёлую низкооплачиваемую работу’ [БАС] характеризуется оценочной двувёршинностью. Денотативная оценка данного слова апеллирует к стандарту: обычно человек выполняет посильную работу; как правило, размеры оплаты труда соответствуют затраченным усилиям. Данный стандарт репрезентируется в языке внутренней формой *батрак* с опорой на мотивацию «человек, который выполняет тяжёлую низкооплачиваемую работу, подобен батраку», то есть *батрак* становится стереотипом указанного стандарта. *Батрак* воспринимается как норма плохого. Фоновые знания (батраками обычно становились люди, не имеющие собственного хозяйства, они выполняли тяжёлую работу, зарабатывали только на хлеб и пр.) обуславливают отрицательное эмоциональное переживание внутренней формы. Таким образом, денотативная оценка направлена на презентацию признаков стандарта, коннотативная – на их эмотивную аранжировку.

Обусловленность эмотивности культурными установками, стандартами, стереотипами, оценкой определяет её культурную маркированность.

Стилевой компонент может быть детерминирован всеми рассмотренными выше компонентами. Стилевой компонент несёт информацию об уместности/неуместности употребления данного значения в той или иной речевой ситуации. Например, значение слова *пачкун* ‘неумелый, плохой работник’ [БАС] включает в свой состав стилевую сему ‘разг.’, которая определяет функционирование слова в неформальной речевой ситуации. Стилевая дифференциация языка уровнем развития духовной и материальной культуры. Языки имеют разнообразное количество стилей. Стиль может соотноситься с парадигмой эпохи (если говорить о стилях определённого времени). В любом случае стиль отражает сформирован-

ную в лингвокультурной общности манеру репрезентировать свои мысли, формы её выражения.

7.4. Понятие культурной коннотации

Ещё одним компонентом прагматического блока значения является **коннотативный компонент** (импликационал значения), одной из основных составляющих которого является культурная коннотация. Культурная коннотация представляет собой результат объективации концептуальных признаков либо интерпретации компонентов значения в ракурсе культурных установок, идеологием, стереотипов.

В. Н. Телия выдвинула гипотезу: «Если единицы языка обладают культурно-национальной спецификой, то последняя должна иметь свои способы её отображения и средства соотнесения с ней, то есть служить своего рода “звенном”, соединяющим в единую цепь “тело знака”... – с одной стороны, а с другой – концепты, стереотипы, эталоны, символы, мифологемы и т. п. знаки национальной и шире – общечеловеческой культуры, освоенной народом – носителем языка» [1996, 215].

Одним из таких способов является культурная коннотация (со-значение). Под **культурной коннотацией** В. Н. Телия предлагает понимать интерпретацию «денотативного или образно мотивированного, квазиденотативного, аспектов значения в категориях культуры» [1996, 214]. Разработка понятия культурной коннотации связана с определением её сущности, содержательных типов.

Наиболее популярными на данном этапе развития русистики являются теории коннотации В. Н. Телия и Ю. Д. Апресяна.

В книге «Коннотативный аспект семантики номинативных единиц» В. Н. Телия определяет коннотацию как «семантическую сущность, узואльно илиokkaзионально входящую в семантику языковых единиц и выражающую эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение субъекта речи к действительности при её обозначении в высказывании, которое получает на основе этой информации экспрессивный эффект» [1986, 5]. Из процитированного определения следует, что коннотации неоднородны по своей природе (они могут быть узואльными иokkaзиональными) и по содержанию. Основная функция коннотации экспрессивная, воздействующая. Коннотация, по В. Н. Телия, это модус к диктуму.

Иное понимание коннотации находим в работе Ю. Д. Апресяна «Коннотации как часть прагматики слова». Под коннотацией лексемы он понимает «несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ею

понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности. Они (коннотации.– Г. Т.) не входят непосредственно в лексическое значение слова и не являются следствиями или выводами из него» [1995, т. 2, 159].

Так, при анализе коннотаций слова *тёща* исследователь указывает, что коннотации 'недоброжелательность, придиричивость, безразличие к благополучию зятя' обусловлены существующими в обществе стереотипами. Тем самым проводится связь с оценочным компонентом. Далее исследователь отмечает, что коннотация является «связующим звеном между двумя разными единицами языка, и отношение, в которое она ставит эти две единицы, есть отношение уподобления <...> оно описывается компонентом “как бы”, введение которого... обосновывается следующим образом: “Этот компонент... задаёт ‘внутреннюю форму’ смысла, его образную структуру”...», чем утверждается связь коннотаций с образным основанием значения.

Таким образом, коннотации в понимании Ю. Д. Апресяна узуальны, а значит, культурно обусловлены. Следует обратить внимание и на то, что, согласно интерпретации данного исследователя, коннотации не зависят от других компонентов значения.

Различаются рассматриваемые точки зрения и тем, что, по мнению В. Н. Телия, коннотации имеют место преимущественно в переносных значениях, а Ю. Д. Апресян считает, что коннотации «характеризуют, как правило, основные, или исходные значения слов, а материализуются они в переносных значениях...» [1995, т. 2, 163].

На наш взгляд, теории коннотаций В. Н. Телия и Ю. Д. Апресяна не противоречат, а дополняют друг друга. Поясним нашу точку зрения, рассмотрев содержательные типы коннотаций.

Коннотации входят в импликационал значения, образуя тем самым отдельный его компонент. Данный компонент, несмотря на разнородность содержания, является частью прагматического макрокомпонента, поскольку формирующие его смыслы возникают в результате функционирования, использования знака.

Коннотации воспроизводимы и устойчивы. Каждый носитель языка без труда сможет назвать, с какими ассоциациями у него связаны, например, номинации *бык*, *муравей* и др. Этим свойством коннотации отличаются от потенциальных сем. Потенциальные семы производимы контекстом, проявляются в контексте, могут носить как узуальный, так и окказиональный характер. Ср.: коннотации (связанные с трудом) значения слова *мужик* 'работник, большая физическая сила, неприхотливость, мастер на все руки, кормилец, много работает' и потенциальные семы значения слова *пегий*: «Когда я родился, я не знал, что такое значит

пегий, я думал, что я лошадь» (Л. Н. Толстой): ‘тяжёлая работа, низкое происхождение’. Основное же значение у слова *пегий* ‘с большими пятнами, крапинами’. Выделенные контекстуальные смыслы не являются воспроизводимыми в русской лингвокультурной общности.

7.5. Типология культурных коннотаций

Коннотации, как уже говорилось, могут иметь как концептуальную, так и языковую природу. Коннотации, обладающие концептуальным характером, объективируют фоновые знания, тем самым выполняют прежде всего репрезентирующую функцию. С точки зрения своего содержания они могут быть дескриптивными, интенсивными, оценочными, эмотивными.

- К дескриптивным коннотациям относятся несущественные сигнификативные признаки, отражающие фоновые знания членов лингвокультурной общности. Например, значение слова *боров* характеризуется коннотациями ‘неповоротливость’, ‘тяжеловесность’, ‘немереная сила’, ‘грубость’. Дескриптивные коннотации обусловлены фоновыми знаниями (в частности, особенностями использования явления и знака, которым оно обозначается), этимологией слова. Так, воспроизведённые выше коннотации основаны на наблюдениях человека за свиньёй: она имеет тяжёлую походку, способна выворачивать с корнем многолетние растения, и под. Коннотации значения слова *смерд* ‘грязный, неухоженный человек’ обусловлены этимологией: данное слово связано с праславянским *smьrd* ‘зловоние’ [Фасмер, 1996, т. 3, 684–685].

- Коннотации-интенсификаторы усиливают или ослабляют один из дескриптивных коннотативных признаков. Например, значение слова *трамвай* в ряде регионов нашей страны имеет коннотацию ‘очень медленно’, которая соотносится с признаком ‘передвижение’. Значение слова *пот* ‘бесцветная жидкость, выделяемая подкожными железами’ [МАС] в настоящее время обладает дескриптивными коннотациями ‘в результате напряжения сил при выполнении работы’, ‘усердно’, ‘утомление, изнеможение’. Ср.: *вгонять в пот, до седьмого пота, в поте лица; не от росы урожай, а от поту* и др. Эксплицированные дескриптивные семы интенсифицируются сопровождающей их семьей ‘очень’: ‘в результате очень большого напряжения сил при выполнении работы’, ‘очень усердно’, ‘очень утомиться’.

- Оценочные и эмотивные коннотации могут быть результатом соотнесения с культурными установками, стереотипами, фоновыми знаниями денотативно-сигнификативного компонента значения либо деск-

риптивных коннотативных сем. Так, значение слова *премия* ‘дополнительное денежное вознаграждение, выдаваемое сверх заработной платы за качественное выполнение плана, за превышение обязательных производственных норм, снижение себестоимости продукции и т. д.’ обладает положительными коннотациями, что обусловлено соотношением денотативно-сигнификативного значения со стереотипами *зарабатывать дополнительные деньги хорошо, зарплата обычно невысокая, её всегда не хватает*. Указанная оценка порождает положительную эмоциональную реакцию при восприятии данного знака. Значение слова *немец* ‘относящийся по национальному признаку к основному населению Германии’ [МАС] имеет дескриптивные коннотации ‘пунктуальный’, ‘хороший специалист’ и др., которые материализуются во фразеологических единицах, паремиях *немецкая работа; у немца на всё свой инструмент есть* и др. Результатом культурно-когнитивной интерпретации данных коннотаций (соотнесение с культурной установкой *делай работу качественно*) является их положительная эмоционально-оценочная коннотативная аранжировка. Значение слова *хомут* ‘нашейная часть конской упряжи’ [МАС] имеет дескриптивные коннотации ‘заботы’, ‘тяжесть’, ‘несвобода, связанность’ и др., которые материализуются в слове *захомутать*, во фразеологической единице *надеть хомут на шею*, в паремиях *за свой труд попал в хомут; не конь, так не лезь в хомут* и др. Результатом культурно-когнитивной интерпретации данных вербализованных смыслов (соотнесение со стереотипами *дела отнимают много времени, культурной установкой не ищи работы*) является их отрицательная эмоционально-оценочная коннотативная аранжировка. Анализ языкового материала показывает, что эмотивные коннотативные семы всегда сопровождаются оценочными.

Языковые коннотации, как мы могли убедиться выше, являются результатом соотношения внутренней формы с культурными установками, идеологемами, стереотипами. Та или иная функция внутренней формы – интенсификация значения, вербализация того или иного оценочного стереотипа либо его эмотивная презентация (возбуждение той или иной эмоциональной реакции на образ) – определяет содержательный тип языковой коннотации. Можно выделить три типа таких коннотаций:

1. Интенсивные коннотации являются следствием интенсификации дескрипции посредством внутренней формы. Так, значение слова *крутиться* ‘иметь своё дело, заниматься предпринимательством’ интенсифицируется внутренней формой, которая возбуждает в нашем сознании образ чего-либо быстро движущегося, быстро вращающегося (не исключено, что и актуализирует образ крутящейся в колесе белки, что обуслов-

лено совпадением «тела» данного знака с компонентом фразеологической единицы *крутиться, как белка в колесе*);

2. Оценочные коннотации представляют собой результат вербализации того или иного оценочного стереотипа. Они возникают при соотношении внутренней формы с культурными установками, фоновыми знаниями, стереотипами. Так, оценочным стереотипом бесправного, выполняющего непосильную работу человека является *негр*, что находит своё отражение во внутренней форме фразеологической единицы *белый негр*. Отрицательная оценочная сема – результат соотношения внутренней формы с фоновыми знаниями *негр выполняет тяжёлую, неквалифицированную, низкооплачиваемую работу*, с культурными установками *знай меру в работе, оценивай квалифицированную работу хорошо, а неквалифицированную – плохо, не работай за дарма*;

3. Эмотивные коннотации – продукт эмоциональной презентации того или иного оценочного стандарта, следствие эмотиогенности внутренней формы. Эмотивные коннотации всегда сопряжены с оценочными, поскольку целью использования того или иного образа является не указание на аномалию, а провоцирование эмоционального переживания того или иного оценочного стереотипа. Так, отрицательная оценочная коннотация значения фразеологической единицы *белый негр* сопряжена с эмотивными коннотациями ‘неодобрение’, ‘уничуждение’, ‘негодование’. Эти коннотации обусловлены результатами когнитивной интерпретации образа. Если *X* называют белым негром, то преследуют цель передать ему своё неодобрение, вызвать в нём чувство негодования, потому что, если *X* работает так, как если бы он был негром, это плохо, так как негры работают много, выполняют самую тяжёлую, неквалифицированную и малооплачиваемую работу (ср. с культурными установками *знай меру в работе, не работай даром*).

Кроме этого оценочные и эмотивные коннотации могут быть результатом соотношения логических коннотаций с действующими культурными установками. Например, значение слова *холоп* ‘в Древней Руси – лицо, находившееся в зависимости, близкой по форме к рабству; позже – дворовый, крепостной слуга’ [МАС] обладает концептуальными коннотациями ‘получеловек, бесправный, много работает и др.’, которые определяют отрицательные эмотивно-оценочные со-значения данного слова.

Из приведённых примеров видно, что коннотации могут быть обусловлены теми или иными культурными причинами. Так, отрицательные эмотивно-оценочные коннотации фразеологической единицы *белый негр* объясняются политическими причинами: в странах Южной и Северной Америки обычно рабами были негры. Положительные эмотивно-

оценочные коннотации слова *крутиться* обусловлены психологическим контекстом: тот, кто имеет своё дело, обычно богат. Отрицательные коннотации слова *школа* отражают утрату ценности интеллектуального труда государственных служащих.

Культурная маркированность коннотаций обусловлена, во-первых, их узуальностью, во-вторых, соотнесённостью с культурно маркированными установками, стереотипами, фоновыми знаниями, в-третьих, культурной спецификой внутренней формы, которая вербализует национальные стереотипы.

Приведённая классификация коннотаций даёт основания говорить, что коннотации связаны как с различными компонентами значения, так и с другими типами коннотаций.

Итак, культурная коннотация представляет собой узуальные устойчивые семантические признаки, которые являются результатом использования данной реалии и её обозначения определённой лингвокультурной общностью, влияния этимологии либо соотнесения внутренней формы с культурно маркированными концептуальными единицами.

7.6. Отражение культурной информации в структуре многозначного слова

Многозначное слово отражает результаты процессов концептуализации: появление одних и устаревание других лексико-семантических вариантов, формирование или видоизменение семантического инварианта, трансформация иерархии значений в семантической структуре многозначного слова обусловлены изменением ценностной шкалы, а значит, отражают эволюцию в осмыслении той или иной понятийной категории. «Степень упорядоченности, разграниченности и систематизированности значений зависит от структуры человеческого опыта и деятельности в соответствующей предметной области. Значений в некотором континууме выделяется столько, сколько подразделений в нём существенно для человеческой практики. И значения эти настолько дискретны, насколько существенна и обработана в опыте дискретизация соответствующего участка денотативной сферы» [Никитин, 1996, 207].

Лингвокультурологический подход снимает когнитивистскую дилемму о соотношении концепта и значений многозначного слова. Если значения многозначного слова соответствуют одной теме, вербализуют одну и ту же сферу действительности, то они репрезентируют один культурный концепт. Культурно-когнитивный потенциал многозначного слова определяется его смысловой континуальностью (проявляющейся

в отражении целой сферы действительности) и состоит в том, что оно объективирует процесс концептуализации того или иного явления в исторической перспективе. Н. Ф. Алефиренко отмечает: «Концепт... представляет собой генетический корень или смысловой эмбрион, экспликация которого осуществляется только путём осмысления формирования семантической структуры слова» [2002, 226].

Содержание, репрезентированное тем или иным многозначным словом, можно представить в виде фрейма, слоты которого составляют смыслы, вербализованные лексико-семантическими вариантами.

Первое, прямое (такое соответствие порядкового номера значения в структуре многозначного слова и типа значения по способу номинации наблюдается в большинстве случаев) значение можно толковать как прототипическое, так как оно удовлетворяет критериям психологическим (первым приходит на ум) и семантическим (имеет простой семный состав, что может обуславливать его свободную сочетаемость, номинативную функцию).

Семантический инвариант многозначного слова, представленный интегральными для всех значений семами, является одним из типов лингвосемиотических рядов. Развитие семантической структуры многозначного слова позволяет применять к ней понятие эволюционного семиотического ряда, отражающего изменения в ценностных парадигмах культуры.

Проиллюстрируем данное положение на примере слова *работа*.

Слово *работа* в древнерусском языке, по данным СДЯ, имело пять значений: 1) 'рабство, неволя'; 2) 'пленение, увод в плен'; 3) 'порабощение'; 4) 'служение'; 5) 'труд'.

Как видим, трудовая деятельность интерпретировалась как атрибут рабства, неволи, как деятельность, которая совершается вопреки собственной воле. Показательно, что в роли первого, мотивирующего, прототипического значения выступает семема, вербализующая в языке смысл 'социальная несвобода'. Т. А. Дегтярева отмечает: «Представление о труде как наказании могло возникнуть, когда труд не был уже естественной необходимостью для всех членов общества, когда труд стал делом раба» (цит. по: Левицкий В. В., Стернин И. А., 1989, 83–84).

Семантический инвариант формируют семы 'делать что-либо вопреки своему желанию'. Обращает внимание, что значения, так или иначе связанные с идеей социальной несвободы (1–4), формируются с опорой на импликациональные связи, в частности посредством способа переноса по смежности: социальный статус/положение (1) → перевод (переход) в это положение (2, 3); социальный статус/положение (1) → функции, к которым обязывает это положение. Интересующее нас 5-е значение 'труд', по всей вероятности,

мотивировано 4-м значением 'служение': оно возникло на базе расширения 4-го значения 'служение' → 'трудовая деятельность вообще'.

С позиций современного сознания анализируемое многозначное слово соотносится с двумя концептами «Рабство» и «Труд», причём первый мотивирует второй. В сознании же древнерусского человека труд представлялся одной из функциональных составляющих рабства. Лексико-семантические варианты данного слова репрезентируют соответствующие слоты фрейма «Рабство»: «пленение» / «порабощение» / «труд». Процесс трудовой деятельности осмыслялся целостно, о чём свидетельствует эксплицированный семный состав 5-го значения.

Эксплицированные стереотипы воплощают в целом отрицательное отношение к труду, его нежелание и неприятие. Полученные выводы подтверждают мнение А. Я. Гуревича: «Оценка крестьянского труда в раннефеодальном обществе была противоречива, но в целом сравнительно низка. ...Труд для зависимого крестьянина – суровая материальная и социальная необходимость» [1990, 36–38].

«Словарь живого великорусского языка» В. И. Даля отражает концептосферу русской культуры, сложившуюся к XIX в.

Слово *работа* в СД имеет четыре общеупотребительных и два специальных значения. Перечислим только общеупотребительные: 1) 'действие по глаголу работать, труд, занятие, дело, упражнение, делание'; 2) 'рабство, состояние в рабстве'; 3) 'само дело'; 4) 'качество ея, по отделке'.

Приведённые значения в сравнении со значениями этого слова, зафиксированными в СДЯ, указывают на смену ценностной парадигмы, влияющей на процессы концептуализации. Осмысление работы как атрибута рабства, хотя и неполностью, но преодолено. Первое, прототипическое значение стало указывать на процесс трудовой деятельности. Два значения 'пленение, увоз в плен', 'порабощение' – ушли в пассивный состав, продемонстрировав тем самым неактуальность репрезентированных ими смыслов для лингвокультурной общности, изменение концептуальных стратегий. Этот процесс нашёл своё отражение и в трансформации семантического инварианта данного слова: на рассмотренном историческом этапе его сформировали семы 'делать что-либо'. Появление новых смыслов опирается на импликационные связи, а именно на смежность: 'действие → само дело'; 'само дело → качество его по отделке'. Таким образом, отражение действительности осуществляется как бы «пошагово»: от идеи труда к осмыслению его результата, от понимания результата к познанию его качественной стороны. Наличие специальных значений, восходящих к винокурной терминологии и специальному лексикону наездников, указывает, с одной стороны, на относительную

интенционально-экстенциональную чёткость концепта, а с другой – на специализацию его интенциональных характеристик.

Лексико-семантические варианты данного слова объективируют следующие лингвистически релевантные слоты гиперфрейма «Труд»: «процесс трудовой деятельности», «результат деятельности», «качество изделия, работы».

Итак, лингвосемиотический ряд «Работа» подвергся трансформации. В диахронической перспективе его можно представить как ‘делать что-либо вопреки своему желанию, воле’ → ‘делать что-либо’.

Трансформация и модификация лингвосемиотических рядов указывает, что в поле зрения смыслопорождающего субъекта культуры попадают преимущественно акциональные аспекты трудовой деятельности. Эволюция лингвосемиотических рядов отражает движение сознания к более высоким ступеням абстракции.

Большую роль в познании труда играет смежность явлений, указывающая на «пошаговое» освоение действительности.

Отсюда можно сделать вывод о том, что труд в древнерусской культуре воспринимался как маркер социального положения, «переживался» языковой личностью, на более поздних ступенях развития культуры социальные и эмоциональные аспекты восприятия труда редуцируются, получают влияние тенденции, продуцирующие техногенные, узкоспециальные стратегии при осмыслении данной категории. Отрицательное отношение к труду отодвигается на задний план, нейтрализуется.

БАС отражает особенности концептуализации трудовой деятельности на современном этапе развития культуры.

Слово *работа* имеет шесть значений: 1) ‘осуществление какой-либо деятельности, действие по глаголу работать / нахождение в действии, функционировании, об органах, членах тела / о машинах, механизмах / в физике – одна из важнейших физических величин, количественно характеризующая преобразование какой-либо одной формы энергии в другую’; 2) ‘дело, труд, круг занятий, обязанностей / род, вид трудовой деятельности / о школьном учебном задании / о различных формах принудительного труда как средстве наказания’; 3) ‘производственная деятельность по созданию, обработке чего-либо / о месте осуществления этой деятельности’; 4) ‘дело, занятие как источник заработка, служба / о месте, где кто-то служит, работает’; 5) ‘то, над чем работают, обычно ручным, кустарным способом, что служит материалом для обработки / вещь, изделие, выполненное шитьём, вязанием и т. п.; рукоделие’; 6) ‘то, что сделано, изготовлено кем-либо / о научном, литературном произведении / о качестве выполнения чего-либо / о стиле, способе изготовления’.

Приведённое лексикографическое описание слова *работа* отражает существенные изменения в осмыслении трудовой деятельности. Во-первых, трудовая деятельность перестала пониматься как деятельность, осуществляемая в рабстве, неволе. Однако возникло значение, объективирующее идею принудительного исправительного труда. Во-вторых, увеличилось число значений, продуцируемых акциональными семантическими признаками работы. В-третьих, появились значения, отражающие осмысление функционирования частей тела человека и неживых предметов. Это говорит о том, что осмысление труда достигло точки, когда знания о трудовой деятельности человека стали основой для познания функционирования других явлений действительности. Объективирован смысл, отражающий научные понятия о количественной стороне работы.

Данное слово по-прежнему включает ряд значений, репрезентирующих смыслы концепта «Деятельность». Однако большинство значений соотносится с концептом «Труд». Основу семантического инварианта составляют семы 'делать что-либо'. Усложнение лингвосемиотического ряда осуществляется за счёт увеличения входящих в него вариантов.

Как мы могли убедиться выше, историческая динамика значений многозначного слова объективирует информацию об особенностях концептуализации той или иной ментальной категории, связях и отношениях с другими концептами.

История значений показывает, что процессы концептуализации не только детерминируются внешним миром, но и определяются языковыми матрицами. На ранних этапах развития культуры большое влияние на процессы концептуализации оказывает этимология слова. Концептуальная стратегия «считается» со значением этимона. На более поздних этапах познание в той или иной степени определяется семантическим инвариантом слова.

Значения многозначного слова объективируют смыслы, структурирующие тот или иной слот фрейма.

Диахронический аспект значений ключевых слов концепта показывает, что концепт представляет собой динамичную, развивающуюся величину. Сознание находится в постоянном поиске, накапливая одни смыслы, открывая новые, зачёркивая старые и вновь возвращая их.

Развитие концепта отражает изменения семантического инварианта слова – лингвосемиотического ряда. Представление лингвосемиотического ряда в диахроническом аспекте – эволюционный лингвосемиотический ряд – объективирует изменения в аксиологической системе.

Развитие концепта отражено и в определении прототипического значения, в роли которого обычно выступает первое (прямое, основное) значение.

Анализ семантической структуры ключевых слов концепта позволяет сделать вывод, что она выполняет как интерпретирующую, так и репрезентирующую функцию по отношению к его содержанию.

7.7. Методики изучения взаимодействия языка и культуры на семном уровне

Изучение языка в динамическом аспекте позволяет выяснить, как культурная информация отражается в лексическом/фразеологическом значении. Каждый компонент значения отвечает тому или иному оператору, отражающему взаимодействие двух систем: денотативный и сигнификативный компоненты – оператору «знай, что»; мотивационный – «вообрази»; оценочный – «считай, что»; эмотивный – «испытай»; стилевой – «учти». Например, медведь – ‘о крупном, сильном, но грузном и неуклюжем человеке’: *знай*, что крупного, сильного, но неуклюжего, грузного человека русские называют медведем; *вообрази*, что человек, обладающий перечисленными качествами, является медведем; *считай*, что быть сильным, крупным, грузным, неуклюжим плохо, то есть быть похожим на медведя плохо, так как культурная установка говорит: «будь ловким, быстрым, увёртливым». Обращение языкового сознания к данной культурной установке освежает сформированные когнитивные структуры, содержанием которых становятся представления о том, что неуклюжесть, большие размеры медведя становятся причиной разного рода неудач и бед. Эти представления отражены в сказках («Теремок»), пословицах *силён медведь, да в болоте лежит; не дал Бог медведю волчьей смелости, а волку медвежьей силы*, бытовом укладе (в частности, в том, как делали засады для медведя). Указанная интерпретация денотативно-сигнификативного содержания и внутренней формы становится основанием для того, чтобы говорящий или слушающий/читающий испытали эмоцию неодобрения/уничтожения. При употреблении данного знака говорящий учитывает, что он может быть использован только в неформальной речевой ситуации.

Особенности культурного сознания могут быть отражены при представлении значения в виде когнитивных формул, сценариев. Средствами выражения значения в этом случае являются семантические примитивы – слова, имеющие очень простой семный состав, широкую сферу употребления. А. Вежбицкая выделила 55 семантических примитивов. Формули-

ровки аспектов значения отличаются простотой, доступностью, являются понятными для носителей любого языка. Для иллюстрации этого метода приведём толкование слова *грусть*, разработанное А. Вежбицкой:

Грусть

- 1) *Х нечто чувствует;*
- 2) *Иногда человек думает нечто вроде этого:*
- 3) *Сейчас случилось нечто плохое;*
- 4) *Если бы я не знал, что это произошло, я бы сказал: «Я этого не хочу»;*
- 5) *Сейчас я не говорю этого;*
- 6) *Потому что я ничего не могу сделать;*
- 7) ***Из-за этого этот человек чувствует нечто;***
- 8) *Х чувствует нечто вроде этого.*

Толкования значений одних и тех же слов разных языков отличаются друг от друга. Отличия связаны с различием в понимании той или иной категории разными лингвокультурными общностями.

Sadness 'грусть'

- 1) *Х нечто чувствует;*
- 2) *Иногда человек думает нечто вроде этого:*
- 3) *Случилось нечто плохое;*
- 4) *Если бы я не знал, что это произошло, я бы сказал: «Я этого не хочу»;*
- 5) *Сейчас я не говорю этого;*
- 6) *Потому что я ничего не могу сделать;*
- 7) *Из-за этого этот человек чувствует нечто плохое;*
- 8) *Х чувствует нечто вроде этого.*

Как видим, толкования значений отличаются седьмой позицией: в англо-саксонской лингвокультуре грусть – это нечто плохое, в русской – это чувство не маркировано.

Литература

Алефиренко, Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н. Ф. Алефиренко.– М.: Academia, 2002.

Апресян, Ю. Д. Коннотации как часть прагматики слова / Ю. Д. Апресян // Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языков и системная лексикография.– М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1995.

Болдырев Н. Н. Композиционная семантика как следствие оценочной категоризации мира / Н. Н. Болдырев // Композиционная семантика: Материалы III междунар. шк.-семинара по когнитивной лингвистике.– Ч. 1 / Отв. ред. Н. Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 2002.

Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая.– М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1999.

Верещагин, Е. М. Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров.– М.: Рус. яз., 1980.

Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф.– М.: Наука, 1985.

Гуревич, А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства / А. Я. Гуревич.– М.: Искусство, 1990.

Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт.– М.: Прогресс, 1984.

Караулов, Ю. Н. Общая и русская идеография / Ю. Н. Караулов.– М.: Наука, 1976.

Ковшова, М. Л. Культурный код как элемент культурной интерпретации фразеологизмов в лингвокультурологической парадигме исследования / М. Л. Ковшова.– Тула: Петровская Гора, 2007.

Левицкий, В. В. Экспериментальные методы в семасиологии / В. В. Левицкий, И. А. Стернин.– Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1989.

Никитин, М. В. Курс лингвистической семантики / М. В. Никитин.– СПб.: Науч. центр проблем диалога, 1996.

Новиков, Л. А. Семантика русского языка / Л. А. Новиков.– М.: Высш. шк., 1982.

Потебня, А. А. Символ и миф в народной культуре / А. А. Потебня.– М.: Лабиринт, 2000.

Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия.– М.: Наука, 1986.

Телия, В. Н. Русская фразеология: семантико-прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия.– М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1996.

Уфимцева, Н. В. Слово и культура / Н. В. Уфимцева // Когнитивная семантика: Материалы II междунар. шк.-семинара. Ч. 1 / Отв. ред. Н. Н. Болдырев.– Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 2000.

Глава 8

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЗНАЧИМОСТЬЮ

Языковое значение – это интерпретация
мира человеком.

Е. В. Падучева

8.1. Понятие лингвокультурной значимости

Кроме пространства вещественного значения ещё одним способом хранения культурной информации в языке является культурная значимость. Понятие значимости введено Ф. де Соссюром для обозначения места знака в системе, которое определяется на основе противопоставления другим знакам. Под значимостью понимают семантические отношения, возникающие между коррелирующими единицами. Данные отношения возможны при наличии интегральной и дифференциальной семантических частей. Различают следующие типы значимости: лексико-семантическую (синонимические, антонимические, партонимические, гиперо-гипонимические, ассоциативные отношения, тематические группы), синтагматическую, словообразовательную (деривационную) и пр. Те или иные семантические отношения (виды значимости) между единицами репрезентируют особенности концептуализации культурного знания, поскольку язык объективирует категоризацию явлений, обусловленную сложившейся в лингвокультурной общности ценностной шкалой.

Так, синонимический ряд *артистизм, ремесло, виртуозность, техника, искусство, сноровка, квалификация* вербализует разноаспектность в понимании такой концептуальной составляющей, как 'требуемая специальных навыков работа'. Осмысление осуществляется через сферу деятельности: *артистизм, ремесло, виртуозность, техника*; через характер деятельности (духовная, умственная, телесная, физическая): *искусство, сноровка, техника, виртуозность, ремесло*), через способ получения умения (путём обучения, тренировок, одарённость от природы): *квалификация, техника, сноровка*.

К. И. Мизин провёл исследование, в котором установил значимость гиперо-гипонимических парадигм. По мнению исследователя, гиперонимия уступает свои позиции гипонимии с Запада на Восток.

Наиболее чётко ценностную шкалу, актуальную для лингвокультурной общности, выражает количественный аспект репрезентации того или иного типа значимости. Так, количество синонимов, гипонимов, слов или фразеологических единиц в лексико-семантической группе эксплицирует ценность реалии для соответствующей лингвокультурной общности. Актуальность концептуального аспекта *место трудовой деятельности* подчёркивает большое число синонимов: *место, должность, служба, пост* и др.

Выделяют и статистический вид значимости, определяемый частотностью использования в речи языковых единиц. В своём исследовании «Понимание культур через посредство ключевых слов» А. Вежбицкая указывает значимость частотного показателя лексем для понимания

культуры [1999, 278]. Так, одним из самых актуальных слов русского языка является *дело*, что подтверждает значимость трудовой деятельности для членов русской лингвокультурной общности. Встречаемость этого слова, по данным частотного словаря Л. Н. Засориной, составляет 1919 раз. Из явлений действительности нарекается только то, что осознано, а осознаётся то, что имеет значение для лингвокультурной общности.

Таким образом, под **культурной значимостью** понимаются семантические отношения между языковыми единицами, вербализующие результаты концептуализации и категоризации культурного знания.

Культурная значимость может объективировать особенности понимания тех или иных аспектов концепта (культурно-когнитивные стратегии). Этот вид значимости, как мы могли увидеть выше, вербализован синонимическими, антонимическими, деривационными, ассоциативными парадигмами. В этом случае значимость реализует культурно-интерпретирующий потенциал того или иного языка.

Предметом репрезентации могут быть ценности той или иной культуры. Ценностно-ориентированная значимость указывает на актуальность явлений действительности. Этот вид значимости представлен численностью единиц в лексико-семантической группе, языковыми лакунами, а также статистической разновидностью значимости.

Плотность номинации является культурно обусловленным фактом. Так, в китайском языке большое число названий риса, в языках северных народов много названий снега. В языке американских индейцев одно название для дневного и ночного небесного светила. Безусловно, это свидетельствует о значимости данных явлений для лингвокультурной общности.

Количественный аспект лексико-фразеологических макрогруппировок указывает на степень актуальности знаний для той или иной нации, социальной группы, на глубину разработки данного ментального аспекта. Например, к наиболее крупной семантической группе в сфере кустарных терминологий относится «Номинации изделий», что обусловлено отсутствием дифференциации труда, изготовлением изделия из подручного материала с помощью имеющихся средств. Кустарь держал в сознании только внешний, целостный образ своего изделия.

Лексические лакуны отражают аспекты знания, неактуальные для той или иной лингвокультурной общности или социума. Так, в дискурсе ремесленника не было номинаций дефектов, технических показателей, что указывает на отсутствие чётких норм и параметров деятельности.

Особый интерес представляют собой компоненты устойчивых единиц, принимающие участие в образовании фразеологизма только в одном

языке. Например: *лаптем щи хлебать, мерить на свой аршин, жить бобылём* и др. Такие компоненты называются **идиолексами**.

В. И. Карасик отмечает: «...ценным для человека является то, что играет существенную роль в его жизни и поэтому получает многостороннее обозначение в языке. Семантическая плотность той или иной лексико-семантической группы слов, детализация наименования, выделение смысловых оттенков являются сигналом лингвистической ценности внеязыкового объекта...» [1996, 4]. Таким образом, ценностно-ориентированная значимость, в отличие от предыдущего вида, объективирует актуальные для той или иной лингвокультурной общности или социума знания.

Итак, значение (лексическое, фразеологическое) языковой единицы представляет собой структуру, состоящую из компонентов, несущих разнородную, но взаимосвязанную информацию. Каждый компонент является продуктом процесса категоризации. В компонентах значения воплощаются результаты культурно значимых человеческих практик, структурированность и системность самой культуры в целом. Ю. М. Лотман отмечал, что культура представляет собой не только склад информации, но и механизм, который определяет способы хранения этой информации [2000, 395]. Лексическая и фразеологическая семантика не только отражает культурно маркированные смыслы, но и интерпретирует универсальные аспекты знания в соответствии с атрибутами культуры, объективируя своеобразие организации культурного знания.

8.2. Отражение культурной информации синонимическими значимостями

Синонимия является одним из основных языковых средств, отражающих результаты процессов концептуализации. Лексические синонимы представляют собой вид словесной оппозиции, в основе которой лежит полное или частичное семантическое тождество. Рассмотрим семантические механизмы кодирования культурной информации в синонимическом ряду.

Семантическая специфика синонимов состоит в том, что они характеризуются тождеством денотативного компонента значения и возможностью варьирования сигнификативного и прагматического компонентов. Этот фактор положен в основу выделения полных и неполных синонимов. Тождество денотативного компонента значения синонимов проявляется в том, что они вербализуют один и тот же референт, который получает отражение в нашем сознании в виде денотата – представления о предмете. Так, синонимы *работать, делать, трудиться, шιαчить* имеют

одинаковую референциональную соотнесённость: они именуют процессы деятельности человека, которые определяют его биологические, психологические особенности как живого организма и характеризуются созданием каких-либо материальных или духовных ценностей. Отсюда следует, что синонимы обладают тождественной экстенциональной характеристикой значения. Данным признаком отличается большинство узуальных синонимов; чего нельзя сказать об окказиональных, а также идеографических синонимах (квазисинонимах, то есть языковых единицах, между которыми остаются значительные различия, препятствующие нейтрализации синонимов в большом количестве контекстов). Так, М. Шолохов в романе «Поднятая целина» отождествляет работу с борьбой за выживание, суетой: «*А потом опять в работе, в борьбе за кусок хлеба, в суете рассыивалась злоба и, тупая, ноющая, уходила боль...*» В таком употреблении автор отождествляет разнородные явления: трудовую деятельность, борьбу человека за собственную жизнь, пустые, не имеющие ценности хлопоты. Неодинаковая экстенциональная характеристика окказиональных синонимов «расшатывает» денотативные границы данного синонимического ряда, расширяя и углубляя тем самым исходный смысл. В приведённом примере значение ‘заниматься тем или иным делом’ обогащается за счёт отождествления с синонимами *борьба за кусок, суета*. В результате этого работе даётся низкая оценка, подчёркивается, что цель подобной деятельности сводится только к обеспечению средств для физического существования.

Синонимы группируются в ряды, или парадигмы (лексико-семантические группы). В лингвокультурологическом аспекте синонимический ряд можно представить как разновидность лингвосемиотического ряда. В. В. Колесов отмечает: «...семантическая доминанта, на основе которой строится... синонимический ряд, всегда восходит к какому-то специфически народному “образу”-представлению, которое создавалось в течение столетий и постоянно развивалось, отражая развитие национальной культуры» [1999, 205]. Такой подход отражает культурно-когнитивный аспект синонимии. Синонимы рассматриваются как вариативные презентации концепта, то есть анализ синонимических рядов призван решить задачи, как и какие особенности процесса концептуализации репрезентирует данное языковое явление.

Синонимический ряд, включающий в себя единицы, функционирующие на одном временном срезе, можно отнести к парадигме эпохи: *работа, труд, дело, занятие, деятельность, работёнка* и др.

Включение в синонимический ряд устаревших единиц даёт основание рассматривать его как эволюционный: *работа, труд, дело, занятие, излад* (устар. ‘работа для изготовления чего-либо’), *батрачество* (устар. ‘тяжкий труд’), *страдность* (устар. ‘труд слуги’), *переторжка* (устар.

‘работа, выполненная вторично’) и др. [СДЯ, СД]. В этом параграфе будет рассмотрен синонимический ряд, представляющий концепт «Труд», в синхроническом и диахроническом аспектах.

Синонимический ряд даёт возможность эксплицировать процессы концептуализации знания. Рассмотрим технологию выявления данного процесса на примере.

Если синонимический ряд ‘процесс трудовой деятельности’ представить в виде поля, то идеографические синонимы *труд*, *дело* будут входить в его центровую часть по причине частотных синонимических замен слова *работа* именно этими словами, а также благодаря простоте своего семного состава по сравнению с другими синонимами.

Между анализируемыми значениями слов *дело* и *труд* в настоящее время наблюдаются тенденции к специализации в процессах объективации смыслов, входящих в рассматриваемый концепт. Так, слово *дело* в настоящее время тяготеет к вербализации смыслов, структурирующих обыденную картину мира, а слово *труд* – научную.

Как уже говорилось, большинство синонимов отличаются друг от друга сигнификативным/прагматическим компонентами, то есть интенционалом и импликационалом значений. В зависимости от того, какими семами различаются синонимы от синонима-доминанты, выделяют следующие их типы: семантические (идеографические) – отличаются дифференциальными семами, стилевые – стилевыми семами, стилистические – оценочными, эмотивными семами. Дифференциальные семы уточняют, углубляют и расширяют то или иное исходное значение, коннотативные, оценочные и эмотивные дают ему иную прагматическую интерпретацию. Отсюда следует вывод, что семантические и стилистические синонимы объективируют процессы концептуализации, интерпретируют входящие в него смыслы.

Рассмотрим данный синонимический ряд в диахроническом и синхроническом аспектах, то есть представим его как эволюционный семиотический ряд и как парадигму эпохи.

Синонимический ряд с указанным семантическим инвариантом на предшествующих синхронных срезах являлся достаточно многочисленным. В него входило около 60 единиц. Большое число синонимов даёт свидетельство высокого социального рейтинга концепта «Труд». К настоящему времени около 80 % членов данной семантической парадигмы устарело: *детель*, *работина*, *работание*, *речь*, *художество*, *строение*, *сделование*, *дѣлательство*, *вопрос*, *смага*, *кознь*, *непразнь*, *ремество* и др. [СДЯ, СД].

Каковы особенности синонимического ряда 'процесс деятельности' на предшествующих исторических этапах?

Слово *работа* получает статус доминанты примерно в XVIII–XIX вв. Этот вывод основывается на следующих положениях. Во-первых, в СДЯ основное, прототипическое значение данного слова 'рабство, неволя', то есть не связанное с обозначением трудовой деятельности. Во-вторых, если учесть, что коннотации и имплицитные семы прямых значений эксплицируются переносными значениями, то можно утверждать, что слово *работа* использовалось преимущественно для обозначения подневольного труда, *труд* – тяжёлой физической и духовной деятельности, *дело* – для обозначения широкого спектра человеческих практик, в том числе трудовых.

Словарные толкования слов в СДЯ и СД, обозначающих процесс трудовой деятельности, не отличаются чёткостью разработки. Обычно легенда сводится к экспликации сем 'работа, труд, дело, занятие'. Между тем очевидно, что синонимы имели различия в семантике. Поэтому особую роль в определении семантических различий между синонимами играет внутренняя форма слова. Как уже говорилось выше, она является важным семантическим средством хранения культурной информации, объективирующим результаты концептуализации. Е. А. Иваникова отмечает: «...при исследовании синонимических отношений между словами не следует пренебрегать мотивированностью значения у тех слов, в которых она имеется. Учёт мотивированности значения помогает при сопоставлении синонимов, при определении особенностей синонимов» [1967, 119]. Обобщив внутренние формы синонимов, выделим базовые образы и установим гештальты, являющиеся продуктами процессов концептуализации и концептуальной категоризации.

Наибольшее количество синонимов имеет внутренние формы, соотносящиеся с базовым образом 'растрчивать много физической энергии при осуществлении деятельности'. Сюда входят такие синонимы, как *усилие, тягота, непосильщина, худога, коптение, корпение, маета, тяжание, истома, спѣхъ, бремя, гоньба* и др. [СДЯ, СД]. Как видим, внутренние формы интерпретируют смысл 'осуществление трудовой деятельности' как максимальное напряжение сил, нечто тяжёлое, динамичное, то, что может истощать человека. Очевидно, что данные внутренние формы продуцируют отрицательные эмотивные и оценочные коннотации, в виду чего данные синонимы можно квалифицировать как стилистические.

К этому же семантическому типу синонимов относятся единицы с базовым образом «эмоциональное напряжение»: *мытарство, страдание, попечение, мука* и др. [СДЯ, СД]. Образные основания, указывающие

на отрицательные переживания, также генерируют отрицательные эмотивно-оценочные коннотации.

Базовый образ «лишение свободы», характерный для ряда синонимов *закабаление, батрачество, послужение* и др. [СДЯ, СД] – интерпретирует трудовую деятельность как совершаемую против своей воли, что становится основанием для отрицательной коннотативной аранжировки значения.

Внутренние формы синонимов не только продуцируют те или иные эмотивно-оценочные коннотации, но и определяют идеографические различия. Образное основание слова *рукоделие* указывает на ручной труд, *день* – на дневную работу, *тѣнькотворение* – на качество выполнения деятельности, *подвизание* (родственно подвиг) – на значимость труда, *переторжка* ‘работа, выполненная вторично’, *кураж* ‘работа, выполняемая с задором’ – на способ выполнения, *корысть* ‘труд с целью получения определённой выгоды’, *надобность* ‘необходимая, неотложная работа’ – мотивы деятельности и др. [СДЯ, СД].

Таким образом, посредством внутренних форм на предыдущих синхронных срезах объективируются такие смыслы, как ‘физический аспект трудовой деятельности’, ‘эмоциональный аспект трудовой деятельности’, ‘причинность’, ‘характер труда’, ‘время его осуществления’, ‘качество выполнения деятельности’, ‘ценность работы’, ‘способ выполнения’. Синонимические средства языка преимущественно интерпретировали трудовую деятельность как подневольную, требующую большой физической энергии и эмоционального напряжения. Е. С. Яковлева отмечает, что различия между синонимами на предшествующих этапах развития языка были более очевидны, чем на синхронном срезе [1998, 43].

На данном синхронном срезе (рубеж XX–XXI вв.) насчитывается также около 50 синонимов, имеющих инвариантное значение ‘процесс трудовой деятельности’. Высокая степень актуальности указанного смысла на этом синхронном срезе проявляется в том, что среди современных значений многозначного слова *работа*, играющего роль доминанты синонимического ряда, семема ‘процесс трудовой деятельности’ имеет наибольшее число синонимов. Следующее с точки зрения значимости место занимает значение ‘то, что сделано’: оно имеет около 15 синонимов (*вещь, творение, создание, детище, плод* и др). Несколько ниже значимость смысла ‘место деятельности’: *должность, служба, место* и др. [ССА, ССЕ и др.]

Если рассматривать синонимический лингвосемиотический ряд ‘процесс трудовой деятельности’ в диахроническом аспекте, то следует отметить его существенную трансформацию. Во-первых, это выражается в уменьшении числа синонимов, что связано со специализацией значения

‘процесс трудовой деятельности’, развитием многозначности слова-доминанты. Если раньше семантические признаки могли редуцироваться: слова, обозначающие процесс трудовой деятельности, протекающий в той или иной сфере, соотносились с прототипическим значением, то на синхронном срезе появляется новая семема ‘круг обязанностей, род, вид трудовой деятельности’: промысел, хозяйство, служба и др. [ССА, ССЕ]. Во-вторых, в уменьшении доли стилистических и увеличении доли идеографических синонимов. В-третьих, в усилении структурированности ряда, что нашло своё выражение в определении семантического центра – доминанты.

Рассмотрим синонимический ряд на современном синхронном срезе. Если на предыдущих срезах для русского человека были актуальны физический, эмоциональный, социальный аспекты процесса трудовой деятельности (например, группа синонимов, характеризующих процесс трудовой деятельности с точки зрения его интенсивности имеет явно устаревший характер: *напряженье, усилие, старание, страда* и др.), то на современном срезе просматривается тенденция к усилению влияния научного сознания. Это находит своё отражение:

1) в увеличении числа синонимов-гиперонимов, то есть синонимов, которые указывают на деятельность вообще: *функционирование, занятие, деятельность, предприятие, кампания, деяние, практика* и др.;

2) в определении сфер деятельности с точки зрения её объекта, а именно: создание материальных, духовных ценностей (*производство, изготовление, создание, творение, созидание* и др.);

3) в определении сфер осуществления деятельности: *служба, хозяйство, бизнес, предпринимательство, промысел, ремесло* и др.;

4) в фазовой расчленённости деятельности: *операция* и др.

Углубление, конкретизация смыслов осуществляется и в аспекте ‘основная/дополнительная работа’, большое число синонимов, именующих смысл ‘дополнительная работа’, подчёркивают его значимость для русской языковой личности: *халтура, приработок, подработка, совместительство* и др. Кроме того, семантизируются такие смыслы, как ‘причина деятельности’ (*забота, наряд*), ‘способ её выполнения’ (*аврал, подёница*) и др.

Таким образом, синхронный синонимический ряд объективирует изменение когнитивной стратегии. Если раньше значения синонимов отражали большую сосредоточенность на человеке (физический, эмоциональный, социальный аспекты трудовой деятельности), то на современном срезе наблюдаются тенденции к онаучиванию при концептуализации труда. Синонимы репрезентируют такие слоты фрейма «Труд», как «фазы

процесса труда», «время протекания процесса», «место протекания процесса», «способ осуществления деятельности», «объект деятельности».

Синонимия не только отражает процессы концептуализации действительности, но и служит экспликации культурных установок и стереотипов, которые, с одной стороны, утверждают понимание труда как созидательной, общественно полезной деятельности, обязанности и долга каждого человека: *Труд самый обыденный, чёрный, пахнувший потом, труд-делание, труд-долг...* (Д. Гранин); *Пресчастливей человек, умел довольствоваться, умел трудиться, быть полезным на всяком месте, куда бы судьба ни бросала...* (А. И. Герцен); *...Мужик этот, человек работающий, одно слово, человек правильный...* (Г. И. Успенский) и др.; рвение русского человека к работе: *...Вспоминая... «своих баб», которые так были «завистливы» на работу, что принимались за жнитво до свету...* (Г. И. Успенский), а с другой стороны, труд осмыслиется как мука, гнёт, необходимость: *...Всё свидетельствовало о трудовой, неродостной жизни...* (И. С. Тургенев); *И жена, и взрослые дети – все мучатся хуже каторги; даже подростки – и те разделяют общую страдную муку* (М. Е. Салтыков-Щедрин) и др.

Большой интерес для лингвокультурологии представляет явление эвфемии. Каждая эпоха, культура определяет для себя зоны табу, которые номинируются смягчённо. Так, у первобытных народов табуирование слов возникло на почве мифологических верований. Запрету обычно подлежали прямые обозначения смерти, болезней, богов, животных, на которых охотились (прямое наименование сулило охотнику неудачу или даже смерть). С. П. Корнейчук отмечает, что эвфемизмы «являются тем самым языковым феноменом, который поможет судить о характере народа, так как именно данный пласт лексики четко реагирует на то “приятное” и “неприятное”, которое имеет место в данном социуме, пытаясь “смягчить ситуацию” [2002; 42].

Итак, синонимический лингвосемиотический ряд интерпретирует и ценностно маркирует смыслы, структурирующие концепт. Культурные аспекты интерпретации проявляются в процессе структурирования синонимического ряда, который заключается в формировании его центра – доминанты, а также синонимов, в наименьшей степени отличающихся своей семантикой от доминанты и чаще всего её заменяющих в различных контекстах, в оформлении семантических типов синонимов: идеографических, стилистических, стилевых. Идеографические синонимы отражают процессы конкретизации, углубления смыслов, стилистические и стилевые – их эмоционально-оценочную и ситуативную интерпретацию. Эволюционный синонимический лингвосемиотический ряд объективиру-

ет изменение когнитивной стратегии. Тем самым эволюционный лингвосомиотический ряд отражает изменения в ценностной парадигме.

Синонимический ряд, состоящий из слов, обладающих наивысшей степенью лингвистической релевантности, отражает основные для данной лингвокультурной общности ценности. Ценностный аспект объективируется и количественным составом синонимических рядов.

8.3. Отражение культурной информации антонимическими значимостями

Антонимические парадигмы относятся к семантическим средствам, которые наиболее чётко и ясно интерпретируют процессы концептуализации и категоризации. Такое утверждение обусловлено тем, что предметы и их свойства «противоположны не сами по себе, не по своему денотативному значению, а как результат вербального осмысления, оценки, включения в систему языка, в группы слов, обозначающих то же самое качество, свойство, отношение и т. п.» [Новиков, 1973, 56]. Тем самым антонимические парадигмы отражают особенности видения и понимания мира, на что указывала А. Вежицкая, анализируя контрастивные пары *душа – тело* в русском языке и *тело – ум (mind)* в английском [1997, 22]. Таким образом, антонимическая парадигма представляет собой вербализованный таксон тезауруса культуры.

При объективации концептов русской культуры антонимия играет особую роль: она помогает показать противоречивость, антиномичность русского характера, мировидения, в частности неоднозначное и порой полярное отношение русского человека к явлениям действительности: *И вот в этой-то ежеминутной зависимости, в этой-то массе тяготы, под которой человек сам по себе не может и пошевелиться, тут-то и лежит та необыкновенная лёгкость существования, благодаря которой мужик Селянович мог сказать: «меня любит мать сыра земля». И точно любит: она забрала его в руки без остатка, всего целиком, но зато он и не отвечает ни за что, ни за один свой шаг. Раз он делает так, как велит его хозяйка-земля, он ни за что не отвечает: он убил человека, который увёл у него лошадь, – и невиновен, потому что без лошади нельзя приступить к земле; у него перемерли все дети – он опять невиновен: не родила земля, нечем кормить было; он в гроб вогнал вот эту свою жену – и невиновен: дура, не понимает в хозяйстве, ленива, через неё стало дело, стала работа. А хозяйка-земля требует этой работы, не ждёт* (Г. И. Успенский). Окасиональные антонимы,

используемые в данном сложном синтаксическом целом, призваны объективировать противоречивость бытия русского трудового человека: с одной стороны, труд, земля требуют от него активности, с другой – являются причиной духовной пассивности, безответственности.

Как известно, антонимическая оппозиция в своей основе имеет интегральный признак. К. Маркс отмечал, что любая категория начинает развитие с тождества. Данный признак является семантическим отражением смысла, который будет подвергаться детализации, дифференциации на составляющие, осмысляемые как противоположные. Процесс детализации, разложения исходного смысла на составляющие на семантическом уровне выражается в усложнении исходной семемы взаимоисключающими дифференциальными семемами. Тем самым антонимия указывает на усложнение, углубление исходного смысла.

Проиллюстрируем сказанное примерами.

Так, в основе антонимической пары *труд – безделье* лежит интегральный признак ‘отношение к процессу, направленному на создание материальных и духовных ценностей’. Формирование антонимической оппозиции между словами отражает усложнение данного признака дифференциальными семемами ‘участие в процессе vs. неучастие в процессе’.

Л. А. Новиков отмечал, что «...противопоставление понятий осуществляется в пределах более широкого понятия, раскрывающего качество, признак, свойство, отношения и т. п. предметов... В этом смысле антонимии можно рассматривать как предел проявления того или иного качества, признака, свойства или отношения, а сами антонимы – как обозначение этого предела» [1973; 30]. Поэтому противоположность осмысляется в качестве диалектической основы развития: слова *труд – безделье* репрезентируют в настоящий момент разные, но генетически родственные концепты.

Трансформация антонимических парадигм может отражать смену идеологием. Так, если в русской народной культуре будни противопоставлялись праздникам, труд – отдыху, то идеологемы советского времени, подчёркивая приоритет, иной общественный и технический характер труда в социалистической стране, редуцировали указанную оппозицию: «**Трудовые будни – праздники для нас**».

Антонимия вербализует процессы концептуализации. Так, противоположные смыслы, структурирующие концепт «Труд», репрезентируются средствами составной номинации. Слова *работа, дело, труд* указывают на интегральное содержание, а их распространители – на дифференциальные признаки. Таким образом, антонимические парадигмы, репре-

зентирующие концепт «Труд», отражают лингвистически нерелевантные смыслы. Вероятно, это связано с их новизной.

Основная когнитивная стратегия, вербализованная подобными антонимичными сочетаниями слов, сводится к следующему: труд имеет две стороны, одна сторона положительно интерпретируемая, соответствующая культурным установкам, другая – отрицательно, не соответствующая культурным установкам. В поэтической форме эта оппозиция была выражена Н. А. Некрасовым как «нарядная» и ненарядная стороны труда: «...Но даже и труд обернётся сначала к Ванюше нарядной своей *стороной*...»

Таким образом, антонимические парадигмы отражают, с одной стороны, особенности развития концепта, углубление процессов концептуализации, с другой – ценностную шкалу, функционирующую в той или иной лингвокультурной общности.

Итак, мы рассмотрели лексические разновидности культурной значимости. Словообразовательная и синтаксическая значимости будут описаны ниже.

Литература

Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая.– М.: Рус. словари, 1997.

Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая.– М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1999.

Иванникова, Е. А. О роли мотивированности значения в синонимических отношениях слов / Е. А. Иванникова // Лексическая синонимия / Отв. ред. С. Г. Бархударов.– М.: Наука, 1967.

Карасик, В. И. Культурные доминанты в языке / В. И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград; Архангельск: Перемена, 1996.

Колесов, В. В. Жизнь происходит от слова / В. В. Колесов.– СПб.: Златоуст, 1999.

Корнейчук С. П. Эвфемизмы и национальный менталитет / С. П. Корнейчук // Стилистика и культура речи.– Пятигорск, 2002. – С. 42–49.

Мизин, К. И. Этнокультурное влияние на языковую концептуализацию мира: верификация двух гипотез / К. И. Мизин // Идиоматика и познание. Т. 1.– Белгород: Изд-во БГУ, 2008.

Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман.– СПб.: Искусство СПб, 2000.

Новиков, Л. А. Антонимия в русском языке (семантический анализ противоположности в лексике) / Л. А. Новиков.– М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1973.

Яковлева, Е. С. О понятии «культурная память» в применении к семантике слова / Е. С. Яковлева // Вопр. языкознания.– 1998.– № 3.

Глава 9

КВАЗИСИМВОЛЫ, КВАЗИЭТАЛОНЫ, ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ЕДИНИЦЫ

Знаками регулируют движение по земным, водным и воздушным путям, символы ведут по дорогам жизни.

Н. Д. Арутюнова

9.1. Особенности формирования символических значений

Любой тип информации может быть репрезентирован и подведён под ту или иную категорию. Культурно маркированная языковая единица может соотноситься как с референтом, так и с идеей. Поэтому процесс категоризации культурной информации имеет по меньшей мере два вида.

Первый вид, когда языковая единица имеет референциальную соотнесённость, использует традиционную модель лексической категоризации. Например, культурно маркированный смысл «крестьянин, освобождённый от уплаты подати за землю» репрезентируется словом (структурный аспект лексической категоризации) – субстантивированным существительным *белопашенный*. Данное слово входит в лексикотематическую категорию «Земледельцы», формирует категории антонимическую: *белопашенный – тягловой*, синонимическую: *белопашенный – бестяглый, нетяглый*, гиперо-гипонимическую: *белопашенный – земледелец*.

Культурно маркированные языковые единицы, соотносящиеся только с миром идей (второй вид категоризации культурной информации), имеют две ступени категоризации. На первой ступени тот или иной смысл воплощается в значение языкового знака: он оформляется в виде коннотации. На втором этапе данный знак функционирует как тот или иной культурный

эталон, символ. При этом культурно маркированная языковая единица становится константой, универсалией для лингвокультурной группы. Этапы категоризации этого вида разделены большим временным промежутком, поскольку процессы эталонизации, символизации связаны с длительной работой коллективного сознания, отражающего генезис культуры.

Символическое значение рождается из коннотативного. Проиллюстрируем это положение примером. Так, использование русской лингвокультурной общностью слова *овечка*, наблюдения за референтом порождают коннотации 'слабость', 'робость'. Процесс возникновения коннотаций характерен для первого этапа культурной категоризации. На втором этапе коннотации слова меняют свой статус: переходят в зону денотации; данное содержание для членов языкового коллектива становится культурной константой, эталоном робкого, безответного человека.

А. В. Кравченко писал об особенностях формирования символических значений: «...Появление всякого символа возможно лишь через переосмысление и модификацию уже существующих знаковых отношений между различного вида эмпирических сущностей» [2001, 107]. Формирование языкового символа *мозоль*, с одной стороны, обусловлено культурными смыслами, что находит своё отражение в коннотациях слова, с другой – сам символ становится элементом материальной культуры. В результате такого интерактивного взаимодействия языка и культуры, двух семиотических систем, культурная информация кодируется языковыми средствами, а языковые знаки получают способность выполнять функцию знаков культуры [Телия, 1999, 14]. Воплощение языка в культуру осуществляется посредством языковых стереотипов, квазиэталонов, квазисимволов, культурно маркированных языковых единиц, эксплицированных в полном виде культурные установки. Квазисимволы и квазиэталоны – это единицы культуры, сформированные средствами естественного языка. Таким образом, вербальные знаки формируют, с одной стороны, языковые категории, с другой – культурные.

Квазистереотипы, зафиксированные внутренними формами, становятся базой для формирования квазиэталонов и квазисимволов. Сущность этого процесса могут составлять процедуры сравнения, противопоставления, установления причинной зависимости. В. В. Красных отмечает: «...коды культуры образуют систему координат, которая содержит и задаёт эталоны культуры» [2002, 257].

9.2. Семантическая специфика квазиэталонов и квазисимволов

Языковые символы могут репрезентировать стереотипные представления об окружающем мире (квазисимволы) или о качествах человека (квазиэталоны). Так, квазисимволы трудовой деятельности: *весна, голова, дом, заря, спасибо, земля, зерно, живот, колос, лето, мозоли, нива, осень, плоды, поле, пора, пот, пуп, плуг, спина, соха, страда, топор, хлеб, хомут, утро, хребет* – отражают представления о процессе трудовой деятельности, его видах, способе, времени, месте его осуществления, результатах труда. Квазиэталоны объективируют представления о мере затрачиваемых человеком усилий в процессе труда, о степени владения мастерством и др.: *вол (бык), как белые люди, дурак, золотые руки, Золушка, как машина, муравей, как негры, как папа Карло, пчела, как рабы, Фигаро*.

С. А. Кошарная так характеризует значение слова-символа: «Слово-символ – это своеобразная формула, кодирующая взаимоотношения двух разных по своему характеру и противопоставленных по ряду признаков значений – лексического значения и слова и значения символа. Первое опирается на определённые лексические связи, второе – подразумевается, для его раскрытия требуется... своеобразная “разгадка” на основе контекста» [2002, 25]. Тем самым в семантике символа можно усмотреть два семантических плана.

В. Н. Телия отмечает, что семантика квазисимволов и квазиэталонов специфична: слово в этом случае указывает не на референт (обозначенный предмет), а на какую-либо идею, репрезентированную образом данного референта. «...Культурно-национальные символы, воплощённые в языковое “тело”, – это всегда словозначение, выполняющее функцию символа: языковая единица награждается устойчиво ассоциируемым с ней смыслом, который и указывает на концепт, не являющийся её собственным языковым значением» [Телия, 1996, 243–244]. Тем самым символ опирается на содержание, которое служит планом выражения для более сложного, культурно значимого значения. Например, квазисимволы *вол, бык* указывают не на домашнее тягловое животное, а на идею максимального проявления сил при выполнении трудовой деятельности – идею, которая репрезентируется образами этих животных.

Н. Ф. Алефиренко отмечает: «...Доминирующим для слова-символа является референт-идея, а референт-предмет выполняет при этом фоновую роль» [2003; 84].

Глубинность и многомерность семантики языкового символа выражается в том, что символ никогда не может полностью реализовать свои

значения. Ю. М. Лотман отмечает, что «связи, в которые вступает символ с помощью своего выражения с тем или иным семиотическим окружением, не исчерпывают всех его смысловых валентностей. Это и образует тот смысловой резерв, с помощью которого символ может выступать в неожиданные связи...» [2000, 242]. Например, квазиэталон *как негры* имеет значение «человек, выполняющий тяжёлую, грязную, подневольную работу; много работающий и прочее». Тот или иной контекст актуализирует некоторые из названных сем. Однако данный квазиэталон может иметь и иное значение. Так, А. С. Серафимович в рассказе «Семишкура» использует значение данной единицы при описании людей, выполняющих тяжёлый, подневольный труд: *«Но больше всего едкая пыль въедается в людей, – негртянское царство, где нет лиц, а лишь сверкающие белки да зубы»*. Авторское использование квазиэталона *негр* – тот, кто занимается тяжёлым физическим низкооплачиваемым трудом, во-первых, меняет интерпретацию внутренней формы: негр (тёмнокожий) не по естественному цвету кожи, а от пыли, во-вторых, актуализирует новые смыслы, отражённые потенциальными семами ‘обезличивание, нивелирование человека’, ‘постоянная, бессмысленная работа’.

Углубление семантики квазисимвола осуществляется путём абстрагирования прямого значения: происходит расширение значения. Так, *плуг* изначально являлся символом земельного труда, позже значение расширяется – *плуг* становится символом труда вообще.

Семантика квазиэталона и квазисимвола характеризуется антропоцентричностью, культурной маркированностью, образностью и экспрессивностью. Компоненты значения репрезентируют многомерную информацию о ценностях, стандартах и стереотипах, установках, сформированных данной лингвокультурной общностью, хранят продукты эмоционального переживания явлений действительности.

Языковые символы являются устойчивыми координатами, константами данного лингвокультурного пространства. «Символы представляют собой один из наиболее устойчивых элементов культурного континуума», – утверждает Ю. М. Лотман [2000, 241]. Это выражается в том, что языковые символы обобщают и организуют квазистереотипы, отражают доминанты языковой интерпретации тех или иных аспектов действительности. Они закрепляют наблюдения, которые стали житейскими правилами.

Как можно заметить, квазиэталоны, в отличие от квазисимволов, всегда экспрессивны. Ср.: *зерно* – символ результата труда – и *пчела* – эталон человека, много работающего на пользу общества, вызывающий положительную оценку и одобрение. Как видим, в значение ква-

зиэталоны включена положительная оценочная и одобрительная эмоциональная семы.

Квазиэталоны культурно маркированы. Так, в русской лингвокультуре эталоном жестокости выступает *волк*, а в чешской – *воронёнок*. Эталон изворотливости у русских *уж*, у немцев – *кошка*, у англичан – *грач*. А. К. Байбуриин указывает: «Тот факт, что одни вещи включаются в область “материальной культуры”, а другие (не менее материальные) – в область “духовной культуры”, свидетельствует, прежде всего о том, что им приписывается разный семиотический статус» [1989, 72]. При этом надо заметить, что в некоторых языках квазиэталоны совпадают: ягнёнок – эталон кротости, пчела и муравей – эталон трудолюбия.

Таким образом, символы характеризуются образностью, мотивированностью, многозначностью, семантической диффузностью, культурогенностью.

Э. Сепир отмечал, что «символ концентрирует ценности» [1993, 627]. Репрезентации тех или иных слотов квазисимволами и квазиэталоны образуют ряды, члены которых связаны тождественными, эквивалентными, привативными отношениями. Языковые символы организуют массивы квазистереотипов в культурный тезаурус, объединяя несколько лингвокультурем (лингвосемиотических рядов), объективированных средствами различных культурных кодов. Эти процессы связаны с установлением семантических связей, с одной стороны, между квазисимволами и квазиэталоны, с другой – с соотносимыми с ними квазистереотипами. Совокупность квазисимволов и квазиэталонов, репрезентирующих тот или иной концепт, образует своеобразную сеть взаимных связей и отражает особенности той или иной культуры. Рассмотрим ряды квазисимволов и квазиэталонов. Процесс трудовой деятельности символизирует слово *хому́т*, которое выражает идею тяжести, принуждённости трудовой деятельности, отрицательного восприятия труда. Данный квазисимвол обобщает вербализованные представления о труде, нейтрально или отрицательно его интерпретирующими, в рамках:

а) акционального кода – как пути, повседневных занятий, действий, требующих максимального проявления сил: *тяглый, тянуть, тягло, маятис#, маячить, усиловать, спешити, поди-ка попляши, работат на гребях, съп @тьникъ* и др.;

б) антропоморфного кода – как человека, выполняющего те или иные функции, проявляющего чувства, связанного определённым типом социальных отношений: *работа с зубами, а леность с языком; работа дураков любит; работа молчит, а плеча крехтят;* и др.;

в) фетишного кода – как падающего или покрывающегося плесенью предмета: *у него дело из рук валится; работа в руках плеснеет*; и др.;

г) анимического кода – как трудовой деятельности, представленной образами тех или иных природных стихий: *гора дел; вертеть горами; свернуть горы; «Труд... – это море бездонное»* (Н. Михайловский) и др.

Квазисимвол *хомут* связан привативными отношениями с квазисимволами: *дом, голова, земля, нива, поле, соха, топор, плуг*.

9.3. Когнитивная специфика квазиэталонов и квазисимволов

Квазиэталоны отражают компрессированные ценности человеческого сознания, типичные представления о тех или иных явлениях действительности. Квазиэталоны первыми приходят на ум при ответе на вопросы типа: «Как называется человек, обладающий качествами... свойствами, делающий что-либо?» На этом основании можно предположить, что они репрезентируют прототипы. Так, вербализованные представления об опытном человеке *опытный, бывалый, выдавший виды, обстрелянная птица, обстрелянный волк, старый волк, искушённый, умудрённый, матёрый, наторелый, видалый* и др. могут быть обобщены и ёмко образно представлены квазиэталоном *стреляный воробей*.

Формирование того или иного квазиэталона, репрезентирующего прототип категории, опирается на практический опыт, наблюдения человека за действительностью либо на архетипические представления, априорно передающиеся от поколения к поколению. Так, наблюдения за поведением птиц легли в основу формирования прототипов рано или поздно встающего или ложащегося спать человека и вербализации их квазиэталонами *жаворонок, сова*.

Прототипический характер квазиэталонов подтверждается рядом их функциональных, номинативных характеристик.

Во-первых, квазиэталоны частотны в речи носителей языка. Они широко используются в различных речевых жанрах (особенно в прецедентных текстах), выступают в качестве названий произведений, что свидетельствует об их текстообразующих функциях: *«Иван-царевич и Серый волк»*, *«Лиса и волк»* и др.

Во-вторых, квазиэталоны обладают высоким продуцирующим потенциалом. Они часто выступают в роли ономаσιологического базиса при образовании слов и устойчивых единиц. Ср.: *попугай* → *попугайничать*, *обезьяна* → *обезьяничать*. *Волк* → *не за то волка бьют, что сер, а за то, что овцу съел; волка ноги кормят; с волками жить по-*

вольчьи вить. Ворона → ворона в павлиньих перьях, белая ворона, ни пава ни ворона.

Многие квазиэталоны сохранили древнейшие представления об устройстве мира. По-видимому, это было связано с установившемся в русской лингвокультуре двоеверием. «В дальние углы культуры, в народные низы, к смердам, отодвинулось древнее славянское миропонимание. Но великие леса надёжно хранили в своей глубине связь человеческого существа со стихиялями... Так были заложены основы двоеверия, не исчезавшего в России вплоть до XX века» (Д. Андреев).

9.4. Прецедентные языковые единицы

Прецедентными называются хорошо известные всем представителям лингвокультурной общности, актуальные, воспроизводимые в речи языковые единицы. В сознании языковой личности прецедентные имена хранятся в виде концептов. Данные единицы могут обозначать ситуации (*Ходынка, Смутное время*), качества характера (*Ломоносов, Павлик Морозов, Баба-яга*). Источники прецедентных текстов – песни, реклама, анекдоты, художественные и публицистические произведения. Прецедентные единицы могут быть тесно связаны с каким-либо текстом (*Анна Каренина, Обломов*) и существовать автономно от текста: *Моцарт, Макаренко* и др. Прецедентные тексты – значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, то есть хорошо известные окружению данной личности. Данные тексты хрестоматийны, они являются элементами национальной памяти, часто носители языка забывают их автора и название.

Прецедентные единицы метафоричны, они обозначают новый смысл, так или иначе связанный с семантикой исходного имени. Например, *папа Карло* ‘бедный, добрый, честный человек’. Формирование семантики прецедентного имени сходно с процессом образования значения квазисимвола и квазиэталона.

Прецедентные имена объективируют шкалу ценностей. Прецедентные имена представляют собой особый разряд квазиэталонов.

Литература

Алефиренко, Н. Ф. Проблемы вербализации концепта / Н. Ф. Алефиренко.– Волгоград: Перемена, 2003.

Байбурин, А. К. Семиотические аспекты функционирования вещей / А. К. Байбурин // Этнографическое изучение знаковых средств культуры.– Л., 1989.

Кошарная, С. А. Миф и язык / С. А. Кошарная.– Белгород: Из-во БГУ, 2002.

Кравченко, А. В. Знак, значение, знание: Очерк когнитивной философии языка / А. В. Кравченко.– Иркутск: Иркут. обл. типография, 2001.

Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / В. В. Красных.– М.: Гнозис, 2002.

Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман.– СПб.: Искусство СПб, 2000.

Телия, В. Н. Русская фразеология: семантико-прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия.– М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1996.

Телия, В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В. Н. Телия // Фразеология в контексте культуры.– М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1999.

Глава 10

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ЗНАЧИМОСТИ

Всё во мне и я во всём.

Ф. Тютчев

10.1. Культурно-когнитивный потенциал производного слова

В своей работе «Язык» Э. Сепир отмечал: «Содержание всякой культуры может быть выражено с помощью её языка, и не существует таких элементов языкового материала, ни содержательных, ни формальных, которые не символизировали бы никакого реального значения...» [1993, 226]. Это точное замечание американского лингвиста позволяет нам дать новую интерпретацию производным словам, словообразовательным гнездам, категориям, типам.

Словообразовательная система как средство выражения культурных смыслов имеет двойственное положение: с одной стороны, словообразовательные единицы репрезентируют грамматические концепты, с другой – лексические. Исследование культурного потенциала словообразо-

вательных единиц осуществлялось в работах ряда учёных. Так, А. Вежицкая изучала культурно-когнитивный потенциал онимов в английском, русском и польском языках. Используя метод семантических примитивов, исследовательница показала, что экспрессивные дериваты в указанных языках имеют разное количественное соотношение, прагматический потенциал. Основу этих различий учёный видит в архетипических структурах англо-саксонской и русской культур: рациональности первой и эмоциональности второй. Основным культурно-когнитивным показателем А. Вежицкая считает количественный аспект. Р. В. Браун и М. Форд указывают: «Интересна тенденция увеличения личных имён в зависимости от близости в отношениях, поскольку она соответствует известному психосемантическому принципу. В языковых обществах степень лексической дифференциации предметной области зависит от важности этой области для данного сообщества... Имя собственное концептуализирует человека как уникальный организм. Но когда интерес к человеку растёт, вместо одного имени собственного индивид реализуется в целом ряде разных имён. Возможно, такая дифференциация помимо индивидуализации выражает также различные манифестации или способы восприятия кого-то близкого» (цит. по: Вежицкая А., 1997, 197).

В последнее десятилетие словообразовательные единицы попадают в поле пристального внимания когнитологии и лингвокультурологии: производное слово рассматривается как особый тип структуризации знаний, пропозициональная структура, как единица категоризации и под.

При этом производное слово ещё не стало «испытанным» объектом лингвокультурологии. Этот факт можно объяснить тем, что словообразовательные значимости имеют имплицитный характер.

Е. С. Кубрякова отмечает, что производное слово, в отличие от непроизводного, имеющего холистичную семантику, расчленённо. Это свойство отражает особенности процесса концептуализации, структуризации знаний. Производное слово соединяет два представления, актуализирует уже известные знания, подчёркивая тем самым их ценность, и на их основе формирует новые. Актуализация уже известных знаний происходит при соотношении, сопоставлении нового смысла со старым, уже обозначенным. В виду своей целостности, производное слово указывает на более высокую степень организации, оформленности знания, а значит, и на большую актуальность репрезентируемых смыслов. Е. С. Кубрякова отмечает: «...Создание производного слова и его принятие обществом косвенно свидетельствует о том, что некий комплекс значений, который может быть... выражен и расчленённым способом, нуждается в специальном наименовании из-за косвенности и постоянной повторяемости

данного комплекса в неизменном виде, т. е. в силу его важности для говорящих на данном языке или отнесённости к отдельной реалии...» [1981, 56]. Таким образом, процессы деривации имеют выраженную ценностную направленность. Означивая в языке тот или иной смысл, дериват указывает на связи, с одной стороны, с референтом, с другой – с миром слов. М. Г. Шкуропацкая по этому поводу замечает: «Производное слово развивает во внутреннем лексиконе более сложные и многомерные связи, чем простое слово. Кроме ассоциативных связей, присущих простому слову, у производного протягиваются линии отношений с производящими словами, с однокоренными, одноструктурами и разноструктурными образованиями» [1999, 36]. Эту особенность производного слова Е. С. Кубрякова назвала двойной референцией, «референции к миру действительности, типичной для класса слов вообще, и референции к миру слов, типичной для вторичных единиц номинации» [1981, 10]. Двойная референция производного слова указывает как на актуальность знака, так и на значимость той или иной реалии.

Производное слово является одним из основных средств лексической категоризации. Специфика категоризации средствами дериватов обусловлена свойством двойной референции. С одной стороны, производное слово отражает «сортировку» на ментальном уровне, с другой – указывает на отношения и связи в провербальном пространстве. «Новое наименование формируется как мотивированный знак именно потому, что в основу этого наименования кладётся некий признак, уже обнаруженный в другом предмете и имеющий своё название» [Кубрякова, 1981, 36].

10.2. Вербализация культурной информации словообразовательными макроединицами

Эксплицируем культурную информацию, содержащуюся в словообразовательных макроединицах: словообразовательном гнезде, категории, типе, модели, а также в отношениях между составляющими этих макроединиц. Продуктом деривационных отношений между словами является словообразовательная значимость – один из видов парадигматической значимости. Словообразовательная деривационная значимость отражает преимущественно ценностную парадигму, функционирующую в той или иной лингвокультурной общности. В. И. Карасик отмечает: «...Различие между представлениями тех или иных концептов выражается большей частью не в наличии или отсутствии определённых признаков, а в частотности этих признаков и их специфической комбинаторике...» [1996; 10]. Рассмотрим особенности воплощения данной информации в слово-

образовательные гнёзда, типы и др., – в единицы, являющиеся материальным выражением деривационной значимости.

Совокупность однокоренных производных слов, упорядоченных отношениями словообразовательной мотивации, называется словообразовательным гнездом. Так, количество словообразовательных гнёзд, репрезентирующих тот или иной концепт, свидетельствует о его значимости для лингвокультурной общности. Особый интерес для лингвокультурологии представляет явление множественности производности (кодеривации), при котором несколько производных слов, находящихся на одном этапе словообразования, имеют общую словообразовательную базу. Члены такой словообразовательной парадигмы образуют словообразовательные звенья. Отношения кодеривации указывают на высокую степень значимости вербально выраженного понятия. Так, в словообразовательном гнезде «Работать» насчитывается 36 словообразовательных парадигм, в гнезде «Трудиться» – 13, в гнезде «Делать» – 54. Наиболее многочисленными по количеству членов являются следующие: *делать* – 78 кодериватов, *дело* – 25, *трудиться* – 14, *труд* – 15, *трудовай* – 17, *работать* – 31, *работа* – 23, *работник* – 19, *рабочий* – 11, *обрабатывающий* – 19, *обработка* – 14. Таким образом, актуальными для языкового сознания являются названия действий, представляемых как процессно, так и посредством предметных и признаковых категорий, а также названия исполнителя деятельности.

Культурная информация, указывающая на ценностные аспекты, объективируется словообразовательными типами и моделями. Словообразовательные типы и модели представляют собой структурное уточнение словообразовательной категории. Словообразовательный тип выделяется на основе общности формантной части, модель – морфонологических явлений, которые сопровождают процессы деривации. Так, слова *работник*, *труженик* входят в один словообразовательный тип, так как мотивируются глагольной основой, имеют тождественное значение, одинаковый формант, но представляют разные морфонологические модели: *работник* – модель с усечением производящей основы, *труженик* – модель с усечением производящей основы и чередованием. Актуальность явлений подчёркивается многообразием словообразовательных типов, морфонологических моделей, используемых для репрезентации смыслов, так или иначе с ним связанных. Так, в рамках словообразовательного гнезда «Работать» используется более 60 словообразовательных типов, около 50 словообразовательных морфем, в гнезде «Делать» – около 80 словообразовательных типов и 66 морфем, в гнезде «Трудиться» – около 40 словообразовательных типов и 28 морфем.

10.3. Лингвокультурные аспекты словообразовательного значения

Единицы разных словообразовательных гнезд могут быть классифицированы – с точки зрения тождества словообразовательных значений, категориальной принадлежности, формантной части – в словообразовательные категории, типы, модели.

Наиболее проблемным основанием подобной классификации является словообразовательное значение.

Под словообразовательным значением следует понимать семантическое произведение отношений между ономаσιологическим признаком и базисом. Таким образом, словообразовательное значение репрезентируется не только словообразовательным формантом, но и производящей основой. Словообразовательное значение является составляющей плана содержания производной единицы и может выражаться как с помощью разных с формальной точки зрения производящих основ и формантов, так и с помощью тождественных. Дериваты, имеющие тождественное словообразовательное значение, формируют словообразовательную категорию.

При определении словообразовательных значений в поле зрения попадают семантические отношения между производным и производящим. Продуктивные словообразовательные значения указывают на актуальные для лингвокультурной общности смыслы. Ономаσιологические структуры отражают этапы языковой категоризации. Ономаσιологический базис указывает на процессы выделения реалии, подведения её под определённый класс явлений: процесс, лицо, инструмент и др. На когнитивном уровне ономаσιологический базис коррелирует с результатами процесса соотнесения смысла с тем или иным слотом. Например, ономаσιологический базис «лицо (человек)» соотносится со слотом «исполнитель деятельности»: *работник, работничек, работяга, рабочий* и др. Ономаσιологический признак предполагает сопоставление признаков этой реалии с признаками других, подобных реалий. Например, ономаσιологические признаки слов *работничек, работяга* представляют собой разную степень интенсификации, противоположную эмотивно-оценочную интерпретацию признака «осуществлять трудовую деятельность».

Словообразовательное значение играет важную роль в процессах языковой категоризации концептуальных структур, отражает их членение, особенности понимания, степень значимости.

Словообразовательное значение представляет собой произведение от соотношений производящей и производной основ. Многообразие подобных соотношений дает возможность выделить несколько типов отношений:

- отношения мутации (морфологической деривации, лексической деривации). Основным семантическим признаком этих отношений является существенное отличие в значении производного от семантики соответствующего производящего, что проявляется на семном уровне: меняется архисема, добавляются новые дифференциальные семы: *работать* → *работник*; *трудиться* → *сотрудник*;

- отношения модификации. Семантическую специфику этих отношений составляет несущественное отличие значения производного от значения производящего: производное обычно отличается от производящего одной дифференциальной семой: *труженик* → *труженица*, *дело* → *дельце*;

- отношения транспозиции (синтаксической деривации). Особенностью этих отношений является изменение категориальной принадлежности производного слова при сохранении лексического значения: на семном уровне это находит отражение на уровне грамем и лексико-грамматических сем: *работа* → *работный*, *деловой* → *по-деловому*;

- отношения эквивалентности. Семантических изменений в этом случае не происходит. Следует говорить только об изменении плана выражения, формального варьирования слова (сюда относятся, в частности, разные виды аббревиации): *ответственный работник* → *ответработник*.

Каков культурно-когнитивный потенциал этих отношений?

Мутационные отношения косвенно объективируют «глубину» разработки тех или иных концептуальных структур. Словообразовательные значения, входящие в этот тип, репрезентируют новые смыслы. Если концептуальный каркас можно сравнить с деревом, то словообразовательные значения, составляющие данный тип, – это ствол и наиболее толстые ветви этого дерева. Мутационные отношения – это центровая часть производных репрезентаций.

Отношения эквивалентности и транспозиции указывают на высокую степень значимости того или иного смысла. Указанные типы отношений, видоизменяя план выражения, подчёркивают важность той или иной порции знаний. В частности, говоря об универбации, Е. С. Кубрякова замечает: «Цель таких процессов сохранить старый опыт и связать его с новым, донести в сжатом, компрессированном виде, но вместе с тем и в достаточно прозрачной форме, необходимую по тем или иным соображениям информацию» [1981, 61]. Подобные репрезентации не просто выражают один и тот же смысл, но и расширяют вербальные возможности его трансляции.

Модификация объективирует разработку концептуальной структуры «вширь» и отражает не появление смыслов, а новую аранжировку, уточнение старых.

Соотношение типов словообразовательных значений в гнездах рассматриваемых глаголов отражает когнитивные стратегии, реализации которых они служат.

Итак, производное слово, словообразовательные макроединицы (типы, модели, гнезда, парадигмы) отражают ценностную направленность процесса номинации. Ценностный аспект культурной информации может выражаться количественным составом словообразовательных гнезд, продуктивностью ономаσιологических структур, типов словообразовательных значений, многообразием словообразовательных типов и моделей.

Лексическая маркированность слотов, явления кодеривации, продуктивные ономаσιологические структуры, словообразовательные значения, пропозициональные структуры указывают на значимость явлений действительности.

Литература

Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая.– М.: Рус. словари, 1997.

Кубрякова, Е. С. Типы языковых значений: Семантика производного слова / Е. С. Кубрякова.– М.: Наука, 1981.

Шкуропацкая М. Г. Семантика словообразовательного типа в языковом сознании / М. Г. Шкуропацкая // Филология и культура: Материалы междунар. конф. / Отв. ред. Н. Н. Болдырев.– Ч. 1.– Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. пед. ун-та, 1999.

Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир.– М.: Прогресс, 1993.

Глава 11

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ МОРФОЛОГИИ И СИНТАКСИСА

То, что говорит язык, казалось интереснее того, что говорит на языке человек.

Н. Д. Арутюнова

В науке существует точка зрения, что культурная специфика языка охватывает только его лексический и фразеологический уровни. С таким утверждением согласиться нельзя. Грамматическое значение, ввиду своей высокой абстрактности, отражает категоризацию мира, которая формировалась столетия, начиная с формирования, развития и дальнейшего функционирования языка. Однако нельзя не согласиться с тем, что культурные аспекты в грамматике определяются значительно сложнее, чем в лексике и фразеологии. Можно выделить основные и вспомогательные лингвокультурные грамматические явления. Обозначим грамматические культурно маркированные координаты.

11.1. Основные лингвокультурные явления в морфологии

Явления, которые имеют культурно маркированные грамматические значения, мы относим к основным. Рассмотрим их.

Несомненно, особенности русского миропонимания отражены в категории одушевлённости имени существительного. Так, на этапе становления этой категории одушевлёнными были только существительные, обозначающие лиц мужского пола. Вероятно, на это влияли религиозные установки, отводившие женщине второстепенную роль. До сих пор в русском языке различаются по одушевлённости слова *покойник/труп*, что опять же связано с религиозными представлениями о том, что душа не сразу покидает тело человека.

Культурно значима категория рода. Это подтверждает тот факт, что в разных языках слова могут не совпадать по этому признаку. Данный морфологический признак является категоризирующим для любого языка, в котором он имеется. В финском языке не дифференцируются по роду местоимения 3-го лица, что, безусловно, говорит о гендерной недифференцированности.

С. А. Кошарная указывает на лингвокультурные причины грамматического выделения группы существительных на *-мя* [2002, 204]. Эти существительные формируют своеобразный текст, кодирующий человеческие ценности.

Зарождение человека – *бремя*.

Рождение человека, его узнавание – *знамя*.

Обретение души – *пламя*.

Именование его как обретение человеческой сущности – *имя*.

Вскармливание человека – *вымя*.

Обретение разума – *темя*.

Продолжение рода – *семя*.

Формирование рода – *племя*.

Жизнь человека – *время*.

Жизнь рода, его движение во времени – *стремя*.

Лингвокультурная специфика русского местоимения состоит в регулярном использовании неопределённых местоимений: *кто-то, что-то, кое у кого, один* и других, что отражает склонность русского сознания к неопределённости. В русской речи часто опускается местоимение, обозначающее принадлежность. *Он надел шляпу*, а не *Он надел свою шляпу*. Эта черта подчёркивает индифферентность русского сознания к собственности, склонность к коллективизму.

Для русской лингвокультуры большую значимость имеют местоимения *мы, наши*, которые репрезентируют представления об общности лиц, объединяемых по какому-либо признаку. Данные местоимения соотносятся с ментальной оппозицией «свой/чужой» и выражают положительные коннотации. Эти представления имеют архетипическую основу. Ю. С. Степанов отмечал: «Мир в древнейших культурах индоевропейцев – это то место, где живут люди “моего племени”, “моего рода”, “мы”, место, хорошо обжитое, хорошо устроенное, где господствует “порядок”, “согласие между людьми”, “закон”; оно отделяется от того, что вне его, от других мест, вообще – от другого пространства» [1997, 95].

Существует мнение, что артикль связан с категорией собственности, приватности, персональности. Как известно, эта ментальная сущность малопродуктивна в русской лингвокультуре, что объясняет отсутствие данной части речи в русской грамматике.

Русской лингвокультуре присуща категория безличности. Это объясняется свойственной русскому менталитету иррациональностью и неагентивностью (А. Вежицкая), неконтролируемостью, отсутствием ответственности за происходящее действие. Русские не признают логического объяснения жизни, на явления природы смотрят как на непостижимые и непредсказуемые, считают, что человеку не подвластна его собственная жизнь, что способность контролировать жизненные события ограничена. Эта ментальная категория находит своё выражение безличными глаголами и словами состояния: *ему было холодно, живу дурно, мне живётся очень плохо, его переехало трамваем, его убило молнией*. Данные словоформы подчёркивают фатальность, стихийность действия, смиренность.

Грамматическая категория времени отражает представления о цикличности или линейности данного феномена. Д. С. Лихачёв отмечал:

«Обычные представления о будущем связывают его с тем, что находится впереди (ср.: *у него еще целая жизнь впереди* или: *наше будущее впереди*). Обычные же представления о прошлом связываются с представлениями о том, что находится сзади (ср.: *все страхи у него позади* или: *у него за плечами годы упорного труда*). Настоящее, с точки зрения обычных представлений нового времени, находится между прошлым и будущим.

Иными были временные представления в Древней Руси. Прошлое в X–XIII вв. (а частично и позднее, точные хронологические пределы установить вряд ли возможно) ассоциировалось прежде всего с тем, что **впереди**. «“Передний” означало “прежний, прошлый”; ср.: “Тое же зимы даша Изяславу Туров и Пинеск к Меньску, то бо бяшесть его осталоя, передние волости его” (Лавр. лет., под 1132 г.); или: “Како оставили передний князи, тако платите дань” (Новг. I лет., под 1229 г.); или: “Прародители его по изначальству были в приятельстве и в любви с передними римскими цари, которые Рим отдали папе” (“Памятн. дипл. снош. России с держ. иностр.”, т. I. СПб., 1851, с. 17, под 1489 г.); или: “Ино то царь брат наш делаешь гораздо, что на своей правде крепко стоишь и нашу переднюю дружбу к себе помятуешь” (“Памятн. дипл. снош. Моск. государства с Крымом и Ногаями и Турциею”, т. II. СПб., 1895, с. 255, под 1516 г.). Так же точно одно из значений слова “перед” было “прежде, раньше”; ср.: “Томь же лете и Ладога погоре, переди Новагорода” (Новг. I лет., под 1194 г.); или: “О нем же переде сказахом” (Ипат. лет., под 1283 г.). С теми же представлениями о прошлом как о находящемся **впереди** какого-то определенного временного ряда связано и одно из значений слова “первый” (ср. хотя бы в “Слове о полку Игореве”: “първых времянь **усобиць**”; “о, стонати Руской земли, помянувше пръвую годину и пръвыхъ князей!”). Этимологические остатки этих древних представлений сохраняются отчасти и поныне (в слове “прежде” и др.), но как **конкретные представления** о прошлом они в новое время отсутствуют» [1984, 255].

Предлоги отражают национальные представления о времени и пространстве. Например, в немецком языке указание на временные границы, которые имеют своё начало в прошлом, передаются предлогом *seit*, а в будущем – предлогом *ab*. В русском языке эти отношения не дифференцируются и передаются одним предлогом – *с*, что свидетельствует о неактуальности для русской лингвокультурной общности этого временного параметра.

Существует мнение, что формирование троичных грамматических категорий: прошедшее – настоящее – будущее; первое – второе – третье

лицо; и др. – так или иначе связано с формированием нового представления о пространстве как трёхмерной сфере, пониманием триединства божественной силы [Кошарная, 2002, 62].

11.2. Вспомогательные лингвокультурные явления в морфологии

Явления, которые не имеют культурно маркированной грамматической семантики, но описываются на основе грамматического признака, относятся к вспомогательным. Например, имена собственные характеризуются культурогенным лексическим значением, но выделение данной группы слов производится с опорой на грамматический признак. Рассмотрим некоторые из вспомогательных лингвокультурных грамматических явлений.

Каждый этап развития лингвокультуры популяризирует определённую группу имён собственных. Это может быть связано с актуализацией тех или иных мифологем, историй, легенд, событий. В некоторых случаях имена собственные отражают идеологемы. Например, имена *Октябрин(а)*, *Даздраперма*, *Вилен*, *Владлен(а)*, *Ренат(а)* отражают персоналии, символы, ценности советской лингвокультуры.

Многие русские фамилии хранят память о древних именах-оберегах, то есть явлениях, которые, по мнению русских, оберегали человека от нечистой силы. Судьба предопределена не только волей Господа, но и зависит от правильности выбора мирского имени: *Кручинин*, *Злобин*, *Распутин*, *Бестужев*, *Некрасов*, *Нелюбов*.

Большой лингвокультурный потенциал имеют прозвища. Обычно они репрезентируют наиболее яркий признак той или иной личности, оценку её деятельности. Так, добрая память о князе Владимире сохранилась в русском народе, который дал князю ласковое прозвище – Владимир Красное Солнышко.

Переход в имена нарицательные, формирование на их базе устойчивых единиц говорит об их высокой значимости для лингвокультурной общности: *валять ваньку*, *Фома неверующий*, *во всю ивановскую* и др. Часто имя собственное выступает в роли нарицательного, называющего представителей той или иной национальности: *русский* – *Иван*, *немец* – *Фриц*, *еврей* – *Мойша* и др. Безусловно, что данные имена являются популярными в соответствующих культурах. Характерно, что типизируются мужские имена, что свидетельствует о маскулинности русской лингвокультуры.

Культурогенностью обладают качественные прилагательные, особенно те, которые являются цветообозначениями. А. Вежицкая в своей книге «Язык. Культура. Познание» говорит о том, что «цвет – это не универсальное человеческое понятие...» [1997, 231]. Действительно, в европейской культуре чёрный является цветом траура, а в восточной – белый. Учёные такую интерпретацию цвета объясняют следующим образом: «Не все люди знакомы с морем или снегом, земля не везде коричневая <...> и даже зелень травы зависит от количества в ней влаги и от расположения на открытом солнце...» [там же, 234]. Национальную специфику имеют цветовые определения абстрактных существительных. Так, русские зелёный цвет связывают с тоской, а американцы – с ревностью. Каждая лингвокультурная группа создаёт уникальные названия оттенков основных цветов. Цвет может символизироваться. Например, в русской лингвокультуре *белый* является символом чистоты, *чёрный* – смерти, *зелёный* – неопытности, *серый* – заурядности.

Закрытость имени числительного как части речи обуславливает её высокую культурогенность. Так, с чётными числами связаны представления с завершённостью, конечностью, с нечётными – с незавершённостью и бесконечностью.

С числом тринадцать связаны представления о неудаче. Это находит научное объяснение: «...В двенадцати лунных месяцах было только триста пятьдесят четыре дня и время от времени приходилось вставлять добавочные месяцы, соответствующие тринадцатому знаку зодиака, ворону. Излишность их делала тринадцать несчастливым числом, да и ворон был птицей недоброй» [Шейнина, 2006].

Актуальность представлений, связанных с числами, подтверждает тот факт, что числительные становятся компонентами фразеологических единиц.

Русский коллективизм является причиной негативных коннотаций у числа *один*: *один в поле не воин; одному и у каши не спорю; одному и топиться скучно; один, как медведь в берлоге*. Ср.: с положительной оценкой числа *два*: *ум хорошо, а два лучше; два одному рать*. В то же время с этим числом связаны представления о неустойчивости, неясности, лживости: *бабушка надвое сказала; слуга двух господ*.

С числом *четыре* связаны представления об устройстве мира: *на все четыре стороны; четырём ветрам кланялся*.

Близкие представления связаны с числом *семь*. Семь лежит в основе устройства мира, времени, организации принципов человеческого общежития: *семь дней сотворения мира, семь основных тонов, семь цветов, семь смертных грехов (на седьмом небе от счастья, седмица ‘неделя’)*.

С опорой на числа *семь, восемь, девять* и другие репрезентируются представления о чём-либо значительном, большом, далёком: *семи пядей во лбу; семеро одного не ждут; делай дело за семерых, а слушайся одного; в тридевятом, тридесятom царстве; сорок сороков* и др. Князя Ярослава Галицкого называли **Осмомыслом**, то есть очень мудрым.

Многие числа вербализуют религиозные представления: *седьмой день на Бога* (отражает одну из христианских заповедей). С числом *девять*, например, связаны представления о том, что на девятый день душа умершего человека попадает в потусторонний мир. Поэтому поминки назывались встарь *девятинами*.

Культурно-специфична система счёта и единиц измерения. Так, В. И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» пишет: «встарь считали сороками и девяностами». Месторасположение отмерялось от Москвы. **Пядь** ‘предельное расстояние между концами указательного и большого пальцев руки’, **локоть** ‘две пяди’, **сажень** ‘расстояние между концами пальцев широко раскинутых рук’, **верста** ‘мера длины, равная 1,06 километра’. В русской культуре десятичную дробь принято отделять запятой, в английской – точкой. Русские выделяют тысячи пробелом, американцы – запятой. В России дата 12.01.01 означает 12 января 2001 года, в американской – 1 декабря 2001 года (то есть первые цифры обозначают месяц, а вторые – число).

Название многих русских числительных отражает особенности русского опыта. Так, числительное *сорок* по происхождению является существительным со значением ‘рубаха’. Ср.: современное сорочка. В сорок можно было положить 40 шкурков соболей. Особенности национального мировосприятия отражены в названиях числительных **тыма** – 10 000, **легион** – 100 000, **леорд** – 1 000 000, **ворон** – 10 000 000.

Частицы, звукоподражания, междометия привязанны к той или иной культуре. Это проявляется в том, что каждый народ по-своему выражает свои эмоции, слышит окружающий его мир. Например, русские подзывают кошку звукоподражанием **кыс-кыс**, а немцы **митце-митце**. Русские скажут для выражения одобрения **вот это да!** Немцы – **Alle Wetter!** (что буквально переводится как **вся погода**). При выражении упрёка мы говорим **не упрямясь!** Немцы – **Sei doch kein Frosch!** (что буквально переводится как **всё-таки не будь лягушкой**). Междометные выражения не совпадают и по внешней, и по внутренней форме. Так, этимология междометия **спасибо** отражает религиозные представления русского человека, внутренняя форма слова **пожалуйста** отражает этикетные формулы и особенности структуры древнерусского общества.

Однако можно встретить подобные несовпадения и в содержании. Например, в одном языке междометие есть, в другом отсутствует. Сравним соответствия междометий в русском и английском языке:

Уф! / Phew!

Ай! / Ouch!

Фу! (отвращение) / Pee-you!

Оп-пля! / Whoops! Ooops!

Ау! / Hallo!

Тьфу! (отвращение, досада) / Nuts!

11.3. Лингвокультурные аспекты синтаксиса

Специфика осмысления тех или иных сторон действительности может находить своё выражение в синтагматических связях слов. Г. С. Щур отмечает: «Синтагматические сочетания единиц обусловлены экстралингвистическими факторами и их отражают» [1974, 90]. В. И. Карасик подчёркивает, что информационный потенциал слова «выявляется в более или менее широком контексте через сочетаемость слова» [2002, 57]. Сочетаемостные свойства слов Н. Ф. Алефиренко отнёс к проявлению их синтагматических значимостей [1999, 56]. Распространители (классификаторы) слов отражают особенности интерпретации явлений, обозначенных ключевыми словами. О. О. Борискина указывает на эффективность данной методики в лингвокультурологических исследованиях и предлагает проводить её через последовательное применение следующих операций: «1) выявление дистрибуции классифицируемых элементов; 2) определение и ограничение набора синтаксических позиций, замещаемых классифицируемыми элементами; 3) изучение признаковой семантики языковых единиц, выполняющих функцию классификатора существительных; 4) интерпретация собственной сочетаемости классификаторов; 5) отнесение существительного к тому или иному криптоклассу, выделенному на основании собственной сочетаемости классификатора» [1999, 155]. Определение культурных аспектов синтагматической значимости состоит в моделировании лингвосемиотических рядов на основе выделения базовых образов классификаторов ключевых слов концепта, культурно-когнитивной интерпретации полученных лингвокультурем. Наиболее ценную информацию об особенностях миропонимания несут косвенные номинации, что учитывается при отборе классификаторов.

Классификаторы анализируемых слов, характеризующиеся стёртой образностью, обнаруживают «ориентацию образа на отражаемую дейст-

вительность в чистом виде...» [Телия, 1991, 25], без эмотивно-оценочных «наслоений». Инварианты образной семантики классификаторов вербализуют архетипические представления человека, определяющие особенности концептуализации действительности. Проиллюстрируем сформулированные выше положения на примере распространителей слова *дело*.

Так, классификаторы слова *дело* соотносятся с антропоморфным и фетишным культурными кодами.

«Дело-человек» наделяется целым рядом внутренних и внешних признаков. Оно имеет интересы (*в интересах дела*), ему можно быть преданным (*предан делу*), им можно увлечься (*увлечься делом*), его можно любить (*любить дело*), ему можно изменить или служить (*изменить/служить делу*). Семантика классификаторов показывает, что «Дело-человек» обладает ценностным статусом.

Оно имеет личностные черты: может быть подлым, великим, благородным, справедливым, скандальным, может требовать, терпеть (*дело – подлое, великое, благородное, справедливое, скандальное, требует, терпит*). Тем самым в сознании русской языковой личности «Дело-человек» предстаёт в эмоциональном ореоле: оно способно вызывать одобрение или порицание.

«Делу-человеку» приписывается ряд физиологических черт: полые различия (*мужское дело, женское дело*), голос («*Учись, сынок, работать так, чтобы дело пело...*» (В. Арыгин); «*И пройдёт по устам Слава громким делам...*» (А. И. Полежаев)); способность передвигаться (*дело идёт, продвигается, остановилось, стало, спешное дело*; «*Начинаются комплименты,— сказал Кривицкий,— а дело будет стоять*» (Д. Гранин)); питаться («*...Дело, которое их поглощает...*» (А. И. Герцен)). Таким образом, можно утверждать, что данный образ характеризуется детальной проработкой: языковая личность представляет не только внутренний мир «Дела-человека», но и его внешний облик. Классификаторы этого типа актуализируют смы 'гендерная значимость', 'динамика'.

В рамках фетишного кода *дело* предстаёт как:

- предмет. Этот предмет можно потрогать (*браться за дело*), бросить, держать в руках (значит, он не очень большой: *бросить дело*; «*Наше дело маленькое, слушай да подчиняйся*» (Д. Гранин); «*Весь рабочий персонал... выпустил дело из своих рук*» (Ф. Гладков)), но может быть и большим (ср. также *большое дело*). В последнем случае он, видимо, полный. В него можно войти: *войти в дело, быть в деле, проявить себя в деле*. Он может перемещаться: *курс дела*. Кроме этого «Дело-предмет» имеет пространственную характеристику: его можно поставить (*поставить дело*), к нему можно перейти, приступить (*перейти к делу, присту-*

пить к делу), до него нужно добираться (*бывать по делам*). Оно имеет временную (может быть *старым* и *новым*) и утилитарную характеристику (может быть *полезным* и *бесполезным*). «Дело-предмет» можно перемещать: «...**Повести дело энергично**...» (А. С. Макаренко);

- **вещество** (*масса дел*). Это вещество клеящее (*оторвать от дел, замешан в дело*), текучее (*дела текут*), обладает жизнеобеспечивающей функцией: «**Всяк живёт своим делом**» (Ф. Гладков).

И как вещество, и как предмет *дело* может иметь характеристику по цвету, чистоте (*тёмное дело, чистое дело, грязное дело*).

Контекстное окружение позволяет сделать вывод, что «Дело-предмет» требует непосредственной причастности, включённости субъекта, характеризуется с точки зрения актуальности и этичности. Представая в нашем сознании в образах человека, предмета, вещества, дело имеет ценностную характеристику, в том числе и с точки зрения личной заинтересованности и оценки: *своё дело, чужое дело, не моё дело, дорогое дело, защищать дело, отстаивать дело, бороться за дело*; «**Меня всегда терзает зависть, когда я вижу людей, занятых чем-нибудь, имеющих дело...**» (А. И. Герцен); характеристику по весу: *тяжёлое/лёгкое*.

Итак, классификаторы слова *дело* в значении ‘трудовая деятельность’ соотносятся с тремя базовыми образами: человек, предмет, вещество – и эксплицируют следующие коннотации, отражающие особенности процесса концептуализации: ‘ценность’, ‘эмотивность’, ‘гендерная значимость’, ‘динамика’, ‘непосредственная причастность’, ‘включённость’, ‘актуальность vs. неактуальность’, ‘этичность vs. неэтичность’. Образы, продуцирующие данные коннотации, восходят к антропоморфным и фетишным архетипам.

Таким образом, одним из проявлений синтагматической значимости является экспликация коннотаций определяемого слова. Данные коннотации носят культурно обусловленный характер, так как они отражают традиции словоупотребления в русском языке. Косвенно-номинативные слова-распространители служат образной интерпретации явлений, обозначенных определяемыми словами, которая отвечает сложившимся в русской лингвокультурной общности представлениям, культурным установкам, стереотипам. На традиции словоупотребления немалое влияние оказывает этимология, содержание семантического инварианта многозначного слова, семный состав значения.

Культурная специфика отражена в синтаксическом строе языка. Например, в сравнении с немецким языком, имеющим фиксированный порядок слов, передающий пунктуальность национального характера, русский язык отражает некую свободу грамматического выражения мысли.

Культурная значимость может отражаться в продуктивности синтаксических явлений. Так, продуктивность односоставных предложений в русском языке отражает концентрированность русского сознания на действии, а не на субъекте: *Стучу в дверь. Стучишь в дверь. В дверь стучат.*

Фатализм, иррациональность, алогичность, страх перед непознанным отражает продуктивность безличных предложений. Так, А. Вежицкая, рассматривая русский язык сквозь призму синтаксически и морфологически скудного английского, видит в безличности неконтролируемость и иррациональность русского менталитета, пациентивную ориентацию русского синтаксиса, которая является следствием взгляда на мир как на совокупность событий, не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому разумению [Вежицкая, 1997, 55–76]. По мнению С. Г. Тер-Минасовой, одним из объяснений этого синтаксического явления русского языка может быть коллективизм менталитета его носителей, стремление не представлять себя в качестве активного действующего индивидуума, желание снять с себя ответственность за происходящее. В тех случаях, когда в русском языке употребляются безличные синтаксические модели, в английском языке имеют место личные формы: *думается, что – I think; есть охота – I am hungry; холодаем – It's getting cold; мне холодно – I am cold; мне не спится – I don't feel like sleeping.* Отсюда возникает вывод о том, что в английском языке человек берет на себя и действие, и ответственность за него, а в русском языке и действия, и ответственность безличны, индивидуум растворен в коллективе, в природе, в стихии, в неизвестных, необозначенных силах [Тер-Минасова, 2003, 528–529].

Склонность русских писателей к использованию полипредикативных предложений отражает тенденции русского сознания к аналитизму, морализации, дидактизму.

Таким образом, грамматика, хотя и в меньшей степени, чем лексический и фразеологический уровни, отражает особенности национальной культуры.

Литература

Вежицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежицкая.– М.: Рус. словари, 1997.

Кошарная, С. А. Миф и язык / С. А. Кошарная.– Белгород: Изд-во БГУ, 2002.

Лихачёв, Д. С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени: Моногр. / Д. С. Лихачев.– 2-е изд., доп.– Л.: Худож. лит., 1985.

Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования / Ю. С. Степанов.– М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1987.

Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова.– М.: Изд-во МГУ, 2004.

Шейнина, Е. Я. Энциклопедия символов / Е. Я. Шейнина.– М.: АСТ; Харьков: Торсинг, 2006.

Щур, Г. С. Теории поля в лингвистике / Г. С. Щур.– М.: Наука, 1974.

Глава 12

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ДИСКУРСА И ТЕКСТА

Текст – это истинный стык лингвистики
и культурологии...

В. А. Маслова

12.1. Лингвокультурные аспекты дискурса

Как известно, дискурс имеет три аспекта: семантический, прагматический, синтаксический. Под семантикой дискурса понимают совокупность его интенций (назначений, установок), под прагматикой – способы выражения этих интенций, под синтактикой – связи одного дискурса с другими, а также изменение дискурса по отношению к себе самому. Рассмотрим культурно маркированное содержание каждого из аспектов.

Ключевыми в семантическом измерении дискурса становятся понятия ментальной сферы субъекта и идеологии. Дискурс определяется социально-историческими и идеологическими факторами, в частности он обусловлен продуцирующим его социальным институтом (структурой, для которой характерен ряд общественно значимых функций). В. И. Карасик отмечает: «Социолингвистический анализ дискурса... требует учёта сложившихся в обществе институтов, таких, например, как образование, медицинская помощь, армия, судопроизводство, политическая деятельность, коммерция, спорт. <...> Общественный институт... представляет собой феномен культуры в его духовном и материальном выражении» [1999, 5–6]. Дискурсы, порожденные социальными институтами, называются *институциональными*. К институциональным дискурсам относят *политический, административный, юридический, военный, педагогический, религиозный, медицинский* и др. Объектом лингвокультурологии является изучение репрезентации концептов в различных дискурсах, выявление специфики концептуализации и категоризации знания.

Для определения дискурса не менее важны его *интенции* (назначение). Так, Церковь как социальный институт, продуцирует религиозный дискурс. Основной задачей здесь выступает духовное единение людей. Идеологию религиозного дискурса для русской лингвокультурной общ-

ности представляют христианские догмы. Субъектом, продуцирующим правовой дискурс, является государство. Система актуализированных ценностей здесь определяется государственным строем, программой, законами и пр. Этот дискурс направлен на регулирование правовых отношений между субъектами в социуме. Школа как система учебно-воспитательных организаций порождает педагогический дискурс. Интенцией педагогического дискурса является всестороннее развитие личности как члена определённого социума. С развитием культуры интенции дискурса могут меняться.

Дискурсы культивируют ту или иную идеологию, под которой, А. Ж. Греймас и Ж. Курте предлагают понимать систему актуализированных ценностей [1983, 496].

Дискурс как коммуникативно-прагматическая деятельность развёртывается (осуществляется) в том или ином человеческом коллективе в ту или иную культурную эпоху. Протекание этого вида деятельности соотносится с действующей в то или иное время идеологией. Идеология связана с определённой социально-исторической формацией. Тем самым дискурс обусловлен той или иной социально-исторической формацией. Дискурс, обслуживающий определённую формацию в потенциальном измерении, формирует дискурсивную формацию. Смена социально-исторических формаций ведёт к изменению дискурсивных. Разработка понятия дискурсивной формации принадлежит французскому философу М. Пешё, который в работе «Прописные истины» дал такое определение дискурсивной формации: «то, что может и должно быть сказано в определённой идеологической формации» [1999, 265]. Так, в эпоху романтизма основными темами были тоска, одиночество, свобода, а, например, тема гражданского долга, актуальная для классицизма, была не востребовавшая.

Дискурсивная формация принуждает к определённой интерпретации событий, текстов. Она навязывает одну из возможных интерпретаций, которая субъекту представляется как единственная. Так, в новозаветной легенде показывается, как первосвященники для отягчения вины Иисуса переводят слово *Царь* из религиозного в политический дискурс и тем самым навязывают Понтию Пилату единственный способ интерпретации значения слова: «...если отпустишь Его, ты не друг кесарю; всякий, делающий себя царём, противник кесарю» (Ин. 19:12). Тем самым они перенесли духовный, эзотерический смысл слова «Царь», вложенный в него Иисусом, из религиозного в политический дискурс, в котором это слово приобрело иной, государственный смысл.

Лингвокультурные аспекты прагматического измерения дискурса фокусируются на формах выражения интенций дискурса в той или иной

культуре. В этом аспекте рассматривается культурная специфика ролевых позиций, сформированный в культуре прототипический вариант и др. Например, с течением времени меняются ролевые позиции административного дискурса, типичные сценарии его протекания.

Большим интересом для лингвокультурологии является изучение коммуникативных стратегий, тактик, интенций. Так, Ю. В. Жуматова в ходе исследования особенностей русского и английского комплиментов выяснила, что в русской лингвокультуре комплименты чаще говорят мужчины, в английской – женщины. Русские комплименты более обобщённые. Основной интенцией русского комплимента является желание вызвать жалость, успокоить адресата. Русскими чаще выделяются такие качества, как доброта и ум, англоговорящими – скромность, благовоспитанность, честность [Жуматова, 2009].

Для дискурса характерна незавершённость. Дискурсивные практики осуществляются постоянно, переходя из одной в другую. Функционирование и развитие дискурса, которое можно условно выразить схемой «что я говорил раньше → что я говорю теперь → что я скажу позже», называется **интрадискурсом**. Интрадискурс М. Пешё понимал как функционирование дискурса по отношению к нему самому. Из приведённой схемы очевидно, что дискурс не имеет начала, он всегда опирается на предшествующий дискурсивный материал, играющий для него роль сырья, первичной материи. Например, один текст культуры является ответом на другой. В нём акцентируются положения предыдущего текста, уничтожается его аргументация. Знаки и правила их употребления, которые заимствуются из предыдущего дискурса, называются **преконструктами**. Преконструкт – это след в дискурсе настоящего предшествующих дискурсов, поставляющих своего рода заготовку, сырьё для данного дискурса. Анализу преконструктов посвящена работа П. Серио «Русский язык и советский политический дискурс». Автор анализирует частотность и особенности функционирования слов типа *коммунизм*, *строительство*. Наблюдая, как эти элементы перекочёвывают из докладов Н. Хрущёва в доклады Л. Брежнева, П. Серио приходит к выводу, что данные слова частотны в речи и употребляются преимущественно в форме родительного падежа. Далее автор выдвигает гипотезу, что употребление этих словоформ связано с внешней для текстов средой. Изучение семантики конструкций, в которые были включены данные словоформы, показали, что их употребление связано с игнорированием чувства ответственности за сказанное.

Понятие преконструкта указывает на иллюзорность доминирующей роли субъекта при порождении дискурса. Традиционно считается, что субъект является источником порождения смысла в дискурсе. Однако

категории интердискурса, преконструкта подвергают эту точку зрения критике. Традиционное мнение о решающей роли субъекта в процессе функционирования дискурса М. Пешё в своей работе «Прописные истины» подверг критике, образно сравнив принятые представления о субъекте с Мюнхгаузеном, который сам себя вытащил из воды за волосы. Дискурс обладает высокой степенью предсказуемости, но субъект дискурса рассматривается не как отправная точка. При обращении индивида в субъект дискурса происходит идентификация индивида с дискурсивной формацией, которая доминирует над ним. Безусловно, в анализе дискурса учитывается субъект, но он находится на равных с другими составляющими дискурса, то есть не рассматривается как источник производимого смысла и не считается полностью ответственным за него, хотя и мыслится как составная часть процесса производства смысла.

Анализ лингвокультурных аспектов дискурса предполагает обобщение текстов культуры, созданных в рамках одного дискурса, выявление типичных средств выражения и интерпретацию их в соответствии с действующей в то время системой ценностей, или идеологией.

12.2. Культурная специфика текста

Тест является проявлением культуры. Ю. М. Лотман отмечал, что культура живёт в своих текстах. Общепринятым является утверждение, что текст имеет план содержания и план выражения. Рассмотрим, культурно маркированные аспекты указанных аспектов текста.

В плане выражения текста культурно значимыми являются особенности архитектоники. В. А. Маслова пишет: «...Коллективное знание задаёт ориентиры, в соответствии с которыми автор придаёт тексту определённую структуру, отвечающую принятым культурой требованиям к языку, ценностям, стереотипам, оценкам» [2004, 77]. Например, форма текстов документов отличается национальной спецификой. Это касается особенностей расположения реквизитов, их набора (он может меняться от эпохи к эпохе). К формальным проявлениям культурной специфики мы относим и вербальные элементы текста. Например, этикетные формулы (приветствия, обращения, прощания) и др. В. И. Заика отмечает: «Язык, на котором написан текст, очень много может сказать о культуре и истории народов, говоривших на этом языке» [2006, 131].

Культурная специфика плана содержания проявляется в нескольких аспектах.

Во-первых, она отражается в денотативном пространстве текста. Выбор темы текста, структурирование положения дел, отражённого

в тексте определяется актуальными для культурной эпохи установками, эталонами, ценностями. В. И. Заика указывает: «...Тема относит к определённой сфере культурного опыта, который актуализируется не столько при, сколько для построения той художественной действительности, которая представлена в данном художественном тексте. Поэтому темой можно назвать сферу актуализируемого для перерестраивания опыта» [там же, 178]. Культурно значимым является то, о чём принято говорить, как об этом надо говорить и о чём следует молчать. Тем самым культурно-специфичными являются нарративная программа и схема, то есть культурно установленная последовательность нарративных программ. Современный писатель М. Елизаров в художественной форме так обобщает тематику прозы послевоенного времени: «Он часто обращался к теме становления страны, воспевал ситцевое бытие провинциальных городков, посёлков и деревень, писал о шахтах, фабриках, бескрайней целине и битвах за урожай. Героями громовских книг обычно бывали красивые директора или председатели колхозов, солдаты, вернувшиеся с фронта, вдовья женщины, сохранившие любовь и гражданское мужество, пионеры и комсомольцы – решительные, весёлые, готовые к трудовому подвигу. Добро торжествовало с мучительным постоянством: в рекордные сроки поднимался металлургический комбинат, недавний студент за полгода заводской практики превращался в закалённого специалиста, цех перевыполнял план и брал новое обязательство, зерно по осени золотыми реками текло в колхозные закрома. Зло перевоспитывалось или упекалось в тюрьму. Разворачивались любовные страсти, но очень целомудренные – поцелуй, заявленный в начале книги, по аксиоме театрального ружья стрелял холостым чмоканьем в щёку на финальных страницах» (М. Елизаров, «Библиотекарь»).

Показателем культурогенных отрезков текста являются фрагменты, нуждающиеся в комментариях. «...Это фрагменты, которые ведут к непониманию или неадекватному пониманию текста» [Заика, 2006, 83].

Обобщение текстов культуры одного периода даёт возможность выделить инвариантные сюжеты и персонажи, с опорой на которые можно создать модель той или иной культурной эпохи.

Денотативный аспект текста включает в себя культурно-исторический контекст создания текста.

Во-вторых, культурно маркированным является сигнификативное пространство текста. Сигнификативный компонент семантики текста отражает особенности интерпретации положения дел. Особенно чётко это просматривается на этапе иконизации нарративных программ текста, когда в логические схемы производятся семантические вложения, за счёт

которых текст приобретает вещественный, реальный характер. Именно в этом пространстве текста формируются вербальные картины эпохи, характеризующиеся определённым колоритом.

В-третьих, культурная специфика содержания текста отражена в многочисленных интертекстуальных связях. Они объективируют особенности парадигмы эпохи (например, что читалось и обсуждалось в это время, что выполняло функцию эталона). Интертекстуальные связи воссоздают общий текст эпохи.

В-четвёртых, культурно обусловленными являются интерпретации текстов (особенно парадигматический аспект, то есть совокупность интерпретаций одного текста культуры в различные эпохи).

В-пятых, культурно значимым является употребление текста. Ю. М. Лотман указывал, что при владении культурным кодом языковое значение текста уходит на второй план. К таким текстам уже не предъявляется требование понятности.

Таким образом, текст представляет собой совокупность кодов – «жанрового, идейно-политического, социального, религиозного, философского и прочих» (Ю. М. Лотман), каждый из которых детерминирован ценностями своей эпохи.

Литература

Греймас, А. Ж. Семиотика: Объяснительный словарь теории языка / А. Ж. Греймас, Ж. Курте // Семиотика / Общ. ред. Ю. С. Степанова.– М.: Радуга, 1983.

Жуматова, Ю. В. Лингвокультурологические особенности русско-го и английского комплиментов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. В. Жуматова.– Челябинск, 2009.

Заика, В. И. Очерки по теории художественной речи / В. И. Заика.– Великий Новгород: НГУ им. Ярослава Мудрого, 2006.

Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик.– Волгоград: Перемена, 2002.

Кубрякова, Е. С. Дискурс: определение и направления в его исследовании / Е. С. Кубрякова // Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира.– М.: Яз. слав. культуры, 2004.

Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман.– СПб.: Искусство СПб, 2000.

Маслова, В. А. Русская поэзия XX в. в аспекте лингвокультурологии / В. А. Маслова // Гуманитарные исследования.– Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2004.

Пешё, М. Итоги и перспективы. По поводу автоматического анализа дискурса / М. Пешё, К. Фукс // Квадратура смысла / Под ред. П. Серио.– М.: Прогресс, 1999.

Пешё, М. Контент-анализ и теория дискурса / М. Пешё // Квадратура смысла / Под ред. П. Серио.– М.: Прогресс, 1999.

Пешё, М. Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия / М. Пешё // Квадратура смысла / Под ред. П. Серио.– М.: Прогресс, 1999.

Серио, П. Как читают тексты во Франции / П. Серио // Квадратура смысла / Под ред. П. Серио.– М.: Прогресс, 1999.

Серио, П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций / П. Серио // Квадратура смысла / Под ред. П. Серио.– М.: Прогресс, 1999.

Токарев, Г. В. Дискурсивные лики концепта / Г. В. Токарев.– Тула: Тул. полиграфист, 2004.

Глава 13

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ

Для лингвокультурологии интересны разнообразные словари, отражающие различные пласты языка, системные связи между единицами, их историю. Описание данных лексикографических изданий нашло уже отражение в научной и методической литературе. В этой главе мы рассмотрим словари, в которых реализован научный лингвокультурологический подход к материалу. Лингвокультурологические словари представлены двумя типами: идеографическими и лингвистическими.

Идеографические словари имеют форму концептуариев, то есть словарей концептов.

Большую известность получил концептуарий, составленный Ю. С. Степановым (Константы: Словарь русской культуры. – М.: Академ. проект, 2001.– 990 с.). В словаре рассматривается более 60 концептов. Изучается этимология ключевого слова концепта, рассматривается его история, анализируется материал, представленный разными семиотическими системами. В словаре отражены только те концепты, которые играют роль принципа культуры. Для характеристики концептов автор использует классификацию Лейбница.

Своеобразным промежуточным итогом исследования концептов стала антология концептов, составленная В. И. Карасиком и И. А. Стерниным. Книгу составили описания концептов, проведённые в рамках

диссертационных исследований. В связи с этим антология не отражает единой модели описания материала. В издании нашли отражение более 40 концептов. Ряд статей имеет сравнительно-сопоставительный характер: материалом для описания послужили данные разных языков.

Лингвистические словари ориентированы на языковые единицы, ставшие единицами культуры.

Первый словарь: Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь. Вып. 1 / И. С. Брилева, Н. П. Волынская, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных. – М.: Гнозис, 2004. – 318 с.

Авторы охарактеризовали свой словарь как справочник фиксирующего типа: он отражает ту культурную информацию, которая известна любому социализированному носителю языка, не несёт нормативной или воспитательной функции. Эмпирическую базу словаря составили зооморфные образы, прецедентные имена, тексты, высказывания. В словарной статье сообщается информация о месте персонажа в мифологическом пантеоне, о культурном смысле единицы, её роли в культурном пространстве, указываются условия употребления единицы. В статьях, посвящённых прецедентным текстам, указывается информация о произведении: жанре, авторе, времени создания, особенностях восприятия произведения.

ПЧЕЛА – относится к числу типичных русских мифологических образов (1); выступает как стереотипный образ (2); может употребляться для характеристики объекта (человека, предмета) (3).

1. В русском фольклоре с П. связан комплекс поверий и легенд. П. фигурирует в заговорах и магических действиях, в том числе пчеловодческих, календарном обряде (напр.: в весняках). В народных представлениях это насекомое наделяется священной, небесной природой (П. – Божья угодница, т. к. дает воск на свечи: *«Всех людей питает / И церкви освещает»*), христианской символикой. С П. связаны мотивы девственности и безбрачия. В толковании снов П. – предвестница смерти, что соотносится с поверьем о душе и образе пчелы.
2. П. – насекомое, которое «собирает» мед, опыляя цветы, и наполняет им соты. П. живет роем в ульях; издает характерный звук – жужжание; больно жалит. Бытуют представления о П. как неутомимой труженице, приносящей людям пользу.
3. Современные русские могут назвать **пчелой (пчелкой)** или обращаться к образу пчелы для характеристики:

– трудолюбивого человека (как правило женщины), который, работая без отдыха, внешне легко справляется с многочисленными делами:

Ну что, *пчелка*, все жужжишь? Хоть бы отдохнула немного (реч.)
Катя не просто гримерша, а художник-гример. Может из Достоевского сделать Маяковского и наоборот. Катя – не бездельница.

Трудится как пчелка (*В. Токарева. Здравствуйте*); – Ну, вот, теперь мы все с колами, а вы чистенькие! – Да? Мы все воскресенье за продуктами по магазинам бегали, а потом на кухне, как пчелки трудились, хотя могли бы, как все, к контрольной готовиться (*Х/ф «Розыгрыш»*); И потом, еле перебирая ногами, баба Оля отправилась снова собирать дань как трудовая пчела, опять поцеловала две запертые двери и, сломавшись на профессиональном поприще, поползла домой (*Л. Петрушевская. Мост Ватерлоо*).

– людей, которые живут в коллективе со строго установленным порядком, четко распределенными обязанностями:

Что вам за интерес якшаться с... вашими нудными товарищами по революционной борьбе? Они как пчелы, которым нужно сбиваться в рой и жить по правилам, а вы одиночка, сам по себе, и законы у вас свои собственные (*Б. Акунин. Статский советник*).

И. С. Брилева

Второй словарь: Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Под ред. В. Н. Телия. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА. – 784 с.

Лингвокультурологическую направленность определяет уже предмет лексикографирования – фразеологизм, который рассматривается как знак культуры. В словаре приводится культурологический комментарий к описываемым единицам языка, указываются культурные установки, ценности. Назначение словаря – демонстрация взаимоотношений языка и культуры.

Культурологический комментарий представлен тремя зонами. Первая зона – этимологическая справка, вторая – страноведческая справка, третья – культурологический комментарий, содержащий интерпретацию образного основания фразеологизма в соответствии с формами культурного сознания, культурными кодами, описание типов переосмысления прямономинативного сочетания слов при формировании идиомы, определение культуроносной функции устойчивой единицы. В. Н. Телия назвала словарную статью «лингвокультурологическим портретом фразеологизма».

Приведём фрагмент словарной статьи *верста коломенская*.

Верста – 1) старая русская мера длины, равная 1,06 км. 2) выкрашенный черно-белыми полосами дорожный столб, отмечающий эту меру (Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997. С. 75.)

Фразеологизм восходит к древнейшей мифологической форме осознания мира – анимистической, т. е. к олицетворению неживого: в основе образа лежит аналогия «вещь – человек». Образ фразеологизма осмысливается также через архетипические противопоставления «верх – низ», «длинный – короткий», формирующие константные модели духовной жизни народа.

Компонент **верста** в составе фразеологизма соотносится с вещным кодом культуры, а в компоненте **коломенская** сочетаются элементы двух культурных кодов: предметно-пространственного и антропного, т. е. собственно человеческого.

В образе фразеологизма компонент верста является эталоном измерения длины человеческого тела и участвует в создании метафоры, уподобляющей высокого человека верстовому столбу. См. также выражения *сам с ноготок, а борода с локоток; мужичок с ноготок, мальчик с пальчик, от горшка два вершка*. В основе образа фразеологизма лежит также гипербола – намеренное образное нереальное преувеличение большой меры, в данном случае – необычной, нехарактерной длины тела человека. Ср. также с выражениями *высокий как жердь, телеграфный столб, Останкинская башня, пожарная каланча, ростом с небоскреб*.

Образ фразеологизма связан с историей подмосковного села Коломенское, занимающего особое место среди старинных памятников российской культуры. Наибольший расцвет Коломенского приходится на сер. XVII в. – на время царствования Алексея Михайловича, который сделал его своей постоянной летней резиденцией. В связи с этим из Москвы в Коломенское была проложена и дорога, вдоль которой были выкопаны высокие верстовые столбы, что было новинкой и диковинкой. «Это был первый опыт обозначения видными знаками верстовых измерений, существовавших издавна в одном лишь призрачном представлении с обязательною неточностью самой меры». (*Крылатые слова по толкованию С. В. Максимова. М., 2000. С. 77*). Ср. также столбовая дорога в значении ‘главное направление развития чего-л.’. Верстовые столбы на дороге между Москвой и Коломенским были значительно выше тех, что стояли на других дорогах. Необычная высота новых верстовых столбов произвела огромное впечатление, которое надолго отложилось в народной памяти, что в дальнейшем способствовало употреблению выражения «коломенская верста» по отношению к художатому человеку очень высокого роста, превосходящему на целую голову прочих и, стоя, например, в толпе, мешающему задним видеть впереди себя (*там же*).

Фразеологизм отображает также стереотипное представление о неодинаковом отношении к превышению нормы в росте у мужчин и женщин. Очень высокий рост у мужчин не воспринимается настолько отрицательно, насколько он воспринимается у женщин. Считается, что спутник должен быть всегда выше своей спутницы.

Фразеологизм в целом выступает в роли эталона чрезмерно высокого роста человека.

И. В. Зыкова

В настоящее время создаётся целый ряд лингвокультурологических словарей, обобщающих отдельные типы культурно маркированных языковых единиц.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Аймермахер, К.* Знак. Текст. Культура / К. Аймермахер.– М.: Изд-во Рос. гос. гум. ун-та, 2001.– 394 с.
- Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи: Сб. науч. тр. / Под ред. В. И. Карасика.– Волгоград: Парадигма, 2005.– 310 с.*
- Алефиренко, Н. Ф.* Спорные проблемы семантики / Н. Ф. Алефиренко.– Волгоград: Перемена, 1999.– 274 с.
- Алефиренко, Н. Ф.* Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н. Ф. Алефиренко.– М.: Academia, 2002.– 392 с.
- Алефиренко, Н. Ф.* Проблемы вербализации концепта / Н. Ф. Алефиренко.– Волгоград: Перемена, 2003.– 95 с.
- Анри, П.* Относительные конструкции как связующие элементы дискурса / П. Анри // Квадратура смысла / Под ред. П. Серию.– М.: Прогресс, 1999.– С. 158–183.
- Апресян, Ю. Д.* Основные идеи современной семантики / Ю. Д. Апресян // Избранные труды: В 2 т. Т. 1: Лексическая семантика. Синонимические средства языка.– М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1995.– С. 6–56.
- Апресян, Ю. Д.* Прагматическая информация для толкового словаря / Ю. Д. Апресян // Там же. Т. 2: Интегральное описание языков и системная лексикография.– С. 135–155.
- Апресян, Ю. Д.* Коннотации как часть прагматики слова / Ю. Д. Апресян // Там же.– С. 156–177.
- Арош, К.* Семантика и переворот, произведённый Соссюром: язык, речевая деятельность, дискурс / К. Арош, П. Анри, М. Пешё // Квадратура смысла / Под ред. П. Серию.– М.: Прогресс, 1999.– С. 137–157.
- Арутюнова, Н. Д.* Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова.– М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1999.– 895 с.
- Архипов, И. К.* Концептуализация, категоризация, текст, дискурс. Основные теоретические понятия / И. К. Архипов // Филология и культура: Материалы 3-й междунар. конф.– Ч. 1 / Отв. ред. Н. Н. Болдырев.– Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 2001.– С. 13–15.
- Аскольдов, С. А.* Концепт и слово / С. А. Аскольдов // Русская словесность: Антология / Под общ. ред. проф. В. П. Нерознака.– М.: Academia, 1997.– С. 267–279.

Афанасьев, А. Н. Мифы, поверья и суеверия славян. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. / А. Н. Афанасьев.– М.: Эксмо; СПб.: Terra Fantastica, 2002.

Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А. П. Бабушкин.– Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1996.– 104 с.

Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли; Пер. с фр. К. А. Долинина.– М.: Иностранная лит., 1961.– 394 с.

Белик, А. А. Культурология: Антропологическая теория культур: Учеб. пособие / А. А. Белик.– М.: Изд-во Рос. гос. гуманитарного ун-та, 1999.– 238 с.

Беликов, В. И. Социоллингвистика / В. И. Беликов, Л. П. Крысин.– М.: Открытое о-во, 2001.– 437 с.

Белый, А. Поэзия слова. Пушкин, Тютчев и Баратынский в зрительном восприятии природы / А. Белый // Семиотика / Под ред. Ю. С. Степанова.– М.: Радуга, 1983.– С. 551–556.

Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист; Под ред. и вступ. ст. Ю. С. Степанова.– М.: Прогресс, 1974.– 447 с.

Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев.– М.: Наука, 1990.– 222 с.

Бергер, П. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман.– М.: Academia-центр; Медиум, 1995.– 332 с.

Блумфилд, Л. Язык / Л. Блумфилд; Под ред. М. М. Гухман.– М.: Прогресс, 1968.– 606 с.

Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика: Курс лекций / Н. Н. Болдырев.– Тамбов: Изд-во Тамбов. гос. ун-та, 2001.– 123 с.

Вайсгербер, Л. Родной язык и формирование духа / Л. Вайсгербер.– М.: Изд-во МГУ, 1993.– 223 с.

Вандриес, Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю / Ж. Вандриес; Под ред. Р. О. Шор.– М.: Соцэкгиз, 1937.– 410 с.

Вейнрех, У. О семантической структуре языка / У. Вейнрех // Новое в лингвистике.– Вып. 5: Языковые универсалии.– М.: Наука, 1970.– С. 163–249.

Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая.– М.: Рус. словари, 1997.– 416 с.

Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая.– М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1999.– 777 с.

Витгенштейн, Л. фон Философские работы: В 2 ч. / Л. фон Витгенштейн; Сост., вступ. ст. М. С. Козловой.– М.: Гнозис, 1994.

Водак, Р. Язык. Дискурс. Политика / Р. Водак.– Волгоград: Перемена, 1997.– 139 с.

Войшвилло, Е. К. Понятие как форма мышления / Е. К. Войшвилло.– М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1989.– 238 с.

Воробьёв, В. В. Лингвокультурология (теория и методы) / В. В. Воробьёв.– М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 1997.– 331 с.

Гассенди, П. Сочинения: В 2 т.– М.: Мысль, 1966.

Гендер и язык.– М.: Яз. славянской культуры, 2005.– 624 с.

Горский, Д. П. Вопросы абстракции и образования понятий / Д. П. Горский.– М.: Изд-во АН СССР, 1961.– 350 с.

Греймас, А. Ж. Семиотика: Объяснительный словарь теории языка / А. Ж. Греймас, Ж. Курте // Семиотика / Общ. ред. Ю. С. Степанова.– М.: Радуга, 1983.– С. 483–550.

Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт.– М.: Прогресс, 1984.– 397 с.

Гумбольдт, В. фон. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт.– М.: Прогресс, 1985.– 451 с.

Гумилёв, Л. Н. Этносфера: история людей и история природы / Л. Н. Гумилёв.– М.: Прогресс, 1993.– 543 с.

Дейк, Т. А. Ван Контекст и познание: Фреймы знаний и понимание речевых актов / Т. А. Ван Дейк // Язык. Познание. Коммуникация.– М.: Изд-во Благовещен. гуманитарного колледжа, 1989.– С. 12–40.

Знание. Язык. Культура: Материалы Междунар. науч. конф. «Славянские языки и культура».– Тула: Петровская Гора, 2007.– 210 с.

Карасик, В. И. Язык социального статуса / В. И. Карасик.– М.: Гнозис, 2002.– 332 с.

Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик.– Волгоград: Перемена, 2002.– 476 с.

Караулов, Ю. Н. Общая и русская идеография / Ю. Н. Караулов.– М.: Наука, 1976.– 355 с.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов.– М.: Наука, 1987.– 261 с.

Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева.– М.: Изд-во МГУ, 2000.– 350 с.

Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи / В. Г. Костомаров.– СПб.: Златоуст, 1999.– 320 с.

Коул, М. Культура и мышление / М. Коул, С. Скибнер.– М.: Прогресс, 1977.– 261 с.

Кравченко, А. В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации / А. В. Кравченко.– Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1996.– 159 с.

Кравченко, А. В. Знак, значение, знание: Очерк когнитивной философии языка / А. В. Кравченко.– Иркутск: Иркут. обл. типография, 2001.– 261 с.

Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / В. В. Красных.– М.: Гнозис, 2002.– 283 с.

Кронгауз, М. А. Семантика / М. А. Кронгауз.– М.: Открытое о-во, 2001.– 400 с.

Крысин, Л. П. Социоллингвистические аспекты изучения современного русского языка / Л. П. Крысин.– М.: Наука, 1989.– 186 с.

Кубрякова, Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова и др.– М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1996.– 245 с.

Кубрякова, Е. С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова.– М.: Яз. славянской культуры, 2004.– 555 с.

Культурология: История и теория культуры / Под ред. В. И. Добрынина.– М.: Знание, 1996.– 272 с.

Куртин, Ж. Ж. Шапка Клементиса (заметки о памяти и забвении в политическом дискурсе) / Ж. Ж. Куртин // Квадратура смысла / Под ред. Ю. С. Степанова.– М.: Прогресс, 1999.– С. 95–105.

Лакофф, Дж. Лингвистические гештальты / Дж. Лакофф; Пер. с англ. Н. Н. Перцовой // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10: Лингвистическая семантика / Сост., общ. ред. и вступ. ст. В. А. Звегинцева.– М.: Прогресс, 1981.– С. 350–368.

Леви-Стросс, К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс.– М.: Наука, 1985.– 535 с.

Лейбниц, Г. В. Сочинения: В 4 т. / Г. В. Лейбниц.– М.: Мысль, 1982.

Леонтович, О. Введение в межкультурную коммуникацию / О. Леонтович.– М.: Гнозис, 2007.– 368 с.

Лихачёв, Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачёв // Русская словесность: Антология.– М.: Academia, 1997.– С. 280–287.

Лосев, А. Ф. Философия. Мифология. Культура / А. Ф. Лосев.– М.: Изд-во полит. лит., 1991.– 525 с.

Лотман, Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / Ю. М. Лотман.– СПб.: Искусство СПб, 1994.– 398 с.

Лотман, Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман.– СПб.: Искусство СПб, 2000.– 704 с.

Лотман, Ю. М. История и типология русской культуры / Ю. М. Лотман.– СПб.: Искусство СПб, 2002.– 765 с.

Лурия, А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия.– М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1979.– 319 с.

Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова.– М.: Академия, 2004.– 208 с.

Марр, Н. Я. Язык и общество / Н. Я. Марр.– Л.: Гаимк, 1934.– 432 с.

Марр, Н. Я. Основные вопросы языкознания / Н. Я. Марр.– Л.: Гаимк, 1936.– 523 с.

Мейе, А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков / А. Мейе; Под ред. Р. Шор.– М.; Л.: Соцэкгиз, 1938.– 510 с.

Мельчук, И. А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл» ↔ «Текст». Семантика, синтактика / И. А. Мельчук.– М.: Наука, 1974.– 314 с.

Мечковская, Н. Б. Семиотика: язык, природа, культура / Н. Б. Мечковская.– М.: Академия, 2004.– 432 с.

Моррис, Ч. У. Основания теории знаков / Ч. У. Моррис // Семиотика / Общ. ред. Ю. С. Степанова.– М.: Радуга, 1983.– С. 37–89.

Никитин, М. В. Основы лингвистической теории значения: Учеб. пособие / М. В. Никитин.– М.: Высш. шк., 1988.– 168 с.

Никитин, М. В. Курс лингвистической семантики / М. В. Никитин.– СПб.: Науч. центр проблем диалога, 1996.– 757 с.

Новиков, Л. А. Семантика русского языка: Учеб. пособие / Л. А. Новиков.– М.: Высш. шк., 1982.– 272 с.

Отье-Ревю, Ж. Явная и конститутивная неоднородность: к проблеме другого в дискурсе / Ж. Отье-Ревю // Квадратура смысла / Под ред. Ю. С. Степанова.– М.: Прогресс, 1999.– С. 54–95.

Падучева, Е. В. Семантические исследования / Е. В. Падучева.– М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1996.– 464 с.

- Падучева, Е. В.* Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. – М.: Шк. «Яз. слав. культуры», 2004. – 609 с.
- Панфилов, В. З.* Взаимоотношение языка и мышления / В. З. Панфилов. – М.: Наука, 1971. – 232 с.
- Пелипенко, А. А.* Культура как система / А. А. Пелипенко, И. Г. Яковенко. – М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1998. – 371 с.
- Пешё, М.* Контент-анализ и теория дискурса / М. Пешё // Квадратура смысла / Под ред. П. Серию. – М.: Прогресс, 1999. – С. 302–336.
- Пешё, М.* Итоги и перспективы. По поводу автоматического анализа дискурса / М. Пешё, К. Фукс // Квадратура смысла / Под ред. Ю. С. Степанова. – М.: Прогресс, 1999. – С. 105–123.
- Пешё, М.* Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия / М. Пешё // Квадратура смысла / Под ред. П. Серию. – М.: Прогресс, 1999. – С. 225–290.
- Попова, З. Д.* Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1999. – 30 с.
- Попова, З. Д.* Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2001. – 191 с.
- Попова, З. Д.* Язык и национальная картина мира / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002. – 59 с.
- Потебня, А. А.* Мысль и язык / А. А. Потебня. – М.: Лабиринт, 1999. – 300 с.
- Потебня, А. А.* Символ и миф в народной культуре / А. А. Потебня. – М.: Лабиринт, 2000. – 480 с.
- Почепцов, Г.* История русской семиотики до и после 1917 года / Г. Почепцов. – М.: Лабиринт, 1998. – 325 с.
- Почепцов, Г. Г.* Семиотика / Г. Почепцов. – М.: Рефл-бук, 2002. – 430 с.
- Пропп, В. Я.* Морфология сказки / В. Я. Пропп. – М.: Наука, 1969. – 168 с.
- Пропп, В.* Русские аграрные праздники / В. Пропп. – М.: Лабиринт, 2000. – 192 с.
- Пульчинелли, Орланди Э.* К вопросу о методе и объекте анализа дискурса / Орланди Э. Пульчинелли // Квадратура смысла / Под ред. Ю. С. Степанова. – М.: Прогресс, 1999. – С. 197–224.
- Реформатский, А. А.* Опыт анализа новеллистической композиции / А. А. Реформатский // Семиотика / Под ред. Ю. С. Степанова. – М.: Радуга, 1983. – С. 557–565.
- Савенкова, Л. Б.* Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты / Л. Б. Савенкова. – Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 2002. – 240 с.

Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир.– М.: Прогресс, 2001.– 656 с.

Серебренников, Б. А. О материальном подходе к явлениям языка / Б. А. Серебренников.– М.: Наука, 1983.– 319 с.

Серио, П. Как читают тексты во Франции / П. Серио // Квадратура смысла / Под ред. П. Серио.– М.: Прогресс, 1999.– С. 12–54.

Серио, П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций / П. Серио // Квадратура смысла / Под ред. П. Серио.– М.: Прогресс, 1999.– С. 337–383.

Серль, Дж. Метафора / Дж. Серль // Теория метафоры / Под ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Жирмунской.– М.: Прогресс, 1990.– С. 307–341.

Снитко, Т. Н. Предельные понятия в западной и восточной лингвокультурах / Т. Н. Снитко.– Пятигорск: Изд-во Пятигор. гос. лингвист. ун-та, 1999.– 158 с.

Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр.– М.: Прогресс, 1977.– 695 с.

Степанов, Ю. С. Семиотика / Ю. С. Степанов.– М.: Наука, 1971.– 165 с.

Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования / Ю. С. Степанов.– М.: Академ. проект, 2001.– 990 с.

Тарасов, Е. Ф. Язык как средство трансляции культуры / Е. Ф. Тарасов // Фразеология в контексте культуры.– М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1999.– С. 34–37.

Телия, В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В. Н. Телия // Фразеология в контексте культуры.– М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1999. – С. 13–24.

Теньер, С. Л. Основы структурного синтаксиса / С. Л. Теньер; Вступ. ст., общ. ред. В. Г. Гака.– М.: Прогресс, 1988.– 653 с.

Токарев, Г. В. Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентаций концепта «Труд» в русском языке) / Г. В. Токарев.– Волгоград: Перемена.– 232 с.

Токарева, И. Ю. Формирование культуроведческой (культурно-языковой) компетенции учащихся при изучении русского языка / И. Ю. Токарева.– Тула: Изд-во ИПК и ПП РО ТО, 2008.– 62 с.

Толстой, Н. И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н. И. Толстой.– М.: Индрик, 1995.– 509 с.

Успенский, Б. А. Семиотика искусства / Б. А. Успенский.– М.: Шк. «Яз. рус. культуры», 1995.– 360 с.

Фархутдинова, Ф. Ф. Взглянуть на мир сквозь призму слова / Ф. Ф. Фархутдинова.– Иваново: Изд-во ИГУ, 2000.– 204 с.

Фрейд, З. Психоанализ. Религия. Культура / З. Фрейд; Сост. и вступ. ст. А. М. Руткевича.– М.: Ренессанс, 1992.– 296 с.

Фуко, М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук / М. Фуко.– М.: Прогресс, 1977.– 488 с.

Хроленко, А. Т. Лингвокультуроведение: Учеб. пособие / А. Т. Хроленко.– М.: Флинта; Наука, 2005.– 184 с.

Хроленко, А. Т. Лингвофольклористика. Листая годы и страницы / А. Т. Хроленко.– Курск: Изд-во ГГУ, 2008.– 229 с.

Часовникова, А. В. Христианские образы растительного мира в народной культуре. (Петров крест. Адамова голова. Святая верба) / А. В. Часовникова.– М.: Индрик, 2003.– 248 с.

Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса: Дис. ... д-ра филол. наук / Е. И. Шейгал.– Волгоград, 2000.– 431 с.

Шестак, Л. А. Русская языковая личность: коды образной вербализации тезауруса / Л. А. Шестак.– Волгоград: Перемена, 2004.– 311 с.

Шмид, В. Нарратология / В. Шмид.– М.: Яз. славянской культуры, 2003.– 312 с.

Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко.– СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998.– 432 с.

Юнг, К. Г. Феномен духа в искусстве и науке / К. Г. Юнг // Собр. соч.: В 19 т.– М.: Ренессанс, 1992.– Т. 15.– 320 с.

Язык. Культура. Коммуникация: Материалы Междунар. науч. конф. «Славянские языки и культура».– Тула: Петровская Гора, 2007.– 216 с.

Языковая номинация: Общие вопросы / Отв. ред. Б. А. Серебренников.– М.: Наука, 1977.– 359 с.

Языковые средства и способы кодирования культурных знаний: Материалы Междунар. науч. конф. «Славянские языки и культура». – Тула: Петровская Гора, 2007.– 217 с.

Якобсон, Р. В поисках сущности языка / Р. Якобсон // Семиотика / Общ. ред. Ю. С. Степанова.– М.: Радуга, 1983.– С. 102–118.

Якобсон, Р. Поэзия грамматики и грамматика поэзии / Р. Якобсон // Семиотика / Общ. ред. Ю. С. Степанова.– М.: Радуга, 1983.– С. 462–482.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

(СД) *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Терра, 1995.

(СПД) *Даль В. И.* Пословицы русского народа: В 2 т. – М.: Худож. лит., 1984.

(СЯС) *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Толковый словарь языка совдепии. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 700 с.

(БСЖ) *Мокиенко В. М., Никитина Т. Г.* Большой словарь русского жаргона. – СПб.: Норинт, 2000. – 717 с.

(НРС) *Немецко-русский словарь* / Сост. Н. В. Глен-Шестакова, В. Б. Лиднер, А. О. Орлова, И. В. Рахманова. – 31-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1984. – 528 с.

(СНС) *Немецко-русский словарь синонимов* / Под ред. Г. Шмидта. – М.: Фирма «Ник», 1998. – 701 с.

(СОШ) *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. – 13-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1981. – 816 с.

(РЭС) *Россия: Энциклопедический словарь* / Под ред. К. К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского. – СПб.: Лениздат, 1991. – 878 с.

(МАС) *Словарь русского языка: В 4 т.* / Под ред. А. П. Евгеньевой. – М.: Рус. яз., 1981.

(ССЕ) *Словарь синонимов русского языка: В 2 т.* / Под ред. А. П. Евгеньевой. – Л.: Наука, 1970.

(БАС) *Словарь современного русского литературного языка: В 17 т.* – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965.

(СРНГ) *Словарь русских народных говоров* / Под ред. Ф. П. Филина. – М.; Л.: Наука, 1965.

(СДЯ) *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка: В 3 т. – М.: Гос. изд-во иностранных и нац. словарей, 1958.

(ТСЯИ) *Толковый словарь русского языка конца XX в.: Языковые изменения.* – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 700 с.

(ФСМ) *Фразеологический словарь русского языка* / Под ред. А. И. Молоткова. – М.: Сов. энциклопедия, 1967. – 543 с.

(САП) *500 English proverbs and sayings.* – Moscow: Higher school publishing house, 1966. – 32 p.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Глава 1. ВВЕДЕНИЕ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЮ	4
1.1. Понятие лингвокультурологии как лингвистической дисциплины. Предмет и задачи лингвокультурологии	4
1.2. Лингвокультурология и другие науки	7
1.3. Предтечи лингвокультурологии	8
1.4. Разновидности лингвокультурологии	9
1.5. Лингвокультурологическая интерпретация культуры	9
1.6. О соотношении понятий <i>язык и культура</i>	13
Глава 2. КОНЦЕПТ КУЛЬТУРЫ	14
2.1. Концепт как элемент культуры	14
2.2. Разнообразие смыслов, включённых в концепт	18
2.3. Концепт и архетип	23
2.4. Особенности русского характера	24
Глава 3. ВИДЫ КАТЕГОРИЗАЦИИ ЗНАНИЙ	29
3.1. Понятие категоризации знания	29
3.2. Традиционный подход к категоризации	30
3.3. Прототипическая категоризация	0
3.4. Типы ментальной упаковки знаний	32
Глава 4. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КУЛЬТУРНОГО ЗНАНИЯ	38
4.1. Структурно-семантическая категоризация	38
4.2. Понятие культурного кода	39
4.3. Семиотические ряды	41
4.4. Понятие лингвокультуремы	42
4.5. Понятия симболария, текста и тезауруса культуры	44
Глава 5. ПОНЯТИЕ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ	48
5.1. Культурно-языковая компетенция в ряду смежных компетенций	48
5.2. Сущность культурно-языковой компетенции	50
Глава 6. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ И СИСТЕМА ЯЗЫКА. КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ФОНЕТИКИ И ГРАФИКИ	51
6.1. Лингвокультурология и система языка	51
6.2. Культурные аспекты фонетики	52
6.3. Графическая лингвокультурология	54

Глава 7. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКОЙ	57
7.1. Отражение культурной информации в денотативно-сигнификативном блоке лексического и фразеологического значения	57
7.2. Отражение культурной информации в оценочном компоненте лексического и фразеологического значения	61
7.3. Отражение культурной информации в прагматическом блоке лексического и фразеологического значения	64
7.4. Понятие культурной коннотации	66
7.5. Типология культурных коннотаций	68
7.6. Отражение культурной информации в структуре многозначного слова	71
7.7. Методики изучения взаимодействия языка и культуры на семном уровне ...	76
 Глава 8. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЗНАЧИМОСТЬЮ	 78
8.1. Понятие лингвокультурной значимости	78
8.2. Отражение культурной информации синонимическими значимостями	81
8.3. Отражение культурной информации антонимическими значимостями	88
 Глава 9. КВАЗИСИМВОЛЫ, КВАЗИЭТАЛОНЫ, ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ЕДИНИЦЫ	 91
9.1. Особенности формирования символических значений	91
9.2. Семантическая специфика квазиэталонов и квазисимволов	92
9.3. Когнитивная специфика квазиэталонов и квазисимволов	96
9.4. Прецедентные языковые единицы	97
 Глава 10. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ЗНАЧИМОСТИ	 98
10.1. Культурно-когнитивный потенциал производного слова	98
10.2. Вербализация культурной информации словообразовательными макроединицами	100
10.3. Лингвокультурные аспекты словообразовательного значения	101
 Глава 11. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ МОРФОЛОГИИ И СИНТАКСИСА	 104
11.1. Основные лингвокультурные явления в морфологии	105
11.2. Вспомогательные лингвокультурные явления в морфологии	107
11.3. Лингвокультурные аспекты синтаксиса	111
 Глава 12. ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ДИСКУРСА И ТЕКСТА	 115
12.1. Лингвокультурные аспекты дискурса	115
12.2. Культурная специфика текста	118
 Глава 13. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ	 121
 СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	 125
 СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	 133

Научное издание

ТОКАРЕВ Григорий Валериевич

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Учебное пособие

Редактор – О. Ф. Ермакова.
Подготовка оригинал-макета – Т. В. Лазарева.
Художественное оформление – Е. А. Свиридова.

Подписано в печать 18.05.2009. Формат 60×90/16.
Бумага офсетная. Печать трафаретная. Уч.-изд. л. 8,3. Усл. печ. л. 8,5.
Тираж 200 экз. Заказ 09/059. «С» 1077.

Издательство Тульского государственного педагогического университета
им. Л. Н. Толстого. 300026, Тула, просп. Ленина, 125.

Отпечатано в Издательском центре ТГПУ им. Л. Н. Толстого.
300026, Тула, просп. Ленина, 125.